

В.А. Останин

Воля в структуре смысла

**Владивосток
2005**

Останин В.А. Воля в структуре смысла. Монография. — Владивосток: Рос. тамож. академия, Владивостокский филиал, 2005. — 148 с.

В монографии представлены результаты исследования по проблемам познания, в первую очередь социально-экономических явлений. Дается критический анализ некоторых принципов познания в границах диалектической логики. Наибольшее внимание уделяется тем возможностям процесса познания социально-экономических процессов, который несёт в себе принцип целостности. Делается попытка переосмыслить место и роль воли в структуре смысла и знания.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и лиц, интересующихся проблемами познания экономических процессов в обществе.

Ostanin V.A. The will in the sense structure. Monograph. — Vladivostok: Russian Customs Academy, Vladivostok branch, 2005. — 148 pp.

The results of the research on problems of cognition of social and economic phenomenas have been presented in the work. It contains a critical analysis of a few cognition principles in the realm of dialectic logic. The most attention is paid to the opportunities of cognition of social and economic processes, which provide the existence of the principle of completeness. The author tried to reconsider the place and the role of the will in the structure of sense and experience.

The book is intended for scholars, lecturers, post-graduate students, students and those who are interested in problems of cognition of economic processes in the society.

© Останин В.А., 2005
© ВФ РТА, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
1. Понятие целого в познании и понимании социально-экономической реальности	9
1.1. Понятие целого в теории познания.....	9
1.2. Проблема метода познания мира — экономики как целого.....	17
2. Некоторые принципы диалектической логики: критический анализ.....	18
2.1. Диалектическая логика как органон формирования целостного теоретического образа социально-экономической действительности	24
2.2. «Принцип» объективности рассмотрения в диалектической логике.....	31
2.3. Принцип конкретного тождества и его роль в познании и понимании.....	36
2.4. Принцип всесторонности рассмотрения.....	44
2.5 Содержание принципа определенности в диалектической логике.....	47
3. Принцип целостности в системе принципов познания и понимания.....	61
4. Проблемы формирования тотальности теоретического образа мира – экономики	98
5. Воля в структуре формирующегося смысла явлений социально-экономической действительности.....	112
6. Проблема понимания смысла социально-экономической реальности.....	122
Послесловие.....	141
Литература.....	144

TABLE OF CONTENTS

Introduction.....	5
1. Concept of the whole in cognition and understanding of social and economic reality.....	9
1.1. Concept of the whole in cognition theory.....	9
1.2. The problem of cognition method of economy world as the whole...	17
2. Some principles of dialectic logic: the critical analysis.....	18
2.1. Dialectic logic as the organon of forming the whole theoretical image in social and economic reality.....	24
2.2. The principle of objectivity of studying in dialectic logic	31
2.3. The principle of the concrete identity and its role in cognition and understanding	36
2.4. The principle of the multiaspect consideration.....	44
2.5. The contents of the principle of certainty in dialectic logic	47
3. The principle of the wholeness in principle system of cognition and understanding.....	61
4. The problem of forming the total picture of the economy world.....	98
5. The will in the structure of the created sense of social and economic phenomena.....	112
6. The problem of understanding the idea of social and economic reality.....	122
Conclusion.....	141
Reference literature.....	144

ВВЕДЕНИЕ

Любой научный трактат преследует определенную цель, например, изложить мнение, раскрыть истину добытого в исследовании, убедить оппонентов, навязать им свое видение, наконец, раскрыть смысл явления. Но все, безусловно, стремятся излагать истину. Однако где лежит критерий истинности в суждениях экономистов, Какие можно выдвинуть основания относительно того, что та или иная модель может претендовать на истину. Как отмечал еще в Критике чистого разума И.Кант, признание чего-то истинным имеет в рассудке некоторые объективные основания. Но это оказывается недостаточным. Истина имеет свои основания и в субъективном, например, это будет определяться волей, свободой выбора метода исследования. Следовательно, господствующему в теории познания суждению, что сам метод исследования дан объектом исследования, нуждается в существенной корректировке. Более того, понятие объективного также нуждается в уточнении. Объективное есть то, что имеет достаточное основание, чтобы по нему могло быть вынесено суждение значимое для каждого, кто обладает разумом и волей. В этом случае мы можем вслед за И.Кантом говорить, что истина обнаруживает себя в форме убеждения. Если же суждение, которое претендует на истину, имеет свои основания исключительно в особом характере познающего субъекта, то это уже следует характеризовать как уверенность.

Как нам представляется, многое из того, что пишется и обсуждается в научных журналах и иных научных изданиях по экономической теории скорее выплескивается на головы читателей исходя из уверенности автора в истинности предлагаемых моделей. В итоге эти результаты мало имеют общего с самой истиной. Эту уверенность, порой не по разуму пишущих и старающихся открыть миру истину есть не более как видимость знания, ибо в этом случает то, что полагается в качестве объективного основания, находятся в с самом субъекте. Следовательно, эти теоретики скорее открывают предмет исследования для себя, и для них он будет иметь свою индивидуальную, а не объективную значимость и не объективное основание. Можно было бы порекомендовать эти суждения, имеющие индивидуальную значимость и далее оставлять при себе. И то, что признает сам пишущий как истинность в этом случае, не может быть и предметом изложений, даже и околонучных трактатов, а, следовательно, и предметом сообщений.

Истинность излагаемого основывается на соответствии теоретических моделей с объектом, в отношении которого, как пишет И.Кант, суждения всякого рассудка должны быть согласны между собой. И критерием того, что приобретает ли признание чего-либо истинным характер убеждения или только уверенности, есть возможность сообщать его и считать, что его истинность может быть признана любым человеческим разумом.

Однако в настоящее время на головы подготовленных у научном отношении и не очень обрушивается лавина скоросваренных суждений, мало имеющих общего с истиной, по крайней мере, по методу исследования. Отсутствие не только самокритики, но и критики приводит к ситуации, когда любая модель, суждения, высказываемые сановными экономистами не получает теоретического возражения, даже попыток ее отрицания. Здесь уже нет серьезного стремления найти место в обосновании истинности своих суждений в некоторых объективных основаниях. Господствует околонучный произвол, причина которого в уверенности автора. Некоторые даже не утруждают себя в том, чтобы соотнести свои суждения с теми, которые они некоторое время назад открыто проповедовали и получали притом за это нынешние научные степени. Примеров столько, что не стоило бы и даже это приводить. Хотя некоторые частные примеры могут только подтвердить, но не доказать это общее суждение. Таким «перлом» может стать суждение «маститого» ученого о том, что кардинальное различие между рыночной экономикой и экономикой, централизованно планируемой, заключается не в наличие или отсутствия планирования, а в характере и масштабах процессов планирования [См. 79, с.39]. Вполне можно перефразировать библейское изречение, во истину, не ведают того, о чем пишут.

Однако следует все же не забывать, что никакая теория не минует критического восприятия. И хотя в настоящее время любая система экономических воззрений предлагает себя как возможное среди конкурирующих точек зрения и мнений, когда все предлагается на выбор, все проглатывается, нет гарантии, что мысль может укрыться от внушающего страх окрика; всегда будет существовать вероятность, что самовнушение «моя теория избежит такой судьбы» не превратится в самовосхваление. Поэтому диалектика не обязана молчать в ответ на упреки и связанные с ними обвинения в поверхностности [78, с.14-15].

Следовательно, любые утверждения в научных изданиях следует воспринимать как высказывания о нечто необходимом и значимом. И это следует делать только тогда, когда эти суждения приводят к убеждениям. Категоричность и безапелляционность высказываний можно этим «маститым»

ученым оставить при себе, если она их удовлетворяет, но не следует их пытаться навязывать как нечто значимое для других людей.

Все это приводит И.Канта к мысли, что следует разводить понятия «мнение», «вера», «знание». Мнение есть не что иное, как сознательное признание чего-либо истинным, необходимым, значимым, или наоборот. Здесь мнение есть недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны. Если признание истинности суждения имеет достаточное основание со стороны субъекта, но недостаточное с объективной стороны, то имеем перед собой веру. И если с субъективной и с объективной стороны имеется достаточное основание, то здесь речь идет уже о знании [см. 59, с.427-428].

Следовательно, возникает важная для углубления сущности процесса познания проблема. Сознание есть нечто то, что направляется на объект с целью отражения его в некоторой форме идеального образа. Это есть собственно то, что классики называли осознанным бытием, или *das Bewusstsein*. Но то, что направлено на собственное «Я» субъекта, или то, что И.Кант называет знание объекта с субъективной стороны, т.е. самосознание «Я», есть уже воля, как трактует эту часть отношения познающего субъекта А.Шопенгаур. Именно воля управляет разумом, ориентированного на объект, через призму опосредованного к самому себе отношения, т.е. опосредованного волей. И именно воля, как это уже представляется нам, и эта идея проводится в качестве основополагающей в данном исследовании, управляет самим разумом, придавая знаниям об объекте уже не в форме некоторого набора, отрывком, но как знаниям в системе, или системному знанию. Это понятие уже несет в себе большие признаки целостности. Ибо истинное понятие разума, по И.Канту, содержит в себе цель и соответствующую ей форму целого. Единство цели, к которому относятся все части (целого) и в идее которого они соотносятся также друг с другом, объясняется то, что, приобретая знания, нельзя упустить из виду ни одной части. В научном познании целое расчленено (*articulatio*), а не нагромождено (*coacervatio*). Прирост знания может осуществляться за счет приращения знания существенного, т.е. может расти внутренне (*per intussusceptionem*), но не внешне (*per appositionem*) в отличие от тела животного. Рост последнего состоит не в присоединении новых членов, а в том, что каждый орган без изменения пропорциональности становится более сильным и более приспособленным к свои целям [59, с.433].

Это существенное, на наш взгляд добавление, позволяет уже не довольствоваться традиционным понятием знания вообще, а углублять последнее, доводя знание до понимания. В этом случае само осознание

предмета мысли приобретает большие признаки целостного знания, а именно, понимание смысла.

Смысл сложных и противоречивых онтологически социально-экономических процессов, протекающих в современном мире, остается во многом не понят, хотя обильное всезнайство с избытком обнаруживает себя. Осознание объективного мира уже не может вписаться в традиционную схему абсолютного тождества субъекта и объекта. Более того, оно становится просто бессмысленным и бесплодным для познания. Современное состояние экономической теории, теории познания не характеризуется раскрытием природы сущностных процессов, которые имеют место быть в России, особенно в переходный период. Осмысленное, или произвольное изгнание диалектики из общественно-политических наук привело к самоограничению познания. Самодовольство эмпирическим сковывает волю, а давление западной, в основном американской экономической мысли, этого современного направления майстрима в экономической теории, привело к неуверенности в себе, в своих возможностях истинно осмыслить специфическую российскую действительность. В результате экономическое познание оказалось запертой в духоте инородных мелкотравчатых социально-экономических воззрений. И если познание не поднимается до понимания смысла происходящего в России, то этот порядок сознательно начинает ограничивать сам себя, довольствуясь «жвачкой, отрыгивающих корм профессуры» (А.Шопенгауэр).

Интересы большинства россиян мало что имеют общего с навязываемыми ценностями как власть предержащих, как и холуйствующими в современной официальной науки экономистами. Интересы людей объективно требуют, чтобы материальные интересы россиян воспринимались бы ими самими в первую очередь, осознавались бы ими без «розовых» очков, без прикрас. И до тех пор, пока в обществе не будет преломлена тенденция в довольствовании явлений без понимания их скрытого смысла, познание будет отличать ущербность. Воссоздание принципа целостности в познании, как нам представляется, позволит приоткрыть покрывало Майи. Это позволит изменить то, что есть в современной действительности. И, однако, позже станет ясно, то, что есть сейчас, есть не все.

1. ПОНЯТИЕ ЦЕЛОГО В ПОЗНАНИИ И ПОНИМАНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

1.1 Понятие целого в теории познания

Мир, познаваемый субъектами, всегда предстает изначально как органическое целое. Этот мир, объективен, независим от осознания того факта, что способно ли само сознание его отразить в мышлении. Сознание, по выражению К. Маркса, есть осознанное бытие. Das Bewusstsein – (нем.) не может быть другим как не bewusste Sein. Если мы нечто не можем осознать, то это совсем не означает, что самого бытийствующего объекта не существует. Однако и само фундаментальное понятие в философии «бытие» оказалось предельно отягощенным и противоречивым в своем содержании и объеме. Как отмечает по этому поводу К. Поппер, слова «объективный» и «субъективный» являются философскими терминами, обремененными тяжелым наследием противоречивых способов использования, нескончаемых и безрезультатных дискуссий. Кант использует слово «объективный» для того, чтобы указать, что, что научное знание должно допускать оправдание, независимое от чьей-то прихоти [76, с.67].

Проблема нам, однако, видится несколько в другом. Мир, познаваемый субъектом и противостоящий ему, всегда есть некоторое целое. Это целое, объективное, реальное есть необходимая предпосылка отображения в мышлении, в системе понятий и категорий иного целого уже существующего в самом сознании, однако не как органического целого, а как некоторого единства абстрактных своих определений.

На первом этапе это реальное, конкретное целое чувственно переживается, отражаясь в процессе созерцания, обоняния, осязания и т. д. Оно воспринимается на этом этапе как чисто внешнее, противостоящее мыслящему субъекту. Реальное целое, например мир экономики, предстает как набор хаотичных представлений о нем. Однако на этом этапе сознание не является равнодушно отражающим этот мир.

Избирательность сознания ощущается уже изначально. Само сознание может это не осознавать, оно может присутствовать имплицитно. Это возможно, в качестве теоретической предпосылки, объяснить следующим положением.

Мир экономики, например, не есть исключительно совокупность факторов производства, совокупность самих условий человеческого бытия. Эти факторы производства присваиваются, отчуждаются, заимствуются индивидами, субъектами присвоения. Последние осуществляют тем самым всю

совокупность отношений собственности в обществе. Собственность, как общественное отношение, только подчеркивает, выявляет то важное для последующих наших выводов положение, что сам индивид несет на себе момент абстрактности. Индивид, как субъект присвоения, не может теоретически мыслить объект как целое, хотя сам «индивид», «индивидуум» (от лат. Individuum – неделимое) есть органическое целое, как отдельный живой организм, как особь.

Однако в обществе индивидуум есть отдельный человек, личность, но именно общество превращает индивидуума как отдельного человека в лицо зависимое, вынужденное из социума, т. е. в абстрактное существо. Он может претендовать на целое как существо биологическое, но уже в р д у он становится абстрактным, теряющим свою независимость и признаки целостности. Индивид привязан к другим индивидам узами, которые гораздо крепче пуповины. Эта связь скорее обнаруживает, выявляет его собственную абстрактность, она превращает его из самодостаточного целого в элемент общества.

Последнее предопределено самой природой человеческого общественного бытия, его местом в системе общественного воспроизводства, а, следовательно, его местом в системе общественного присвоения самих условий жизни человека.

Между индивидами, как субъектами присвоения, устанавливаются конкретно-всеобщие связи, конкретно-всеобщие взаимозависимости. Только совокупность индивидов в системе присвоения своих условий жизни позволяют разрешать противоречие целого и части. Разрешение этого противоречия есть процесс формирования конкретно-всеобщей зависимости, увязывающей всю совокупность индивидов в единое целое. В этом едином органическом целом индивид уже не может быть мыслим как элемент системы, как часть системы. Ибо часть есть элемент механического целого. Здесь индивид скорее мыслится как момент целого.

Попытки разрешить это противоречие в самой жизни были обречены. Робинзонады как формы становления условий самодостаточности индивида явили свою обреченность и утопизм. Попытки же разрешить эти противоречия в самой теории могут привести разве лишь к появлению еще одной, без особой необходимости рожденной утопии. Следовательно, индивид предстает как элемент целого, как его орган, а не часть. Можно утверждать, что его восприятие действительности изначально предопределено его абстрактным бытием. Его форма, способы присвоения, наконец, сам труд «...выступает непосредственно как функция члена общественного организма» [25, Т.13, с.20].

Этому объективному, реальному целому мы противопоставили целое как конкретно-всеобщий целостный теоретический образ. Последний не есть копия, не есть аналогия. Он есть осознание индивидуумами этого объективного целого. Как пишет по этому поводу Т. Адорно, выраженное теорией целое содержится в анализируемом отдельном, а не возникает благодаря познающему субъекту. Само опосредование обоих есть содержательное, это опосредование общественной целостностью (Totalitet). Формально опосредование возможно в силу абстрактной закономерности самой целостности, тотальности обмена [78, с.52].

Теоретический образ объективного целого не может восприниматься неким коллективным разумом, коллективным сознанием. У человеческого сообщества нет органа подобного коллективному желудку как у полипов, как остроумно заметил по аналогичному поводу Спенсер.

Следовательно, абстрактный индивид, осознание которого предопределено его местом в системе общественного воспроизводства, его материальными интересами, не может “схватить” в мышлении этот целостный теоретический образ объективного, реального целого. Часть не несет в себе все элементы целостности. В конкретных отдельных индивидах нет той определенности, которая выступала носителем этого целого. Итогом мыслительной деятельности абстрактного индивида могут быть не более как теоретические абстракции этого объективного целого и абстракции теоретически целостного образа, т. е. абстракции конкретно- всеобщего.

Из этого следует важное для последующих умозаключений суждение. Сформировать целостный теоретический образ как конкретно-всеобщее образование познающим субъектом становится теоретически недостижимым в силу самой абстрактно-индивидуальной природы индивида. Данное противоречие, как в жизни, так и в познании, в диалектической логике разрешается преодолением обособленности индивидуумов друг от друга, усложнением всесторонней зависимости, с одной стороны, и рассмотрением теоретического образа субъектами, которые представляют широкий спектр субъектов присвоения. Эта всесторонность рассмотрения позволит преодолеть «атоминизированность», и одновременно учесть внешнюю форму зависимости субъектов в сфере общественного присвоения. Эта всесторонняя зависимость, по сути, есть форма проявления своей противоречивости - независимости субъектов присвоения, подобно тому, как «частный труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в непосредственно общественной форме» [25, Т23, с.68].

Однако отразиться исследователю в понятиях и категориях эта целостность как конкретно-всеобщая форма целостного теоретического образа может исключительно в умозрачительных и тощих абстракциях. Конкретно-всеобщий теоретический образ целостного мира экономики является в абстрактно-всеобщих понятиях. Абстрактно-человеческий труд абстрактного работника мог стать формой выявления конкретного труда. «Конкретно-всеобщее взаимодействие деталей» и предстает в виде абстрактно-всеобщего - в мистическом облике абстрактного объекта - стоимости. Попадая в сложившуюся историческую систему отношений, характерных для огромной машины определенного исторического способа производства, конкретный индивид начинает функционировать в ней именно в той роли, которую она ему определила, а именно, в роли «винтика», в роли стандартно-абстрактной детали. Его деятельность становится в буквальном и точном смысле абстрактной, ущербно-однобокой и схематичной. Именно потому, что его деятельность, как и деятельность каждого его соседа, сделалась тут реально-абстрактной деятельностью, она и оказалась накрепко привязанной к другой столь же абстрактной деятельности.

Захваченный в сети вещной зависимости, этот абстрактный индивид неизбежно попадает также и в сети иллюзий относительно своего собственного бытия [26, с.283,284].

Эта система аргументации Э. В. Ильенкова, как нам представляется, вполне достаточна для доказательства тезиса об абстрактности бытия человеческого индивида, о его одностороннем восприятии мира экономики, predetermined его местом в системе общественного воспроизводства и его материальными интересами. Последние, будучи формой отражения вещных отношений зависимости, есть одновременно и формой бытия общественных отношений самостоятельно противостоящих, но только по видимости, независимых индивидов. Над индивидами начинают теперь господствовать абстракции [25, т.46, ч.1, с.108] Все это не может содать реальные предпосылки для формирования целостного образа мира-экономики.

Принимая в качестве аргументов суждения Э. В. Ильенкова и К. Маркса, мы, тем не менее, не можем согласиться с корректностью употребления термина «абстрактный индивид», «абстрактное». Как нам представляется, следует быть более корректным в употреблении этих терминов и понятий. «Абстрактный» и другие понятия, несут в себе смысловую нагрузку, как, например, концепт есть категория гносеологии, теории познания, наконец, диалектической логики. Онтологически они есть понятия. Они не бытийствуют в объективной действительности, если, конечно, мы стоим на позиции диалектического

материализма, а не на позициях объективного идеализма. Поэтому термину и понятию «абстрактный индивид» следовало бы предпочесть термин «зависимый индивид», сохраняя при этом весь концепт, вложенный в это понятие ранее.

Для человека, знакомого с диалектической логикой, абстрактное - это синоним мыслимого, синоним отвлеченного в понятии. Уже давно преодолен взгляд, будто над миром - по крайней мере, над социальным миром - господствует понятие, идеология, мысль. Эмпирик, отбрасывающий «гегельянщину» в логике и становящийся рабом фундаментальных заблуждений идеализма, как только сталкивается с фактом зависимости частей и частных в составе органического целого, становится в тупик.

Абстрактно-всеобщие определения целого не могут быть получены в качестве абстрактных определений каждого отдельно взятого элемента этого целого, в качестве абстракций, в которых представлены общие всем без исключения элементом (т. е. каждому из них) свойства, признаки. Они находятся совсем ни в этом ряду, выступают скорее через различия (и противоположности) единичных фактов, а не через общее в них [26, с.286].

Поэтому целое не может быть представлено как некоторое суммативное целое противоположных определений его частей. Расширение числа элементов целого (т. е. репрезентативность) проблемы не решает. Суммативное целое, наращенное за счет привлечения определений различных (и противоположных) его элементов, не может трансформироваться в теоретический образ органического целого.

Целое, таким образом, может быть представлено как конкретный предмет, существующий объективно, независимо от того, осознает его наше сознание или нет. Однако это целое, как индивид, хотя и может называться конкретным предметом, вещью и т.д., оно, т. е. объективное, реальное не может приобретать признаки самодостаточности своего бытия. Его бытие «абстрактно», в нашем понимании зависимо. Индивид, рассматриваясь как зависимое от других бытие, характеризуется своей ущербностью, односторонностью, абсолютной и относительной зависимостью от другого мира (по крайней мере, социального мира).

Конкретно- всеобщий теоретический образ объективного целого уже сам предстает как целостное идеальное образование. Это целостное теоретическое идеальное образование есть многообразно расщепленное, богатое определениями исторически оформленное целое. Оно есть органическое целое. Синонимом этому понятию может стать конкретно-всеобщий теоретический образ, тотальность.

Непосредственное отношение между целым и его частями, по-Гегелю, есть существенное отношение, это отношение рефлексивной и непосредственной самостоятельности, ибо обе они в то же время даны лишь как взаимно обуславливающие и предполагающие друг друга.

Здесь, на первоначальном этапе познания ни одна из сторон не положена как момент другой. Однако в дальнейшем целое, или отношение, начинает уже характеризоваться новым качеством. Стороны отношения приобретают признаки своей противоположной стороны. В итоге целое начинает восприниматься, мыслится как сложное многообразие внутри себя, как конкретно-всеобщее. Это существенное отношение есть целое, приобретающее признаки самостоятельности, что составляет в-себе-и-для-себя сущий мир.

Другая сторона целокупности существенного отношения – это часть или момент целого. В частях целое приобретает формы непосредственного существования, которое есть, таким образом, являющийся мир. В отношении между целым и частями обе стороны относительно самостоятельны, но самостоятельны так, что каждая сторона отсвечивается в другой и в то же время дано как тождество обоих. Следовательно, в целом обе стороны хотя и положены как моменты, но точно также положены и как существующие самостоятельно.

Это ближайшее рассмотрение природы целого показывает, что целое, следовательно, есть рефлексивное единство, которое само по себе обладает самостоятельной устойчивостью, но эта устойчивость точно также оттолкнута от него. Целое у Гегеля есть отрицательное единство с самим собой. Как таковое оно стало внешним себе. Целое приобретает само устойчивость в противоположном себе, т. е. в многообразной непосредственности, или в частях. Поэтому целое внешне состоит из частей, ибо без них оно не есть целое.

Следовательно, целое - это есть отношения и одновременно самостоятельная целокупность. Части также составляют все отношения, однако, в отличие от целого, они не прибывают в целом, как в суммативности, а суть сами по себе. В самих себе они имеют целое как свой момент, что и составляет их отношение.

Следовательно, и без целого нет частей. Однако, т. к. они несут в себе признак самостоятельности, то это отношение есть лишь внешний момент, к которому они в-себе-и-для-себя безразличны.

Это многообразие бытия целого есть существование конкретного, единого, здесь части совпадают друг с другом. Части имеют самостоятельность лишь в целом, хотя и целое, как другая для частей есть также

самостоятельность. Целое и части взаимно обуславливают друг друга [52, с.152-154].

С точки зрения генезиса становление понятия целого и части можно утверждать, что органическое целое первично, по отношению к ее частям. В объективной реальности преодоление ущербности некоторого социально-экономического образования, которое уже сформировалось, также предполагает активную роль последнего в формировании своих органов, осуществляющих функции. Однако утверждать, что в целом, объективном, социально-экономическом образовании одно предшествует другому, значит впасть в дурную или «детскую беспонятность». Только с позиции теории познания можно осознать взаимообусловленность части целым. В действительности нет частей как таковых вне целого. Как писал по этому поводу Плотин: «Всякое существо объемлет в себе весь мир и созерцает его целиком во всяком другом существе» [Цит. по 53, с.74]. И только в органическом целом последнее важнее своих элементов, целое есть основное, а элементы производны. Здесь целое обосновывает свои элементы, а не обосновывается ими.

Уже в отношении целого и части обнаруживает себя природа диалектического противоречия. И целое, и часть находятся в отношениях противоречия. Речь идет о структурных связях, которые, как и все структуры, по своей сущности, есть процесс. Нам представляется весьма плодотворным и глубоким высказывание Г. Штиллера о том, движение в сферах части любой целостности определено движением этого целого. Части получают импульсы со стороны целого, в итоге части, которые уже становятся органами, начинают обеспечивать требуемую функцию [55, с.41].

Однако нам трудно согласиться, что качество частей конституирует качество целого. Этот детерминизм в самой сущности, по-нашему мнению, не уместен. Целое есть причина не частей и наоборот, оно есть причина самой себя как спинозовская *causa sui*.

Познание частей не может заместить познание целого. В образной поэтической форме эта идея была выражена Гете.

“Кто хочет что-нибудь живое изучить,
Сперва его всегда он убивает.
Потом на части разнимает.
Хоть связи жизненной, - увы! Там не открыть!”
(Гете «Фауст»)

Целостное знание, на наш взгляд, недостижимо еще и потому, что исследователь оперирует, вырабатывает понятия, на которых уже лежит первородный грех – абстрактность человеческого бытия, что предполагает и

абстрактность существенных моментов в познании индивидом мира-экономики. Следовательно, и понятия, являющие инструментом научного познания, также несут в себе этот первородный грех – сущее, или целостное, посредством абстрактного, отвлеченного. Можно говорить о неполноте знания, как о некотором уже принципе, который также имеет место быть в системе принципов познания. Этот принцип не-полноты в системе методов общей семантики дополняется принципом не-тождественности и саморефлексированности.

Не-полнота в содержании понятия здесь отражает тот факт, что каждое наши понятия, а, следовательно, и слова его выражающее, репрезентуют факты, которые обладают множеством свойств, признаков. В итоге, применяя тот или иной терминологический аппарат, исследователи будут репрезентовать экономическое явление самым различным способом и, одновременно, этот образ будет по своей сути односторонним. Этот принцип не-полноты, или не-целостности, в теории семантики обосновывается при помощи пропозициональной функции, истолковывая, тем не менее, односторонне, это важный инструментарий логики. Суть в том, что пропозициональная функция есть выражение, которое содержит одну или несколько переменных и оформляется в суждение, когда вместо этих переменных подставляются имена индивидуальных предметов. В итоге, то, что в традиционной логике всегда принималось за суждение, здесь превращается в пропозициональную функцию. В результате неизбежный вывод о том, что понятие, слово есть только репрезентация явления, и эта репрезентация у каждого исследователя своя.

Из этого вытекает еще один неожиданный для экономиста-исследователя вывод. Сколько бы не говорили о социально-экономическом явлении, мы не можем сказать о нем всего.

Эта позиция в теории общей семантики только подчеркнула очень важную и одновременно проблемную ситуацию. Понятия субъективны, если мы только не выходим за пределы традиционного материализма. Они не только не охватывают всего бесконечного богатства признаков, но еще привносят нечто субъективное, в зависимости от места исследователя в процессе присвоения. И любой голос рассудка, разума, строгих логических принципов, не говоря уже о формальной логике, остается неслышанным.

В этом понятии весьма примечательна мысль Неккера, приведенная Фердинандом Броделем о том, что народ никогда не будет внимать доводам рассудка по поводу дороговизны хлеба.

Весьма образно эту проблему в свое время выразил Шлегель Ф., когда отмечал, что мертвые понятия абстрактного рассудка, диалектический спор

разума, чисто субъективное понимание предметов односторонней обманчивой способностью воображения «абстрактного индивида» и абсолютная воля - таковы четыре источника, из которых проистекает заблуждение души, эгоистически пребывающей в земной действительности [40, с.348].

1.2 Проблема метода познания мира-экономики как целого

Насколько богат окружающий нас мир социально-экономической действительности, мир самого мышления, познания этой действительности, настолько потенциально возможно богатство метода исследования этой сложнейшей формы человеческого общего жития (С.Саровский). Если ранее, в 60-80 - годах XX века, проблемам метода уделялось самое пристальное внимание, то сейчас на рубеже веков эти проблемы ушли как бы в сторону, что является фактом, достойным сожаления. Проблема поиска истины, как адекватного отражения окружающей нас действительности, а также самого мышления, в первую очередь сводится к проблеме метода познания. Метод есть, если не достаточное, то, по крайней мере, необходимое, условие становления истинного теоретического образа социально-экономической действительности.

На первый непосвященный взгляд на процессы производства, труда, распределения благ в обществе представляется, что эти процессы уж если и сложны, то, по крайней мере, могут быть познаны и поняты. Следует только подобрать умных, толковых вменяемых руководителей - и решение проблем по созданию «лучшего из миров» уже не за горами. Однако, как заметил по аналогичному поводу Д. Юм, «нет ни одного, хотя бы самого простого явления, которое могло бы быть объяснено из качеств объектов в том виде, как они являются нам, или которого мы могли бы предвидеть без помощи памяти и опыта [65, с.126, 127].

При этом арсенал тех философских концепций, которые могут претендовать на истинность в их осмыслении, которые зависят исключительно от идей, и могут быть предметом знания и достоверности, крайне велик. Одни относятся к области демонстрации, другие – к интуиции. В нашем сознании много идей о социально-экономической действительности, которые являются в большей или меньшей степени частью веры. Мы не всегда осознаем эту противоречивую социально-экономическую действительность, или мы её представляем в размытых, нечетких формах и образах, когда порой нет возможности зафиксировать тот или иной феномен в теоретическом образе – понятиях, суждениях и умозаключениях. Наконец, не находимся ли мы вообще

в большей части в сфере веры, когда последняя активно внедряется в результате активного воления, навязывания своей воли отдельными индивидами, их сообществами, придерживавшим властью чиновниками и т.д.?

Проблема целостного отражения мира разрабатывалась с античных времен. Уже древние греки обнаруживали необходимость отражения мира в его взаимосвязях, взаимозависимостях, взаимообусловленностях. «Все есть продукт единого, всемирного творческого усилия... Нет ничего мертвого в природе. Все является органическим и живущим, и потому весь мир – живой организм» писал Парацельс [Цит. по 66, с.350].

Познание целого позволяет обнаружить те моменты, те сферы бытия, которых нет в частях. Все это дало возможность российским исследователям во второй половине прошлого века (см, например, работы Блауберга, Юдина, Садовского, Югай, Афанасьева и других), опираясь на труды Аристотеля, Гераклита, Платона, Плотина, Парацельса, Канта, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Фихте и многих других, сформулировать главные антиномии целостности:

1. Целое есть сумма частей. – Целое больше суммы частей;
2. Части предшествуют целому.- Целое предшествует частям;
3. Целое причинно обусловлено частями. Целостный подход противоположен причинному и исключает его.

Работы Блауберга, Садовского, Юдина в 70-80 годах прошлого столетия позволили увидеть обреченность попыток исследователей, в том числе и экономистов, адекватно отразить мир объекта в своей истинности, игнорируя при этом принцип целостности в познании. Для целостности характерно возникновение новых качеств и свойств, которые отсутствуют у частей. Эти новые качества возникли в результате взаимодействия частей в определенной сложившейся системе органического целого. При этом между органическим целым и частью существует не просто функциональная связь, а обнаруживается гораздо сложная совокупность связей, в рамках которых причина одновременно начинает выступать уже как следствие, полагаемое одновременно как предпосылка.

Однако целостный подход в методологии исследования не противопоставляется причинному подходу и объяснению. Целостный подход в этом случае более выпукло лишь показывает недостаточность принципа причинности в процессе анализа сложных системных взаимосвязей. Другими словами, принцип целостности в познании может быть понят как момент дальнейшего развития, углубления принципа причинности.

Следовательно, ни анализ, ни синтез как методы познания не могут считаться в качестве самодостаточных методов в процессе познания мира-экономики как некоторого целостного образования.

Следует, однако, как пишет по этому поводу Блауберг, различать представление о целостности и понятие «целостности». Представление о целостности есть неотъемлемая черта научного мышления. Представления формируются непосредственно на этапе конкретно-предметного познания и часто используются без четкого определения, понимания природы объекта как целого.

Понятие же целостности включает два уровня, которые в научном познании следует выделять: конкретно-научное понятие целостности и методологическое понятие целостности. Первое формируется в самих специальных науках, а второе формируется уже в сфере гносеологии, методологии науки.

Для целого характерна интегративность, а не только и не столько совокупность. В итоге «обнаруживаются новые свойства и качества, которые отсутствуют в отдельных частных совокупностях или частях». [67, с.13-15]. Здесь фактически Блауберг подходит к мысли, что мы должны различать понятие предмета познания, например, понятие «мир-экономика», и понятие самого «понятия», другими словами, понятие «целое вообще».

Целое же (Whole, das Ganze, le tout) есть конкретный объект, например, мир-экономика, который обладает интегративными, или эмерджентными, свойствами. Здесь у Блауберга интегративность с гносеологической точки зрения выступает как результирующая обобщающая функция понятия «целостность».

Целостность же (Wholeness, Die Ganzheit, lo integrite) есть представление о полноте охвата явления и одновременно представление о самой сущности интеграции, процессах новообразования, структурных уровнях, иерархии в организации процессов. Это, как пишет Блауберг, формирует на котором развертывается познание целостных объектов, являясь ориентиром в процессе познания.

Система (sistem, das System, systeme) есть понятие, отражающее форму воспроизведения в знании целостного объекта при помощи специфических приемов самого познания и принципов.

Целое как объект есть конкретный объект, в котором на основе применения соответствующих познавательных процедур обнаруживаются интегративные свойства [67, с.17].

Определение, которое дает целому Блауберг, как мы полагаем, не совсем корректно. Наше возражение сводится к тому, что есть объект как некоторое целое. И он может быть либо целым, либо не обнаруживать в себе эти качества. Одновременно, целым, либо не-целым он будет уже по тому, что он есть объект, который лежит вне нашего сознания, и не зависит от наших познавательных возможностей, а также от всех связанных с этим процедур и методов познания. Сам процесс познания не может привносить в его природу какие-то иные свойства, качества, т.е. нечто то, что там не было изначально.

Целое объективно может быть механическим целым, а может уже существовать как органическое целое. При этом в первом случае можно говорить только с определенной натяжкой о целом в подлинном его смысле. Здесь целое, как его определяет Аристотель, Гегель есть некоторая целокупность. В последней части противопоставляются целому, а, следовательно, можно говорить о противоречии между целым и его частями. Однако сразу же возникает вопрос, а сохраняется ли противоречие уже между органическим целым и частью? И второе, а могут ли существовать у органического целого части?

Нам представляется, что здесь есть наличие противоположных, т.е. контрарных определений. У целого нет частей, как нет, например, частей у организма человека. Части есть у трупа, как метко подметил по данному поводу Гегель.

Поэтому с определением целого и части как философских категорий, выражающих отношения между совокупностью предметов и связью, которая объединяет эти предметы и приводит к появлению у совокупности новых свойств и закономерностей, не присущих самим отдельным предметам в их разобщенности, можно согласиться лишь с определенной натяжкой. Здесь уже не часть, а орган, и организм как целое, а не совокупность, или целокупность как целое.

Познание целого как такового опиралось на различные научные течения. Например, интроспективная психология, характерная для представителей ранней немецкой философии, опиралась почти исключительно на анализ состояния сознания. Бихевиоризм, который возник как преодоление прежней интроспективной психологии, основную тяжесть в процессе познания перенес на те моменты познания, которые были доступны внешнему наблюдению. Здесь исходной посылкой было отношение «стимул-реакция». При этом все человеческое поведение исследователи, которые стояли на позициях бихевиоризма, представляли в цепи совокупностей таких элементарных актов.

Гештальтпсихология заменяла подход бихевиоризма на противоположный. При изучении психической жизни индивида следует принимать во внимание само целостное образование, т.е. «гештальт». Этот последний и определяет свойства составляющих его частей. Здесь следует исходить из того, что целостности есть такие образования, поведение которых не детерминируется поведением индивидуальных элементов. Более того, эти индивидуальности как частные процессы детерминируются внутренней природой целого.

Одновременно следует принимать во внимание и тот момент, что любое обобщающее определение понятия «целостность» носит исторически обусловленный, преходящий характер. Это дает основание утверждать, что моменты истины присутствуют и у сторонников интуитивизма, в частности, у Бергсона, Н. Лосского, и других. Здесь целостности выступают как исходная предпосылка и одновременно как недостижимый предел познания, который берется в самом общем виде. В интуиции целостность дана и может быть воспринята во всем своем объеме и богатстве содержания. Обрушиваясь на рассудочное мышление, интуитивизм правильно замечает, что рассудочное мышление пытается представить целостность объекта в понятиях, расчленив его, а потом воспроизвести его в цепи последовательных логических операций. Однако «рассудок обнаруживает здесь не больше мудрости, нежели страус, когда он закрывает голову в песок у своих ног, будучи уверен, что таким образом ничто не может существовать за пределами точки зрения его наблюдения и ограниченной площади, занимаемой его глупой головой» [66, с.356].

Здесь у нас есть все основания согласиться с Э. Кассирером, когда он указывает, что интуитивизм очевидно всегда в большей или меньшей степени является «интеллектуально данным», т.е. данностью, которая выглядит непосредственной, но фактически опосредована предшествующей интеллектуальной деятельностью. Следовательно, процесс выработки знания не только опирается на некоторые интуитивные представления как на исходные данные, но и сам, в свою очередь, участвует в их формировании [67, с.106].

Если абсолютное большинство исследователей и специалистов в области теории познания признают в основном необходимость следования принципу целостности, то представляет научный интерес рассмотрение противоположных точек зрения на данную проблему. В этом ряду очень колоритной фигурой смотрится К.Поппер.

К.Поппер оперирует понятием целостности, отождествляя его с холизмом (the holistic character). К.Поппер пытается преодолеть атомистических метод в

познании. Социальные группы нельзя рассматривать как простые агрегаты личностей. Социальная группа есть нечто большее, чем просто общая сумма ее членов, и она также нечто большее, чем общая сумма чисто личных отношений, существующих между членами ассоциации на какой-то промежуток времени.

Отрицание принципа целостности (холизма) К.Поппер обосновывает утверждением, что у всех социальных групп есть собственные традиции, институты, обычаи. Представляя историцизм как разновидность холизма, и наоборот, К.Поппер отрицает возможность продуктивного конструирования исторической реальности, не предлагая взамен собственно ничего. «Если общественные структуры вообще нельзя объяснить как соединения их частей или членов, тогда ясно, что с помощью такого метода нельзя объяснить и новые социальные структуры» [72, с.60].

Если быть корректным по отношению к К.Попперу, то следует признать, что исторический метод не отрицается и не выбрасывается из научного инструментария в социологических исследованиях на свалку. К.Поппер разводит понятия «исторический метод» и «историцизм». Суть последнего сводится к возможностям детерминирования социальной среды будущего историей.

Если не приписывать российской философской школе не свойственного ей жесткого механического детерминизма, то К.Поппер явно вломился в «открытую дверь». Принцип целостности дает лишь возможность более или менее точно прогнозировать некоторую социально-экономическую среду. И уж совсем вряд ли научно состоятельно рассматривать принцип целостности как некоторую разновидность принципа историцизма вообще. Историцизм, и здесь мы соглашаемся с К.Поппером, действительно мало имеет общего с принципом целостности. Следует рассматривать и вести речь о историческом методе исследования социально-экономического бытия людей в системе метод познания, которые органически могут входить в качестве составных в принцип целостности. Принцип целостности может получать формы своего воплощения, если обеспечивается принцип исторического подхода в научном исследовании. У К.Поппера под целостностью понимается совокупность всех свойств или сторон предмета и, в особенности, всех отношений, связывающих его составные части. При этом некоторые особые свойства или стороны обсуждаемого предмета следует рассматривать как организованную структуру, а не как «простое нагромождение». К.Поппер прав, отмечая, что если изучается какой-то предмет, то выбирают только некоторые стороны. Нет возможности наблюдать или описывать часть мира в ее целостности или часть природы как целое. Это положение распространяется, по мнению К.Поппера, даже на

мельчайшую частицу, представляющую собой целостность, ибо всякое описание с необходимостью избирательно. Более того целостности вообще не могут быть объектом деятельности как научной, так и любой другой. (72, с.33,34)

Полагаем, что К.Поппер продолжает ломиться в уже давно известное в научной среде положение, которое не может быть проигнорировано никем. Никто не ставил под сомнение ограниченность мира-экономики, как, например и бесконечность атома. Ставить вопрос о возможности формирования в мышлении целостного теоретического образа уже бесперспективно. Мир бесконечен, посему и бесконечно и сам процесс познания. Речь идет всего лишь о том, что принцип целостности предполагает не более как стремление исследователя преодолевать абстрактность теоретических образов и моделей исследуемого объекта, как стремление добиваться тождества субъекта и объекта. Прекрасно при этом осознавая общеизвестное, что последнее недостижимо принципиально. Принцип целостности раскрывается не в абсолютной адекватности отраженного в понятиях, суждениях, умозаключениях предметного мира, в том числе и само мышления, а в самом характере познания, которое пытается преодолеть эту не-полноту, частичность, абстрактность нашего знания.

Целое есть не просто совокупность элементов, оно есть единство всеобщего и конкретного. Целое действительно не может быть дано исследователю непосредственно, оно осознается как идея, пронизываемая, освещаемая светом познания и понимания не только самого предмета, но и той ценностной связи субъекта и объекта, которая не может игнорироваться. Поэтому, в силу бесконечности самого объекта, заинтересованного отношения познающего к последнему, противоречивости этого ценностного отношения со стороны иных субъектов познания и осмысления, исследователь будет только приближаться к абсолютной адекватности теоретического образа и объекта, но никогда это достигнуто не может быть. Поэтому мы не только усматриваем в данной работе К.Поппера «нищету историцизма», но одновременно и «пауперизм попперизма».

2. НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

2.1. Диалектическая логика как органон формирования целостного теоретического образа социально-экономической действительности

Диалектическая логика как наука сформировалась в XIX веке. К этому времени метафизический метод обнаружил свою несостоятельность в объяснении современных открытий в сфере естественных наук. Застывшие категории формальной логики с ее применением в условиях домашнего обихода [25, т. 20, с. 520].

Необходимость становления новой области в сфере познания диалектической логики в это время становится крайне актуальной.

Фактически творцом, создателем этого нового направления в теории познания, преодолевающего узкие границы формальной логики, стал Г.В.Ф. Гегель.

Однако диалектическая логика в работах ее творца, была построена на позициях, основаниях абсолютного идеализма. Основной ее недостаток сводился к тому, что мышление воспринималось как процесс, идущий от абстрактного к конкретному. Начиная от самых простых, бедных абстракций, например с «чистого бытия», познание шаг за шагом идет от минимальной определенности и содержательности наполнения понятий к все более глубокому, богатому содержанию. В итоге конкретные объекты познания начинают вовлекаться в процесс конструирования. Последний осуществляется методом анализа и синтеза. В итоге спекулятивное мышление представляется как процесс совместного анализа и синтеза, в результате чего объект познания начинает вначале конструироваться для исследования в форме своих первоначально тощих определений.

Недостаток идеалистической диалектики Г.В.Ф. Гегеля проявился в том, что метод восхождения от абстрактного к конкретному был фактически отождествлен с формированием самих объектов познания. Воспроизведение объектов отражающихся мышлением превратилось в их конструирование. Мышление уже не только отражало содержание, строение объекта, а стало привносить нечто новое, в том числе в результате креативной логики, другими словами, конструировать сам объект познания.

Однако основная цель познания остается прежней и не подвергающейся сомнению. Отражающий объективный мир сознание, разум должны формировать адекватный научный образ объекта. Этот образ будет тем более

адекватным, если он в отражении сознанием будет представлен как целостный образ объекта.

Следовательно, основным принципом диалектической логики должен стать принцип целостности в формировании теоретического образа объекта. Данный принцип целостности в качестве основного принципа диалектической логики выдвигался уже видным представителем абсолютного идеализма Ф. Бредли. (F.H. Bradley, 1846-1924).

Диалектическая логика, прорывая узкие возможности формальной логики, становится тем самым важным органом в процессе познания при формировании целостного теоретического образа исследуемых объектов.

Однако при всей тривиальности подобного суждения остается до сих пор не выясненным вопрос о самой природе диалектической логики как науки. Более того, до сегодняшнего дня существуют различные определения самого предмета диалектической логики, хотя все сходны, по крайней мере, в одном и самом существенном, а именно, диалектическая логика есть наука о законах и формах теоретического мышления. Существенным здесь является то, что предмет должен браться всесторонне, опосредованно, в его развитии, в его «самодвижении». Практика должна занять основное место в процессе верификации и войти в полное определение предмета, в т.ч. как критерий истины.

Истинный образ ограниченного сознанием предмета есть не некоторое абстрактное суждение, не «абстрактная» истина, а конкретная истина. При этом конкретное нами ассоциируется, наконец, отождествляется с целым, с тотальностью теоретического образа.

В итоге можно сделать вывод, что одна из важнейших функций диалектической логики состоит в том, что она формирует основания для теории логического вывода, формирует принципы логически правильного мышления, являясь тем самым теорией самой формальной логики. Диалектическая логика в центр своего предмета переносит проблему истины, проблему формирования адекватного теоретического образа, а следовательно, пути, методы достижения этого целостного теоретического образа.

Проблема обнаруживается в соотнесении предмета диалектической логики с предметом материалистической или идеалистической диалектики и теорией познания вообще. Здесь мнения встречаются самые различные. Их обобщенное изложение с элементами критического отношения к точкам зрения различных авторов можно найти в работах последних лет таких философов, экономистов, социологов, как например: Афанасьев В., Блауберг И., Бредли Ф., Вьяккерев Ф., Васильева Т., Гусев С., Ильенков Э., Кумпф Ф., Мшвидобадзе Т.,

Мергелидзе К., Овчинников Н., Оруджев З., Панченко А., Подольский В., Степанов Н., Солопов Е., Тульчинский Г., Штиллер Ф., Шептулин А., Шинкарук В., Элиз Й., Юдин Г., (26.28.29.30.31.32.33.34.35.36.37 и другие).

Многие авторы считают, что диалектическая логика, материалистическая диалектика и теория познания целиком совпадают. Другие подчеркивают их единство, однако в границах единства вышеупомянутого тождества не обнаруживается. Диалектика, логика, теория познания, являясь сферами философии, тем не менее имеют каждая свой предмет. Встречается и некоторое компромиссное понимание этих двух точек зрения на характер единства. Так, диалектическая логика рассматривается в двух ипостасях, в широком и узком смысле этого понятия. В широком смысле этого понятия диалектическая логика совпадает по объему с материалистической диалектикой как наукой о наиболее общих законах не только мышления, но и самого бытия. Диалектическая логика в узком смысле понятия есть область знания о законах и формах мышления, которое имеет право претендовать на истину. Тем самым она уже не совпадает с материалистической диалектикой, ибо является лишь только ее составной частью.

Встречается и такой взгляд на диалектическую логику, согласно которому «марксистская диалектическая логика есть систематически развитая и систематически изложенная философия диалектического материализма». (38, с. 72).

Нетрудно заметить, что, отбросив несущественные дополнения, здесь диалектическая логика совпала с философией диалектического материализма.

Беда авторов подобных концепций состоит в том, что они некритически заимствуют некоторые положения авторитетов – классиков, приводя высказывания последних в качестве аргумента в процессе верификации. В результате, утверждая о творческом подходе к наследию классиков, сами допускают элементарные ошибки в системе доказательства, применяют положения, которые с точки зрения формальной логики считаются недопустимыми. Речь идет об аргументах, суть которых сведена к ссылкам на авторитет. Последнее есть запрещенные формальной логикой способы и методы верификации.

Утверждения о совпадении предмета диалектической логики и всей марксистской философии обосновывают тем, что только опираясь на определенные знания о мире, можно выводить соответствующие нормы подхода к изучению объективной реальности. При этом опять же ссылаются на авторитет Ф. Энгельса, когда последний утверждал, что единственным содержанием мышления является мир и законы мышления. Однако это точка

зрения уже спорна по одному принципиальному моменту. Содержание мысли, т.е. концепт (а не сам объективный мир), и сама форма мысли лежат в одной сфере – в среде идеального, т.е. мышления. Сам объективный мир и его отражение в сознании – это две разные формы бытия. И с точки зрения бытия они есть уровни принципиально различающихся сфер.

Если следовать этой непропорционально расширительной концепции, то диалектическая логика изучает не только законы и формы мышления, но и законы бытия. Тем самым по своему предмету она переименовывается с предметом онтологии, как науки о всеобщих законах бытия, как учение об объективном мире и его закономерностях.

Не развивая далее критический анализ различных взглядов на предмет диалектической логики, мы принимаем понятие «диалектическая логика», которое охватывает сферу знания о законах и формах мышления в самом широком смысле этого понятия. Диалектическая логика вошла по объему своего понятия в объем понятия «теория познания», но не заполнила весь его объем. При этом совсем не следует теорию познания ограничивать сферой познавательной деятельности в аспекте отношений субъекта и объекта, а диалектической логикой сферой отношений между логическими формами мышления и содержанием мышления.

Тем самым диалектическая логика не включает в себя такие сферы научного знания как формы правильного (логического) мышления, что является предметом формальной логики [28, с. 14-19].

Сама же диалектика, в том числе марксистская, должна пониматься как диалектическая логика. Понятие же «объективная диалектика» есть понятие нулевое. Суть же диалектической логики можно свести к диалектическому методу в познании, к диалектической методологии в познании. Следовательно, теория познания только включает в себя диалектическую логику как момент, как часть, но полностью с последней не совпадает. В противном случае историю и теорию науки, познание мира, природы, общества, самого мышления можно начать, по крайней мере, с Г.В.Ф. Гегеля.

Основная проблема диалектической логики – это проблема истины. Логика ставит во главу угла своего предмета законы и формы познания. Последние облекаются в систему общих принципов процесса познания, или методологических принципов. Но если наука претендует на истинность своих выводов, то первые требования к самой науке можно сформулировать требованием истинности самих форм постижения объективного мира. Критерий истинности форм и методов познания многими авторами (но не всеми) усматривается в требовании соответствия теоретических моделей

законам самой объективной действительности. Это может реализоваться, например, в историческом аспекте.

Понять сегодняшнюю действительность можно, только проследив ее генезис, становление, развитие, ее противоречие. Тогда логика должна отразить развитие самого объективного мира. В итоге последний в своем становлении уже может быть представлен логически ставшим, а не потерявшим под ногами почву, идеальным миром, не привнесенным откуда-то в результате блуждающего мышления. Следовательно, основная проблема диалектической логики, как и теории познания вообще, - это проблема истинности суждений и умозаключений, или проблема формирования теоретически целостного идеального образа.

Однако, от того как следует понимать и трактовать истину в теории познания, обнаруживается самый широкий спектр мнений и суждений. От характера понимания самого предмета и задач логики зависит само понимание истины и её критериев. Так, например, вводят понятие формальной истины. Последняя реализуется тогда и постольку, когда и постольку само мышление соответствует определенным самой формальной логикой правилам вывода суждений и умозаключений. При этом не принимается во внимание содержательная сторона предмета мышления. Другими словами, здесь главное - форма построения мышления. Если мышление с позиций требований формальной логики правильное, т.е. соответствует и не противоречит принятым канонам формальной логики, то мы получаем результат, который и называют формальной истиной. В итоге само мышление должно укладываться в прокрустово ложе правильного, а не истинного мышления.

Такая логика является одной из сфер теории познания, и с времен И.Канта носит название формальной логики. Однако истина не может быть определена как некоторый результат, получаемый как бы автоматически. Главное – должны быть выполнены при этом все требования правильного, или формально-логического мышления. Результат предстает как некоторая данность уже predeterminedенная самими исходными, априорными формами мышления. Поэтому нового приращения знания формальная логика получить принципиально не может. Она лишь делает понятным, осознаваемым ход вывода, результат становится логическим следствием посылок и самих априорных форм построения мысли.

Понятие же истины как диалектического процесса уже не может удовлетвориться достаточностью всего арсенала, органа формально-логического аппарата. Результат, т.е. искомая истина, перестает рассматриваться как «голый» результат. Истина стала представляться как

действительное целое, которое стало действительностью мышления в результате рассмотрения его становления, как писал по этому поводу Гегель. В итоге истина не может быть представлена как результат исключительно соблюдения форм правильно мышления. Истина есть результат исходных посылок, самих форм мышления, но не взятых в отрыве друг от друга, как бы претендующих на самостоятельность в утверждении истины, а их единства.

Проблема истинности знания разрешается тем образом, соответствует ли содержание (концепт) понятия природе самого предмета. Первое и второе есть сфера мышления. В результате Гегель не мог не вывести сущность за пределы действительного мира. Он ее ввел в ту область, которую можно охарактеризовать как сферу объективных идей. Однако для нас этот путь закрыт. Мы остаемся в той же парадигме: единстве сферы отражения и самого мышления.

Объективная реальность не может, как это нам представляется, являться для исследователя иначе, чем посредством органов чувств и самого мышления. Для Г.В.Ф.Гегеля сущность, предмет, истинное есть объективное. Для нас же это есть содержание мышления, которое отражает сам процесс мышления и его результаты, законы, тенденции становления объективного мира. При этом совсем не обязательно, чтобы содержание нашего мышления обязательно обладало бы содержанием адекватности, т.е. истинности. Если мы назовем знание понятием, а сущность, или истинное, предметом, то проверка истинности самого индивидуального содержания мысли индивида состоит в выяснении того, соответствует ли понятие самому предмету. Если же мы назовём сущность, или в себе (бытие) предмета, понятием, то проверка состоит в выяснении того, соответствует ли предмет своему понятию. Очевидно, как пишет по этому поводу Г.В.Ф. Гегель, что-то и другое есть одно и то же [См. 39, Т.4. с.47].

Любая наука в своих теоретических обобщениях исходит из некоторых основ, являющихся отправными, опорными пунктами мышления. Эти исходные положения отражаются понятием «принципы» (от лат. *principium* - начало). Концепт данного понятия раскрывается как основное исходное положение какой-либо теории, науки, учения, как руководящее положение, основное правило, установка для какой-либо деятельности, как внутренняя убежденность в чём-либо, точка зрения, норма поведения, и, наконец, как основная особенность устройства, действия механизма. Принцип в теории познания, на наш взгляд, должен не сводиться к тому или иному приёму, методу познания, а сам должен предопределять эти методы, их характер. Поэтому вряд ли убедительна позиция тех учёных, которые растворяют принцип в сфере

конкретной научно-практической деятельной, низводя их по существу до уровня приёма, или по крайней мере, до самого метода познания действительности.

Так, в диалектической логике закрепились в качестве общепринятого положения, согласно которым принципы диалектической логики сводились к принципам объективности рассмотрения, к принципу всесторонности, к принципу определённости, к принципу конкретного тождества, к принципу детерминизма, к принципу причинности, к принципу необходимой связи, к принципу сведения к закону, к историзму как к принципу диалектической логики, к принципу системности, к принципу противоречия, к принципу субстанциального подхода, к принципу восхождения от абстрактного к конкретному, к принципу единства анализа и синтеза. [Смотри весьма богатый перечень авторов: 28; 26; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; и другие.]

Однако уже беглый взгляд на этот широкий спектр принципов диалектической логики позволяет усомниться в самой правомерности употребления последних в качестве принципов. Многие из них, как это будет показано далее, не могут претендовать на место принципов, ибо они производны от более основательного, исходного основного положения – принципа целостности. В этом положении мы принимаем в качестве достаточных всю систему аргументации, приведённую уже сто лет назад известным философом, представителем абсолютного идеализма Ф. Бредли. [F. H. Bradley. *The Principles of Logic*. 2-nd., I. London, 1922]

Ф. Бредли развил идею Г.В.Ф. Гегеля, в частности его метод воспроизведения в мышлении целого, хотя и на позициях идеалистической диалектики. Делался важный для своего времени вывод, что формальная логика уже изначально ограничена в своих познавательных возможностях познавать целое, сформировать его адекватный теоретический образ. Это видно уже в процессе абстрагирования, который описывается формальной логикой и подчиняется закону обратного соотношения объёма и содержания понятий.

Мысль, пытаясь схватить целое, не может воспроизвести её сразу. Человеческое мышление не охватывает действительность во всех его взаимосвязях в её сути. «Вещь – в – себе» не является непосредственно. Она скрыта. Сознанию ничего не остаётся как решать задачу познания путем абстрагирования от внешнего, несущественного, а затем всё более и более от существенного. Предмет познания в его мыслительных формах орубляется, обедняется.

Далее сознание совершает как бы обратный процесс, двигаясь от абстрактных образов к конкретному. Содержание нашей мысли становится

более богатым, но одновременно объём, охватывающий это возросшее богатство конкретного, становится всё меньшим и меньшим. В итоге, чем больше мы мыслим, тем о меньшем мы знаем.

Далее, формальная логика не позволяет воспроизвести целое. Для формальной логики целое либо дано изначально, либо не может быть дано принципиально. Если в суждении «субъект есть предикат», предикат расщепляется до известного предела, то это суждение превращается в мало значимую для познания тавтологию. Суждения, исходящие из принципа целостности предмета, становятся утверждением о качествах, свойствах, действительности, с вычлененными из нее некоторыми элементами. Развивающееся знание о предмете, как о целом есть, таким образом, действие мыслительной функции, которое расширяет еще неполное конкретное данное до целого посредством идеального синтеза. В этом заключается один из основополагающих принципов диалектической логики.

Однако целое не конституируется, не изобретается из «ничего». Это целое оформляется творческим мышлением, преодолевая односторонность, абстрактность, наконец, однобокость и ущербность теоретического образа данного на начальном этапе познания в процессе анализа. Из этого следует, что вышеназванные принципы есть, скорее всего, моменты в едином процессе формирования конкретно-всеобщего, целостного, тотального образа. Они есть необходимое логическое следствие, а не причина, не основание, от которого следует отталкиваться и исходить в процессе познания.

2.2. «Принцип» объективности рассмотрения в диалектической логике

Данный «принцип» объективности рассмотрения некоторыми авторами, например, Кохановский В.П., Элез Й. и др., раскрывается в функции связи материалистической традиции в философии, материалистическим характером философии и марксистским диалектическим методом. При этом авторы утверждают, что вообще все принципы материалистической диалектики можно свести к двум основным принципам – принципу материализма и принципу диалектики.

Недостаточность системы аргументации здесь обнаруживается уже тогда, когда теория познания, диалектическую логику насильно, произвольно ограничивают сферой марксистской диалектики, а, если быть точнее, марксистской диалектической логики. Однако вся теория познания не сводима к вышеупомянутой сфере, или разделу - философии. Она есть её не более как ветвь, часть. И последняя никогда не может быть тождественна целому,

философии вообще.

Далее, сам термин «объективность рассмотрения», как нам представляется, несет в себе внутреннее противоречие в рамках уже материалистической диалектики. В любом случае знание укладывается в форму мышления «субъект есть предикат», т.е. суждения. Носитель знаний есть субъект, это наше знание о предмете посредством наполнения знания его качествами, признаками предиката. Предикат (от лат. praedicatum) есть то, что в суждении мыслится и высказывается о предмете, являясь логическим сказуемым, указывающим на свойства предмета, его состояние и отношение к другим предметам.

Если буквально трактовать «объективность рассмотрения», то субъект должен быть каким-то образом перенесен в сам предикат, в объект. Однако тогда исчезает и сам субъект. Если же это означает, что есть некий всеобщий разум, который отличает себя от индивидуального сознания, от «Я», то это противоречит самим принципам материализма.

Когда же «объективность рассмотрения» сводится к попыткам преодоления игнорирования человеческой субъективности, т.е. чувственной практической деятельности, то это уже давно преодоленный философский результат в границах самой марксистской философской мысли. Если же под «объективностью рассмотрения» понимается метод постижения истины, как со стороны результата, так и со стороны процесса, то этот взгляд был уже преодолен Г.В.Ф. Гегелем в его критике философии Канта. Это не заслуга материалистической диалектики, а идеалистической диалектики Г.В.Ф. Гегеля.

С последним пониманием мы могли бы согласиться, только если эта «объективность рассмотрения» была бы предоставлена как всесторонность рассмотрения, позволяющая фактически постигать целостный теоретический образ предмета. Сам же термин, «объективность рассмотрения», как и другие понятия, например, «объективная истина», «всеобщий интеллект» есть понятия идеалистической диалектики, а в границах материализма они есть нулевые понятия.

Категоричность суждения о том, что методы, исключаящие принцип объективности, не могут быть методами отыскания истины, тем более не могут быть научными, ибо научный метод может быть только материалистическим. Далее утверждается, что объективность рассмотрения в своем истинном значении и есть принцип материалистического мышления. Представляется, что этот тезис только лишний раз свидетельствует о схоластичности, надуманности, и ненаучности «подобного принципа». В соответствии с позицией данных авторов все должно соответствовать данному принципу

«объективности», выполнение и осуществление которого позволяет реализовать принцип целостности теоретического образа.

Научная несостоятельность «принципа объективности» подчеркивается и усиливается тем обстоятельством, что последний одновременно напрямую увязывается с принципом партийности, ибо как пишет по этому поводу К.Маркс: «материалист...последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм ..., материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [24, Т. I, с. 381].

Ссылка на объективизм, если его имеют ввиду авторы, научно не состоятельна. Если объективизм в познании сводится к требованию не становиться хотя бы прямо на позицию того или иного класса при оценке событий, то объективизм гораздо глубже вышерассмотренной «объективности рассмотрения». Ибо хотя бы внешне это направление в теории познания пытается преодолеть узкие рамки классового сознания, старается преодолевать препятствия в достижении более полного теоретического целого. При этом инструментом, органом этого процесса является сам разум. Воля использует разум как инструмент, как органон.

В этом сложнейшем противоречивом процессе формирования целостного теоретического образа, как некоторого конкретного тождества с объективным миром и самим процессом мышления воля занимает доминирующее положение. И если в отношении к процессу познания объективного мира последнее утверждение становится не очень очевидным, то в отношении воли к мышлению о самом мышлении сказанное выше отрицать уже невозможно. Исследователь выбирает, использует метод познания, т.е. форму проникновения в сущность познаваемого исходя из своих собственных не только возможностей, но и вожделений.

Расхожему утверждению о том, что метод дан самим объектом, мы противопоставим наше утверждение. Для формирования целостного теоретического образа исследуемого объекта мы используем метод, который дан не столько объектом, сколько самим субъектом. В последнем воля воплощается, что отражается в противоречивости и разнонаправленности интересов (как научных, так и материальных, духовных и т.д.) познающего субъекта. Познающий субъект есть носитель не только идей, их генератор, но и носитель воли, в первую очередь.

Изложенное выше не отрицает роль познающего рассудка, разума, наконец, в познании социально-экономических явлений. Изложенное нами

только подчеркивает неоднозначность оценки роли и места воли и разума в познании. И если сказанное выше в меньшей степени, затрагивает область, сферы несколько удаленной от практически воплощаемых, реализуемых интересов, то в отношении познания социально-экономических явлений ситуация меняется самым существенным образом. Здесь уже нельзя абстрагироваться от противоречивости отношения субъектов к событиям социальной, экономической, политической жизни общества. Как члены социума последние не только занимают различные ступени в иерархии власти, но и, в первую очередь, различное положение в системе производства, распределения, присвоения факторов производства как сферы материальной, так и духовной, т.е. жизни.

И если принцип конкретного тождества, а в нашем случае являющегося не более как существенной формой, т.е. законом, в формировании целостного теоретического образа, может непротиворечиво уживаться с другими принципами материалистической диалектики, как, например, принципом «объективности рассмотрения» вещей и процессов, то мы подобное «мирное сосуществование» принять не можем. Объективность рассмотрения, как это утверждалось нами несколько ранее, по существу есть пустой принцип, если только он серьезно претендует на принцип истинности познания. Особенно это становится заметно в период сознательного, планомерного формирования пропорций условий общественного и индивидуального бытия. Объективность не противостоит, тем более, не отождествляется со стихийностью развития социума. Наоборот, чем более общество начинает проникать в сущность интересующих его отношений, тем более заинтересованным становится и познающий субъект, когда, «по-своему», на свой манер, в соответствии со своими потребностями и нуждами понимает всю окружающую его «объективность».

Этот мир, познающийся на принципе объективности рассмотрения вещей и событий, оказывается пропитан отношением субъективизма, отражающего мир, в первую очередь, в соответствии со своими, «заинтересованным видением» действительно объективного мира. Субъективный образ объективного мира изначально отягощен «первородным грехом» своего заинтересованного отношения к объективному миру, как условиям, факторам своего собственного бытия. Более того, это позволяет утверждать, что сам принцип «объективности», формируемый в субъективных образах, в понятиях, суждениях, умозаключениях несет в себе признаки *contradictio in adjekto*.

Насколько правомерны суждения о том, что принцип объективности позволяет преодолеть иллюзию полной свободы в познании, можно судить по

более простым, доступным, понятным признакам. Теоретический образ объективного мира все-таки должен быть соответствующим образом оформлен в форме понятий, суждений, умозаключений, имеющих право на утверждение о положительном содержании в понятиях.

Все сказанное не исключает того положения, что возможно и свободное, творческое «конструирование» реальности в познающем сознании. Тем более, на переломных этапах возможно кризисное конструирование, когда оформляются творческие идеальные образы, строятся социальные утопии, пути выхода, преодоления кризисной ситуации.

Мудрость познания лежит не в крайностях, а в мере. Неправомерно даже в теории раздувать роль личного, группового, корпоративного, политического фактора. Здесь не может иметь место ни доминирование той или иной роли познающего субъекта, его социально-экономической ниши в процессе присвоения, иерархии власти и т.д. Правило в практическом обустройстве социально-экономического, политического бытия, сводящееся к доминированию воли большинства при уважении прав меньшинства, здесь не срабатывает.

Существенность принципа целостного познания социально-экономической, политической и иной реальности сводится к позиции рассмотрения всей противоречивостей явлений с позиций всех субъектов присвоения, а не интересов доминирующей социальной группы. Более того, сама целостность общественного образования имеет место при единстве его внутренних противоположных состояний, а его разрушение – с формированием крайних, предельных образований. Применительно к противоречию «целое-часть» можно утверждать о «гиперколлективизме» и «ультраэгоизме». В первом случае уклон общества и личности ведет к тотальному, деспотическому порядку, когда воля не обнаруживает своих пределов в разуме, во втором – к возникновению криминального хаоса и беспредела. Негативные крайности в соотношении «целое-часть» можно рассматривать как опасный путь, смещение, «разжижение» этого целостного соотношения, что приведет к конформистскому оцепенению. Для истинного целого, которое будет нейтрализовать эти нежелательные и разрушительные тенденции, будет скорее характерна гармония. Она может быть найдена на основе принципа оптимизации противоположностей «целое-часть», при котором потребности частей находили бы наибольшее, но одновременно разумное, соотношение с социальными нормами и экономическими законами. Это позволило бы сформировать такую социально-экономическую среду, в которой целое бы не поглощало интересы развития части, а часть не могла бы расширенно

воспроизводиться за счет ресурсов целого.

Можно эту идею выразить хотя и в грубой форме, но тем не менее «схватывающей» основную мысль. Целое оно тогда целое, когда оно не только представляется как некоторая совокупность частей, но и их отношение, не несущее в себе социального антагонизма.

Состоятельность принципа объективности в познании с позиций материалистической диалектики не может приобретать свою значимость в противопоставлении с несовместимостью с «буржуазным объективизмом». Тем более, что последний отождествляется с ограниченностью констатации отдельных факторов, различных сторон и событий, находящихся на поверхности общественной жизни. Ему приписывается отказ от теоретического классового анализа, от проникновения во внутреннюю природу явлений, от практических революционных выводов и оправдывания существующей социальной реальности.

Признаки объективности рассмотрения, по мысли адептов марксизма, проявляются тем образом, что в познании теории партии, реализующие этот признак объективности с последовательностью, должны доводить познание сущности социально-экономической действительности до понимания необходимости революционных преобразований, в том числе насильственных действий.

С другой стороны, следует быть предельно корректным в критике принципа объективизма. Признавалось, что элементы субъективизма, волюнтаризма имеют место быть в процессе познания и преобразования действительности. Но именно принцип объективности и направлялся против реализации воли отдельных групп. Сообщество рассматривалось как некий однородный монолит, и субъективизм рассматривался как искажение, нарушение диалектико-материалистических принципов. Осуждая в своих документах «волевые» решения, например, субъективизм, волюнтаризм, тем не менее, подчеркивалась необходимость умеренного сочетания учета роли субъективного фактора с трезвым анализом и применением объективных экономических и социальных законов общества. [56, с.146-147].

Однако слабость этого принципа именно в том, что принцип объективности оказался несовместим с принципом конкретного тождества той же самой материалистической диалектики. Это уже противоречие самой теории, что низводит теорию до внутренне противоречивого учения.

2.3. Принцип конкретного тождества и его роль в познании и понимании

Принцип конкретного тождества вытекает из требований закона тождества, который проявляется, но не сводится к закону тождества в формальной логике. Суть последнего можно свести к требованию тождественности всякого понятия и выражающего его слова. Каждая мысль, приводимая в суждениях, умозаклучениях должна сохранять своё содержание, т.е. сохранять свой концепт и объем понятия.

Тождество предполагает бытие вещей более чем одной, либо одной, когда ее рассматривают, как нечто большее, чем одна есть сама по себе. Следовательно, когда утверждают, что вещь, явление тождественны самим себе, то их, т.е. эту вещь, явление, рассматривают как две.

Уже Аристотель отмечал, различая «тождество», «инаковость», «различие», что если «инаковость» односторонне противоречит тождеству, то различие обнаруживает единство, или в нашем случае, целостный теоретический образ. «Различными называются вещи, которые, будучи одинаковыми, в некотором отношении тождественны друг другу, но только не по числу, а или по виду, или по роду, или по соотношению, т.е. род которых неодинаковый, а также противоположности и те вещи, в сущности, которых заключена инаковость» [57, т. 1, с.158].

Данное трактование тождества Аристотелем не позволяет развести понятие абстрактного тождества, или формально-логического, различия и противоположности. Недостаток теории в рамках учения Аристотеля заключается в том, что здесь еще не рассматривалось единство тождества и различия как единства противоположностей в границах целостного теоретического образа, когда целое представляется как противоречивое единство.

Философия Г.В.Ф.Гегеля преодолела недостаточность метода Аристотеля. Гегель не отрицал необходимости абстрактного, или формально-логического тождества. Подчеркивалась не более как принципиальная недостаточность последнего как метода познания. Истина может быть понята только как истина целостного теоретического образа. Истина достигает последнего лишь в единстве тождества с разностью [9, т. 5, с.485] Далее Гегель отмечал, что тождество и различия – суть момента различия, заключенного внутри него самого; они суть рефлексированные моменты его единства.[9, т.5, с.499]. Отношения противоположностей, заключающих в себе момент тождества, есть момент противоположностей, доведенных в познании до

противоречивости. Последнее Гегель рассматривает как различие вообще, или как противоречие в себе. При этом инструментом, органом этого процесса является сам разум. Воля использует разум как инструмент, как органон. Тожество, которое может претендовать на некоторую гносеологическую ценность, должно быть, по - Гегелю, конкретно, включать в себя единство различного.

Из этого вытекает, что абстрактное тождество должно восприниматься как продукт абстракции в исследовании, как отвлечение от внутренних различий в процессе изменения, переходах состояний качеств вещей и явлений друг в друга. Каждый предмет находится в процессе изменения, он в каждый данный момент временно тождественно себе самому и одновременно отличен от самого себя, как и не тождественен самому себе [28, с. 112-114].

Тожество и различие начинают представляться как моменты различия, заключенного внутри самого предмета. В результате они представляются как рефлексированные моменты единства, в нашем случае, целостности, или тотальности. Каждое из этих противоположностей начинает находить формы своего выражения через свою противоположность. Отрицательное, которое противостоит положительному, имеет смысл только лишь в указанном соотношении со своим другим. Следовательно, каждое понятие содержит в себе своё внутренне противоположное определение, или отрицание [39, т.5, с.485-516].

Самые различные и порой внешне противоположные явления социально-экономической действительности должны восприниматься как несущие в себе моменты тождества, ибо они вступают между собою во взаимодействие, переходя друг в друга. Это объективная реальность должна соответственно получить и формы своего теоретического отражения в процессе познания. В итоге процесс познания представляется как процесс непрерывного воспроизводства тождества различного и противоположенного. И хотя, образ предмета, явление всегда не совпадает с конкретностью, в тоже время он ему тождественен со стороны структуры, являясь тем самым субъективным образом объективного мира.

В итоге можно обнаружить тождество бытия и мышления. Однако это не абстрактное тождество, это есть тождество объективного мира и субъективного теоретического образа, его мысленный аналог. Эти феномены противоположны в своей тождественности, т.е. они обладают признаками единства. Следовательно, понятие «тождество» и понятие «единство» во многом совпадают, однако они сами не тождественны. Понятие «тождество» по объему охватывает объем понятие «абстрактное тождество» и «конкретное тождество».

С понятием «единство» совпадает понятие «конкретное тождество», однако «единство» здесь рассматривается как диалектическое единство, которое включает в себя тождество как момент отношения.

Одновременно другим моментом единства становится различие. Диалектическое единство не есть простая совокупность тождества и различия. Оно представляет скорее процесс взаимодействия различных противоположных вещей, сторон, явлений, включая и самих понятий. Следовательно, это диалектическое единство следует понимать как процесс их взаимных переходов, в силу чего и становится возможным охарактеризовать этот процесс как конкретное тождество [28, с. 116].

Представляется только теоретическим недоразумением у авторов, когда они утверждают о том, что конкретное тождество всегда имело место не только в объективном мире, но и в самом процессе познания. Для утверждения подобного об объективном мире исследователь должен выявить первоначально природу как одной вещи, так и другой, как одного социально-экономического бытия, так и другого. Объявив их единство конкретным тождеством можно лишь тогда, когда будет выявлено это сущностно общее, или тождественное. В противном случае это будет не конкретное тождество, а совокупность разнородных вещей, событий и т.д.

Данный принцип конкретного тождества осуществляется, как было отмечено, во внешнем объективном мире, в самом процессе познания и в отношении к внешнему миру.

В процессе познания принцип конкретного тождества позволяет сформировать целостность теоретического образа путем присовокупления противоположных признаков в вещах, явлениях среди которых в объективном мире обнаружилось единство. Эти различные объемы понятий, которые в этом теоретизировании начинают занимать различные части объема позволяют формировать целостный теоретический образ, как бы выстраивая эту формирующуюся тотальность. Следовательно, принцип конкретного тождества становится уже тем, исходным основанием (т.е. действительно принципом), посредством которого и через который самоосуществляется принцип целостности в познании.

По сравнению с ранее рассмотренными принципами этот принцип конкретного тождества в диалектической логике позволяет формировать целостный теоретический образ мира-экономики. В результате этого процесса результат можно охарактеризовать как конкретную всеобщность, как конкретное, как целое, наконец, как тотальность. И в этом отмеченном совпадении конкретное тождество целостности. Однако это не абсолютное

тождество, а само конкретное тождество. Первое отличает пустота содержания в абстрактном тождестве, где $A = A$. В последнем даже имя понятия, т.е. термин совпадает, не говоря уже о том, что субъект абсолютно совпал с предикатом, например «человек есть человек», «жизнь есть жизнь» и т.д.

Если исследователь поднимается до необходимости познания предмета в своей самопричинности бытия, когда последний понимается как причина самого себя, т.е. *causa sui*, то он вынужден не отбрасывать, не обрывать, тем самым огрублять общую картину, а наоборот, мысленно достраивать в умозрительных схемах отраженные сознанием связи объективного мира и самого мышления.

Здесь понимание диалектики с ее внутренним присущим требованием - рассматривать мир в его богатой бесконечной всеобщей связи становится законом в движении идеального образа к объекту познания.

В стремлении к большей адекватности теоретического образа, стремящегося к целостному отражению в понятиях суждениях, умозаклчениях, исследователь наталкивается на объективные, практически непреодолимые трудности. Суть этой проблемы сводится к тому, что сами связи и отношения в объективном мире следует понимать в своей изменчивости, развитии, в постоянном самоотрицании уже устоявшихся, закрепившихся теоретических формах отражения - понятиях. Требования целостности теоретического образа требует не просто всестороннего учета этих связей и взаимоотношений, а учет последних в движении, изменении. Данная проблема становится уже не только практически, но и теоретически неразрешимой проблемой. Учесть всю целокупность (а не просто совокупность) связей, отношений не только в статике, но и в движении, развитии становится невозможным. Принцип целостности уже становится недостижимым принципом познания объективного мира и, что не менее важно, изменчивостью отношения познающего субъекта к предмету. Меняются ценностные ориентации познающего субъекта. Они будут не в состоянии охватить этот ценностный образ. В теоретическом познании исследователь вынужден довольствоваться потенциалом инструментария, который лежит в запредельном для познающего разума сфере, не говоря уже о познающем рассудке.

Это область есть сфера, куда разум пытается проникнуть, но не проникает. Эта сфера, область есть прерогатива воли. Воля, будучи все-таки схваченной разумом, не исчезает, она лишь отрицается. Следовательно, воля направляет разум на познание мира с целью удовлетворения его, т.е. субъекта познания и одновременно воления, носителя потребностей, в котором и

осуществляется его собственная воля. Инструментом, органом этого процесса становится сам разум. Но воля использует разум как некоторый инструмент, посредством чего только воля и может себя осуществить, т.е. стать действительностью. В этом сложнейшем противоречивом процессе формирования целостного теоретического образа как некоторого конкретного тождества с объективным миром и самим процессом мышления воле отводится доминирующее положение. И если в отношении к процессу познания объективного мира последнее утверждение становится не очень очевидным, то в отношении воли к мышлению о самом мышлении изложенное выше отрицать уже невозможно. Исследователь выбирает, использует метод познания, т.е. форму проникновения и присвоения в сознании сущности познаваемого предмета уже всегда будучи отягощенным *ex ante* ценностным отношением к результату.

Суждения, исходящие из принципа целостности предмета, становятся утверждением о качествах, свойствах, действительности, с вычлененными из нее некоторыми элементами. Развивающееся знание о предмете, как о целом есть, таким образом, действие мыслительной функции, которое стремится расширить еще неполное конкретное данное до целого посредством идеального синтеза. В этом заключается один из основополагающих принципов диалектической логики.

Принцип конкретного тождества базируется на более фундаментальном, исходном принципе материалистической диалектики – принципе единства противоположностей. Именно в этом ключе можно искать и находить положительное содержание принципа конкретного тождества. Различное отношение к условиям социально-экономического, политического бытия отражаются в необходимости применения принципа конкретного тождества. Это различное, противоположное отношение есть форма противоречивого противоположного бытия в границах целого.

Присвоение условий собственного бытия осуществляется в обществе посредством перераспределения создаваемого. Последнее само базируется на неких принципах справедливости. При этом каждая социальная группа в конкретные, исторические периоды времени наполняет понятие «справедливость распределения» своим содержанием. Но присвоение одними, часто есть то же самое, что отчуждение иными ценностей от других участников социально-экономического бытия. Эти противоположности диаметрально противоположны, однако в то же самое время в границах целостности они становятся тождественными. И вряд ли приведет к существенно значимым выводам положение о возможности рассмотрения процессов присвоения

одними в изолированности от материальных интересов других. Другими словами, нельзя не учитывать эти последствия нарушения принципов в познании социально-экономических явлений в ор же их друг о т друга, игнорируя различающееся, противоречивое, противоположное отношение различных субъектов присвоения к одному и тому же объекту.

Следовательно, любое социально-экономическое бытие есть конкретное, целостное бытие, обладающее внутренней противоречивостью. Это целое находится не только в многообразных отношениях с другим бытием вещей, связей, но и в противоречии сама с собой и другими одновременно. Следовательно, понять это противоречивое целое, необходимо понять его как конкретное тождество своих внутренних различий, противоположностей. Не отбрасывать, а понять их во внутренней самопротиворечивой взаимосвязи.

В этом сложнейшем противоречивом процессе формирования целостного теоретического образа, как некоторого конкретного тождества с объективным миром и самим процессом мышления воля занимает доминирующее положение. И если в отношении к процессу познания объективного мира последнее утверждение становится не очень очевидным, то в отношении воли к мышлению о самом мышлении сказанное выше отрицать уже невозможно. Исследователь выбирает, использует метод познания, т.е. форму проникновения в сущность познаваемого.

И если принцип конкретного тождества, а в нашем случае являющегося не более как существенной формой, т.е. законом, в формировании целостного теоретического образа, может непротиворечиво уживаться с другими принципами материалистической диалектики, как, например, принципом «объективности рассмотрения» вещей и процессов, то мы подобное «мирное сосуществование» принять не можем..

Так, присвоение условий собственного бытия осуществляется в обществе посредством перераспределения создаваемого. Последнее само базируется на неких принципах справедливости. При этом каждая социальная группа в конкретные, исторические периоды времени наполняет понятие «справедливость распределения» своим содержанием. Но присвоение одними, часто есть то же самое, что отчуждение иными ценностей от других участников социально-экономического бытия. Эти противоположности диаметрально противоположны, однако в то же самое время в границах целостности они становятся тождественными. И вряд ли приведет к существенно значимым выводам положение о возможности рассмотрения процессов присвоения одними в изолированности от материальных интересов других. Другими словами, нельзя не учитывать эти последствия нарушения принципов в

познании социально-экономических явлений в о р же их друг о т друга, игнорируя различающееся, противоречивое, противоположное отношение различных субъектов присвоения к одному и тому же объекту. Особенно это становится заметно в период сознательного, планомерного формирования пропорций условий общественного и индивидуального бытия.

Все сказанное не исключает того положения, что возможно и свободное, творческое «конструирование» реальности в познающем сознании. Тем более, на переломных этапах возможно кризисное конструирование, когда оформляются творческие идеальные образы, строятся социальные утопии, пути выхода, преодоления кризисной ситуации.

Именно в этом ключе можно искать и находить положительное содержание принципа конкретного тождества. Различное отношение к условиям социально-экономического, политического бытия отражаются в необходимости применения принципа конкретного тождества. Это различное, противоположное отношение есть форма противоречивого, противоположного бытия в границах целого.

Самые различные и порой внешне противоположные явления социально-экономической действительности должны восприниматься как тождественные друг другу, ибо они вступают между собою во взаимодействие, переходя друг в друга. Это объективная реальность должна соответственно получить и формы своего теоретического отражения в процессе познания. В итоге процесс познания представляется как процесс непрерывного воспроизводства тождества различного и противоположенного. И хотя, образ предмета, явление всегда не совпадает с конкретностью, в тоже время он ему тождественен со стороны структуры, являясь тем самым субъективным образом объективного мира.

Данный принцип конкретного тождества осуществляется, как было отмечено, во внешнем объективном мире, в самом процессе познания и в отношении к внешнему миру. В процессе познания принцип конкретного тождества позволяет сформировать целостность теоретического образа путем присовокупления противоположных признаков в вещах, явлениях среди которых в объективном мире обнаружилось единство. Эти различные объемы понятий, которые в этом теоретизировании начинают занимать различные части объема позволяют формировать целостный теоретический образ, как бы выстраивая эту формирующуюся тотальность. Следовательно, принцип конкретного тождества становится уже тем, исходным основанием (т.е. действительно принципом), посредством которого и через который самоосуществляется принцип целостности в познании.

Если исследователь поднимается до необходимости познания предмета в

своей самопричинности бытия, когда последний понимается как причина самого себя, т.е. *causa sui*, то он вынужден не отбрасывать, не обрывать, тем самым огрублять общую картину, а наоборот, мысленно достраивать в умозаклчениях связи объективного мира и самого мышления. Здесь понимание диалектики с ее внутренним присущим требованием - рассматривать мир в его бесконечной богатой всеобщей связи становится законом в движении идеального образа объекту познания.

2.4. Принцип всесторонности рассмотрения

Суть данного принципа олицетворяет стремление человека к познанию того или иного явления общественного бытия в его целостности. Раскрывается принцип всесторонности в ценностном охвате явления в процессе познания, фиксации всех сторон явления, нахождение цепи его опосредующих звеньев и их воздействие на предмет и на самих себя, выделение сущностного уровня со стремлением понять явление, которое уже было насыщено сущностным «светом», т.е. превращением явления в действительность, по Гегелю.

Считалось, что принцип всесторонности рассмотрения реализуется в системе всеобщих категорий в границах диалектической логики, которая выступает как предпосылка, процесс, итог и сумма всего опыта познания.

При этом данный принцип как бы осуществляется в двух сферах: на эмпирическом уровне и на сущностном, или теоретическом уровне. Считается общепринятым в научном исследовании, что существенное отношение, выделение которого составляет предпосылку всестороннего рассмотрения предмета в теоретическом названии должно удовлетворять следующим требованиям.

Во-первых, теоретический образ должен быть действительно всеобщим, и, во-вторых, этот теоретический образ должен охватывать в своей целостности, как глубину существенного, так и богатство особенного [28, с 91-92]. Если это требование не соблюдается, то неизбежен следующий результат. В первом случае, если исследователю не удалось проникнуть в сущностный уровень, то он не может выйти на закон. Он вынужден довольствоваться внешними сторонами предмета. Описывать факты, не переходя в сферу сущностного мышления, это удел муравьев, по образному замечанию Г.В.Ф. Гегеля. Их удел – собирать и описывать факты. Во-вторых, если не достигается единство всеобщности и особенности, и исследователь остается на уровне умозрительных заключений, результат и все исследования как бы теряет почву

под ногами. Начинают строиться умозрительные логические конструкции, но птица истины, по остроумному замечанию Бем-Баверка, в этом научном здании не поселяется. Следовательно, ставится задача развести понятие принципа всесторонности рассмотрения и принцип целостности познания.

Представляется, что употребление понятия «всесторонность» рассмотрения не совсем корректно, если исследователь действительно стремится к формированию целостного теоретического образа. Объем понятия «всесторонность» не совпадает с объемом понятия «целостность». Можно утверждать, что всесторонность есть один из способов познания предмета в его целостности. Аргументируем мы тем общеизвестным и принятым в теории познания положением, суть которого сводится к суждению – в сфере сущности нет каких-то «сторон». О сторонах рассмотрения можно вести речь лишь тогда, когда наше познание оперирует ощущениями, возникают, так называемые апперцепции [от лат. «ad» — при, и «perceptio» — восприятие]. Последние как бы подготовили почву для дальнейшего теоретического познания. Эти апперцепции в отличие от перцепции дают, по - Лейбницу, ясное и осознанное восприятие. Следовательно, только на уровне эмпирического можно утверждать, что принцип всесторонности может определенным образом реализоваться как рассмотрение явления с одной стороны, затем с другой стороны, и таким образом может привести к противоречиям в формировании теоретического образа.

Поэтому далеко не случайно то, что И. Кант наряду с этой «эмпирической апперцепцией» вводит понятие «трансцендентальной апперцепции», как изначального неизменного единства сознания, в качестве условия всякого опыта и познания, позволяющего синтезировать многообразие восприятия. Из этого можно заключить, что принцип всесторонности рассмотрения в диалектической логике должен быть дополнен таким необходимым моментом в познании, благодаря которому первый начинает восприниматься как необходимый, но недостаточный метод, способ в формировании целостного теоретического образа. Следовательно, и в этом случае «принцип всесторонности» рассмотрения сводится, поглощается более фундаментальным основанием, а, следовательно, и имеющим больше основанием быть отнесенным к принципам диалектической логики – принципу целостности.

Принципу целостности, а не принципу всесторонности, как нам представляется, присущ характер рассмотрения явления, вещи самой по себе, взятой как бы в обособленности от других вещей, то есть рассмотрение внутренней структуры в системе, обусловленной внутренними причинами и связями. Этот процесс органически дополняется и рассмотрением структуры, ее

природы, генезиса, в свете внешних связей, обусловленности последней внешними факторами, окружающей это явление экономической, политической, социальной, культурной действительностью. Целостный подход в познании внешнего и внутреннего взаимодействия и взаимообусловленности позволяет сформировать теоретический образ экономического явления, предмета, вещи, события с позиции органического целого, то есть как организма. Внутреннее, существенное явление не может являться исследователю непосредственно как некоторая данность. Внутреннее, постигаемое исключительно умозрительно, выходит во вне, через другое. В этом и раскрывается так называемая у Гегеля «тотальность отношений». То, что явление есть в себе, есть целиком, полностью в своей внешности. Следовательно, внешность, воспринимаемое исследователем экономическое явление можно охарактеризовать как целостность, как тотальность, становится также и его рефлексированное в себя единство. Выхождение во вне целого представляется, таким образом, как рефлексия не только в другое внешнее, но и в себя. Следовательно, явление в своей внешности есть проявление, отражение вовне того, что оно есть само в себе в своей самости.

Другого приема для современного рационального познания механизма не существует, если, конечно же, не принимать во внимание такие теории, которые оперируют понятием «сущностное видение» и т.д. Формировать целостный теоретический образ экономического явления становится возможным благодаря целостному подходу. Целостность теоретического образа может формироваться целостным подходом, принципом целостности самого познания, преодоления абстрактности, и одновременно, однобокой спекулятивной умозрительности в исследовании.

Именно принцип целостности в познании, а не всесторонность рассмотрения, позволяет перейти к субстанциальному подходу в формировании теоретического образа. Однако, субстанция [substantia –лат., сущность; то, что лежит в основе], понимаемая нами как некоторая объективная реальность, однако взятая вместе со своими апперцепциями, формами своего бытия и движения, есть конкретная всеобщность, как целостность, как тотальность. Ни исключительно восприятия, ощущения, которые способны сформировать представления о вещи, процессе, не способны создать целостный образ этой вещи уже потому, что это будет сфера «кажимости», или явления без сущности. Точно также будут непродуктивными попытки формирования сущностного образа, вне его явления во внешность. Вещь-в-себе должна быть и вещью-для-нас. Это уже не сфера исключительно явления, которую обеспечивает всесторонность рассмотрения, но и не исключительно сфера сущности.

Целостность теоретического образа достигается преодолением как метода «сущностного видения» (т.е. Wesenschau-нем.), так с внешней «всесторонностью». Эта внутренняя природа, сущность, рефлексированная вовне, и тем самым одновременно и на саму себя, уже представляется в первом случае в форме знания, или осознания посредством разума, в рефлексии на само «Я», что тождественно воле. Только в этом случае мы не только достигаем знания, т.е. присвоения в сознании природы вещи, но и само наше знание получает ценностную характеристику этого знания и деятельности.

В сфере же исключительно сущности нет взаимодействия. Сущность лишена сама по себе движущей силы, ибо сущность противоположна воле. Последняя проявляется, находит формы своего бытия именно в субстанции, которая дожна по ниматься нами в той форме, как это было отмечено несколько ранее. Только в этом случае позволительно применять, оперировать понятием субстанции как «причины самой себя», то есть как спинозовской *causa sui*.

2.5 Содержание принципа определенности в диалектической логике

Утверждается, что содержанием принципа определенности теоретического мышления является закон перехода количественных изменений в качественные, ибо всякая определенность вещей, явлений, событий есть определенность их качества, а точнее как того, так и другого. Если качественная определенность вещей связана с их структурой, т.е. имеет место, так называемое, системное качество, то это позволяет отличить природу одной вещи от другой. Количественная определенность раскрывается в массе, количестве, множестве. Последнее, однако, берется не столько абсолютно, сколько относительно.

Отсутствие определенности, т.е. неясной относительно внутренней природы явления, его коренного, «системного качества» наблюдается именно в тех моментах, когда этот вопрос для исследователя приобретает особую важность, а именно в момент перехода от одного качества к другому. В этот момент перехода еще обнаруживается единство элементов, связывающих предшествующее качество и последующее качество. Однако изменение качества вещи уже размывает, делает неопределенной саму границу во внутреннем взаимодействии составляющих элементов. Определить, однозначно зарегистрировать, отразить этот переход предоставляется крайне затруднительно, теоретически почти невозможно.

Это объясняется уже тем, что изменение внутреннего «системного

качества» не может быть обнаружено непосредственно. Этот процесс может только рефлексирован во внешность, а тем самым и сам на себя. Проблема, однако, заключается в том, что эти изменения во вне, представляющиеся исследователю уже как апперцепции, по-Лейбницу, в первую очередь, не говоря уже о перцепциях, несут в себе элемент консервативного, традиционного для прежних форм восприятия и осмысления. Другими словами, даже в процессе познания, в сфере мышления формирование теоретических образов обнаруживается инерционность апперцепции. И здесь существенную роль осуществляет не столько сами апперцепции, сколько перцепции. Последние вообще есть бессознательные восприятия. Отмахнуться, игнорировать это важнейшее теоретическое положение теории познания невозможно.

Исследователь оказывается перед дилеммой. Либо он абстрагируется от этого процесса качественного перехода и в этом случае как бы «перепрыгивает» этот системный переход, достраивая размытость, неопределенность качественного бытия новыми умственными конструкциями, либо он вынужден ожидать этого окончания формирования объекта, когда границы между его элементами системы определились, выявились, стали все более видимыми для мышления.

Однако, конечный результат, как первого пути, так и второго, отличают недостатки которые, хотя и в разной степени, но нежелательны. В первом случае исследователь довольствуется нагромождением новых гипотез, новых теорий, имеющих под собой довольно слабые основания, во втором случае, исследователь теряет темп в научных поисках, ибо вынужден терять время на подобное «созревание» объекта. Каждое направление научного исследования может иметь место, в зависимости от природы исследуемого объекта.

Можно заметить, однако, следующее. Экономическое, социальное, культурное, правовое, этическое бытие человека обнаруживает глубокую инерционность в своей природе. Общество долго созревает к последующим переменам. Горячие головы исследователей, рождая внешне привлекательные идеи, конструкции будущего общественного устройства, порождают нетерпимость в действиях политиков. С одной стороны, мышление оказалось не способным определить природу объекта, раскрыть его качество, не говоря уже о процессе «ломки» старого качества и реформировании нового. С другой стороны, появление политиков, «не по разуму старательных», нетерпеливых, старающихся перепрыгнуть, ускорить, наконец, проигнорировать процесс эволюционного дозревания общества, подталкивает последних на путь искусственного ускорения, формирование новой социально-экономической

среды. Доказательством этого могут служить различного рода программы и проекты от «500 дней» до радикального переустройства России. Этот путь уже ничего не имеет общего с естественным путем становления социально-экономического бытия.

Насильственное вмешательство в природу социально-экономического бытия, когда оно не познано в своей самости, не может привести ни к чему другому, как к «навязыванию» системе элементов чуждой самой природе. В итоге становление истины не ускоряется, а наоборот, она, будучи деформированной, чуждой ее внутренней природе, ее качеству обнаруживает момент стагнации и регрессии.

В качестве доказательств этого положения служит вся до- и послереволюционная практика России, начиная с момента гибели великого реформатора России П.А.Столыпина (1862-1911 гг.). Как нам представится, это убийство обнаружило факт крайней реакционности, а в нашем понимании инерционности, социально-экономической жизни дореволюционной России. Не все элементы тогдашней России впитали в себя это новое формирующее качество. Последнее не определилось, а, следовательно, эта определенность не была достоянием всех слоев Российского общества. Поэтому, будучи прогрессивными, по своей сути эти реформы натолкнулись на противоречия тех слоев, которые были носителями этой традиционности, реакционности укладов, с сохранением прежних социально-экономических отношений.

Природа последних раскрывается нами в инерционности социально-экономических систем. Их природу можно объяснить механизмом постепенного накопления количественных изменений. Именно этот период и придает системе способность сохранить традиционность своих социально-экономических укладов, всех форм общественного бытия. На этом этапе количественных накоплений новое качество не возникает. Система находится в границах прежней определенности. Связи между элементами сохраняют проницательность, и попытка разрушить связи в отдельных элементах не могут привести к коренной смене «системного» качества. Разрушения навязанными извне насильственными воздействиями могут привести только к временной утрате системой своих функций. Через некоторое время система как организм, как органическое целое, регенерирует утраченные органы и восстановит свои функции. Здесь система «как птица феникс», сгорая, возрождается в прежнем своем обличье. И только тогда, когда система накопила такие количественные изменения, которые как бы перешагивают ее границы, т.е. достигают меры в пределах прежнего качества, только тогда слом старого, прежнего системного качества становится необходимым объективно и логически оправданным.

Любые же попытки остановиться в познании на ступени конструирования мыслительных абстракций не определившегося и не ставшего в своем развитии объекта, а следовательно, и в самом сознании необходимо приводит к спекулятивному мышлению. (Мы употребим здесь понятие «спекулятивное мышление» не в смысле положительного мышления в противоположность отрицающему, негативному, или диалектическому, мышлению, по Гегелю. В последнем, предмет подвергается мысленному расщеплению, но осознаваемое целое определяется в мышлении в своих составляющих структурных элементах.) На этапе спекулятивного мышления целое начинает конструироваться мышлением, охватывая всю совокупность его взаимосвязей и взаимозависимостей. В этом случае понятие «спекулятивного», или «положительного», мышления отражает процесс формирования органического целого, где каждый элемент уже воспринимается не столько как составная часть этого целого, сколько момент целого, его орган, осуществляющий определенную функцию целого. При этом целое начинает приобретать новое качество, которое имелось в потенции у составных частей, и которое никогда не могло проявиться у этой части, как обособленного элемента. Оно не могло проявиться и у целого, если это целое сформировалось объективно не как органическое целое, а как механическое целое.

В органическом целом можно обнаружить так называемый эффект синергизма (от греческого «synergetikos» — совместный, согласованно действующий). Синергетический подход в познании объектов экономико-социальной действительности, как нам представляется, есть форма, реализующая принцип целостности в познании, когда сама синергетика воспринимается нами как научно-философский принцип рассмотрения природного мира и самого процесса мышления как целостного, самоорганизующего мира природы и его теоретического отражения.

Применение синергетического метода, но уже в процессе познания позволяет понять смысл, который выявляет субъект в слове. Само по себе слово не раскрывает смысл его. И в этом мы занимаем несколько иную позицию по отношению к авторам Большой Советской Энциклопедии [77, с. 1871], где смысл раскрывается в предложении, которое уже способно раскрыть смысл, как целостность всей совокупности взаимоувязанных в предложении общим концептом понятий. Суждения и умозаключения способны преодолеть ограниченности основной формы логического мышления, или понятия.

Если же проигнорировать последнее в самом процессе познания, то широко открываются двери для злоупотребления диалектической логикой, сведение ее к софистике и одновременно к эклектике. Более того забвение

принципа целостности в познании социальной, экономической, политической жизни, как наиболее сложного социально-экономического феномена, способно реализовать уже эффект синкретизма (от греч. «synkretismos» – объединение). В итоге исследователь может получить различного рода сочетания разнородных и противоречивых воззрений и теорий, лишенной какой-либо внутренней связи, и являющимся таким образом худшей разновидностью эклектизма.

Следовательно, то, что некоторые авторы, отмеченные нами ранее, только называют принципами определенности в диалектической логике, мы склонны считать определенность как требование осуществления действительного принципа познания – принципа целостности. Последний реализуется через метод, механизм осуществления в мышлении требования определенности, позволяя преодолевать спекулятивность (в отрицательном смысле слова, а не в положительном), умозрительность, односторонность, и наконец, эклектизм с его наихудшей разновидностью синкретизма.

Объект представленный в теоретическом образе исследователя как целостный, включающий в себя всеобщность, существенность и многообразие своих модусов, внешних форм бытия предстает уже не как некий набор несвязанных сущностью внешних своих определений, т.е. не как некий эклектический образ, а как единство внешне различных определений, но объединенных внутренне единой концепцией целого.

Данный механизм позволяет преодолеть противоречивость в сфере формально логического мышления. Эти различающиеся определения не должны разрушать единство органического целого, они лишь различающиеся определения одного и того же внутренне самопротиворечивого целого. К сожалению, понятие «самопротиворечивость» крайне неудачно. Объективно в самом объекте нет никаких противоречий в смысле *das Widerspruch* – (нем.). Это скорее отражает социально-экономическое бытие в процессе саморазвития, самодвижения, когда этот мир воспринимается и как *causa sui* и как *causa finalis*. Мы скорее находим более состоятельными в научном плане выводы, к которым пришел профессор Вяккерев Ф.Ф., введя понятие «самодвижение», «предметное противоречие» и тем самым, отграничив его от «противоречия объекта» вообще.

Некоторые авторы усматривают принцип определенности в диалектической логике как требование к теоретическим определениям, дефинициям. Безусловно, каждое понятие, отражающее объективный мир, как и сам процесс мышления, имеет свое имя, как термин, свой объем, или денотат, и свое содержание, как концепт. Особенность теоретических определений состоит в том, что оно, т.е. определение, должно отвечать всем выше

отмеченным требованиям. Одно определение не может заменить другое определение. Оно может его дополнить. Однако тогда мы должны отметить, что первоначальное определение было определением неполным, нуждающимся в дополнении. Одновременно и второе определение не есть определение, ибо оно без первоначального определения есть лишь дополнение без первоначального основания. В итоге следует, что определение понятия может дать множество определений, и ни одно из них не может считаться самостоятельным, т.е., относиться к односторонним определениям. Эти определения часто находятся в соотношении контрастности, или противоположности. Однако между ними осуществляется закон противоречия, но не осуществляется закон исключенного третьего. (Логически верно будет сказать, не закон противоречия, а закон непротиворечия. Исключение противоречия в мышлении следует считать законом, как сущностным, необходимым моментом самого формально-логического мышления, но никак не наоборот, как это принято со времен Стагирита).

Эта совокупность противоположных определений, не противоречит требованиям правильного, т.е. формально-логического мышления. Оно позволяет формировать целостный теоретический образ, эти определения могут быть истинными, однако истина здесь понимается не как соответствие полученного теоретического образа объективной реальности, а как момент постижения этой истины, когда последняя схватывается под углом зрения какого-либо субъекта присвоения в обществе. Этот процесс позволяет, таким образом, формировать целое, как конкретно-всеобщее. В итоге формируется понятие, как «исчерпывающая определенность», по-Гегелю. Следовательно, принцип целостности есть одновременно принцип достижения «исчерпывающийся определенности», а не определенности, только как формы соблюдения элементарных правил формальной логики в сфере реальных или номинальных определений.

Проблема целостности познания экономических явлений определенным образом уже связывается с таким понятием, как справедливость оценки последствий принятия экономических решений. Оно выражается в том, насколько экономист-исследователь сохраняет беспристрастность в выборе метода исследования, ибо он уже заранее предопределяет в существенной части результаты своих выводов.

Уже в во **рсе** **Со рта** о том, насколько чело **ск**, поступающий несправедливо, действует добровольно, обнаруживаются первые проблески проблемы формирования истинного знания. Способен ли экономист-исследователь, предметом изучения которого являются имущественные

интересы, быть свободным вообще, либо быть свободным в какой-то мере? Экономист не есть воплощение или олицетворение какого-то мирового духа, объективного и блуждающего вне субъективного мира индивида, равнодушного ко всему тому, над чем бьется мятежная душа исследователя. Вопрос, поставленный Сократом, получил свое выражение в работах И. Канта. Его «вещь-в-себе», как нам представляется, становится недоступной, в том числе и потому, что эта сетка, через которую исследователь смотрит на объективный мир экономики, есть форма его сопричастного отношения к предмету научного познания. В итоге, мир-экономика предстает в том виде, в котором его желает увидеть сам исследователь. Результат же научного исследования прочитывается другими так, как теперь уже они его хотят видеть, исходя из своего места в общественном разделении труда, места в распределительном процессе общественного богатства.

Сказанное нами положение не следует считать, однако, некоторой крайностью, абсолютной формой отрицания возможности отразить мир научно и адекватно. Мы только хотели бы подчеркнуть, по крайней мере, две вещи.

Во-первых, истина не может являться одному исследователю, ибо его выводы будут отягощены уже своим собственным отношением к предмету. Более целостное, а, следовательно, адекватное научное отражение в теории может дать исследование многих авторов, принадлежащих к различным слоям, партиям, классам и т. д. Каждый из исследователей «выхватывает» в научном образе одну из сторон целостного образа экономического явления. И этот абстрактный от целостности образ, безусловно, может нести момент истины, но только момент, а не саму истину. Последняя может, как нам представляется, быть исключительно целостностью. Целостность, целое некоторого теоретического образа объекта, который признается соответствующим, или адекватным, этому объекту, есть то, что в свое время было охарактеризовано И. Кантом в «Критике чистого разума» как объективное.

Следовательно, научная истина остается для исследователя не как некоторая данность, а как процесс последовательного приближения к ней многих, по крайней мере, некоторых исследователей.

Во-вторых, следует еще раз вернуться к вопросу о роли и месте рационального, сознательного и бессознательного, лежащего как бы за разумом. Следует определиться в характере того явления, которое предопределяет наше отношение в процессе познания. А предопределяя, инициирует блуждание разума в процессе познания. Это, как нам представляется, есть воля, а, следовательно, и все, что связано со свободой.

Разум не свободен, как думают практически все. И мы в этом тезисе открываемся под удары всей научной школы рационалистов. Разум следует самому себе. Он однозначно предопределяет все логичные ходы и обоснования в аргументации. Мышление не свободно, как несвободна и сама совесть. И вряд ли авторитет И.Канта будет в этой аргументации для нас достаточен. Рациональность детерминирована самим разумом, а не рассудком. Воля же ломает стереотипы логичного, т.е. рационального в науке. Разум отягощен осознанием прошлого, предрассудками и интересами настоящего, последствиями будущего. Он цепенеет от нелогичности, отходом от проторенных в науке «троп», научных школ и, казалось бы, выверенных научной практикой методов научного познания.

Рассудок, как ему представляется, желает свободы в научном исследовании, более того может показаться, что разум, как и рассудок, свободен. Однако это кажущаяся свобода. Именно разум первый начинает осознавать свою природную ограниченность. Это еще один момент, в который нас разводит с Гегелем.

Разум только подходит к пониманию, что все-таки есть какая-то трудно улавливаемая грань, перешагивая которую разум отказывает себе в праве именоваться разумом. Воля же в познании свободна по своему определению. Она противоположна, но только диалектически, по своей роли в познании теперь уже разуму. Хотя по мере накопления знания, формирования целостного образа истинной картины экономического объекта, разум уже сам ограничивает свободу воли. Разум способен сужать ее рамки, раскрывая объект в мыслительных образах, закрепляя его в научной теории. Однако разум был, остается и будет оставаться, отягощенным волей, по крайней мере до той периода процесса познания, до которого разум не познал природу самой воли. Но этим самым воля уже, будучи по сути, есть продукт отрицания ее разумом. И здесь мы можем только согласиться с мнением Г.Гегеля. Познанная разумом воля есть ее отрицание. Воля уже становится понятой, уложенной далее в ложе рационального мышления со всеми ее атрибутами. Все стало рациональным, понятым, логичным. Однако воля остается, будучи преодоленной разумом, тем моментом, который уже обнаруживает себя на поверхности как некоторый интерес. Поэтому воля не есть грубое рубище, которое можно без ущерба для процесса познания истины легко оставить, когда сталкиваешься с проблемами познания. Это ограничение осуществляется тем образом, что предмет становится неинтересным для научного исследования.

Интерес, мотив, желание есть, таким образом, ни что иное, как олицетворение, выявление воли. Хотя вполне допустима идея, что и на этом

этапе познания разум может еще мало чего иметь в своем содержании как о предмете. Понятия не сформировались, категории не оформились, знания пусты. Сознание не может предопределить результаты и их последствия для мира. И этот этап не есть «блуд» разума, а есть «блуд», или свобода воли. Подтверждением этому может стать то, что если бы разум был в состоянии предопределять и волю, то вряд ли предпринимались научные попытки таких научных поисков, которые приводят, хотя и потенциально, уже к отрицанию в прямом смысле самого homo sapiens.

В поэтической форме эта идея была выражена гораздо более эмоционально другими. Свободы жаждет рассудок, свободы же хочет дикая страсть. Человек со своей волей не обособлен от мира, он - член общества и всей мировой жизни, с которыми он связан при посредстве своей воли. Эта идея была высказана в свое время. Следовательно, свободен безумный, сумасшедший, ибо его покинул разум.

В состоянии аффекта безумный генерирует идеи, которые лежат за рамками логичного, привычного, укладывающегося в общепринятые нормы отражения действительности. Для этого достаточно посмотреть на картины Сальвадора Дали.

Данное утверждение резко контрастирует с общепринятым в философии положением о соотношении свободы и разума. Быть свободным - значит повиноваться разуму. Так определялась свобода в работах Спинозы и Лейбница. Чем больше человек действует на основании разума, тем больше его свобода. Чем больше человек повинует страсти, тем больше он раб, - так предельно лаконично выразил свое отношение по этому поводу Г. Лейбниц. Здесь, правда, речь идет о свободе действия, а не о свободе познания. Однако разные методологические основания обнаруживаются предельно отчетливо.

Еще более отчетливо обнаруживается противоположность нашего понимания свободы в мышлении в сопоставлении с идеями Г. Гегеля. Его категорическое выражение "свобода есть познанная необходимость" не оставляет возможности даже на диалектический синтез. У Г. Гегеля разум раскрывает поле свободы, у нас - наоборот. Познанное сужает, ограничивает поле свободы, а для нас, однозначно, и свободы воли.

Наши выводы определенным образом соприкасаются с рассуждениями В. Виндельбанда. Правда, он оперирует понятием «произвольного» и «непроизвольного» мышления, хотя одновременно утверждает, что различие между ними несущественно. Оба процесса произвольного и непроизвольного мышления составляют всего лишь один процесс. Однако мышление всегда находится в своем движении под влиянием воли. Воля же сама по себе

бессознательна и осознание ее есть, по сравнению с ее внутренней сущностью, лишь случайное дополнительное определение. Сознательное стремление мыслить добавляется к влиянию воли на принижение представлений только как случайное дополнительное определение. Далее, правда, В. Виндельбанд утверждает, что распространенное воззрение, будто воля противостоит мышлению как чему-то ей чуждому и лишь отдельными толчками вводит в его спокойное течение свои определяющие намерения, неверно. Как нам представляется, следует быть предельно корректным в тех областях, которые являются существенными для всей последующей аргументации. Воля и разум обнаруживают единство в своей роли в процессе познания. Однако воля изначально была и остается существенно значимой, хотя разум еще не и осознал детерминантов в процессе своего самопознания. Разум же есть осознание, в том числе и самого себя. И как научное осознание, он не может быть свободен, ибо он должен оставаться научным осмыслением.

Воля, порождая, иницируя разумное осмысление, тем самым отрицает саму себя. Воля познанная - уже не воля, а разум, ее результат, последствия разумного, т. е. логичного, не свободного, уже уложенного в прокрустово ложе научного инструментария, которое мы ассоциируем с рациональным.

Будучи бессознательной, воля не может игнорировать, проходить мимо самого познающего субъекта с его материальными интересами. Она не только вырисовывает контуры процесса познания предмета как целостности, но и предопределяет место самого разума. Разум, таким образом, исходит из значимого для его самого места исследования в этом процессе, в своей заинтересованности. Он, отражая природу материальных экономических отношений всех участников процесса присвоения в обществе, в том числе и самих ученых, если использовать и несколько перефразировать слова К. Маркса, способен превращать последних в сообщество наемных писак, в нашем случае – порой заказных, оплачиваемых исследователей, что больше напоминает околонучное «холуйство», чем научное исследование, которое претендует на беспристрастность.

В результате истина в лучшем случае предстает односторонней, она несет в себе ее момент, а не целостный теоретический образ.

Экономическая наука очень часто оказывается обремененной классовыми, политическими и идеологическими наслоениями, она идеологизированна, политизирована как никакая иная. Следовательно, отдельный ее представитель принципиально не способен сформировать целостный, а, следовательно, истинно научный образ своего предмета.

Интерес, который мы рассматриваем как некоторую объективацию воли, ее явление вовне, несет существенно тот момент, что преодолевает недостатки сознания, разума, как следует из рассуждений А. Шопенгауэра. Но ведь именно воля придает сознанию единство, связывает его представления и мысли. Без воли интеллект обладал бы не большим единством сознания, чем зеркало, в котором последовательно отражается то одно, то другое. В лучшем случае и разум был бы подобен зеркалу, лучи которого соединяются в воображаемой точке за его поверхностью. Воля - единственное, устойчивое и неизменное в сознании. Воля придает направленность мысли, а последнее используется в качестве средства для своих целей, придает им окраску своего характера, своего настроения и своего интереса, владеет вниманием и держит нить мотивов. Вряд ли можно пройти мимо этой идеи, высказанной А. Шопенгауэром.

Одновременно можно бы было полагать, что разум, вступив в свои права, будучи инициированным волей, уже становится способным преодолевать личное отношение самого исследователя к предмету. Как бы реализуется тезис: «истина всего дороже». Интерес самого исследователя отступает на задний план, исследователь, особенно все, что связано с материальными интересами, преодолевается субъектом. Здесь как бы осуществляется тезис И. Канта: «Я мыслю» должно сопровождать все наши представления. Однако, как отмечает А. Шопенгауэр, этот тезис опять же становится недостаточным. Здесь «Я» величина абсолютно неизвестная, т. е. самому себе тайна. То, что придает сознанию единство и связь, проникая через все представления, суждения, понятия исследователя, служит одновременно его основой и носителем, не может быть само обусловлено сознанием; тем самым не может быть представлением; оно должно быть сознания и корнем дерева, плод которого – сознание, а далее мотивация, действие и его практические результаты.

Существенным моментом в аргументации нашего тезиса о невозможности принципиально сформировать отдельным исследователем целостный научный образ предмета, служит то обстоятельство, что сознание отражает предмет, представляет его в сознании как некоторый ряд сменяющих друг друга представлений. Возвращение к уже ранее запечатленному, «выхваченному» из общего потока ранее, само требует некоторого обоснования. Его можно назвать как проявление интереса, осознаваемого, или, скорее всего, еще не осознаваемого самим исследователем. Следовательно, субъект и на этом этапе интеллектуального созерцания, на этапе, когда только формируется научный образ предмета, когда не определился ни объем понятия, ни его концепт, не в состоянии ни преодолеть свое «Я», ни выйти за его пределы, или даже объяснить его. Его собственное «Я» не может не нести в себе

неосознанное влечение к выбору приоритетов в ряду научных образов. Его собственное отношение к своим же собственным материальным интересам не может принципиально преодолено им. Выйти за пределы «Я» самому «Я» принципиально невозможно. «Я» есть уже не «Я» в абстракции от самого себя, а уже слито с самим собой через материальную заинтересованность к процессу собственного интереса своего расширенного воспроизводства. Следовательно, его научный поиск уже на предварительном этапе несет в себе импульс индивидуального отношения, индивидуального интереса.

Сказанное выше можно предварительно обобщить в следующих положениях:

1. Объект научного познания всегда представляет по своей внутренней природе некоторое единое противоречивое целое. Для экономического объекта - мира-экономики - это внутренне единое противоречивое целое предстает как внешним образом данное, предметом противоположных определений его, противоположных к нему отношений различных участков процесса общественного производства. Экономист-исследователь, задача которого сформировать целостный научный образ избранного предмета познания, изначально сам является носителем определенных интересов. Основанием этого интереса (в нашем случае он выступает в форме научного интереса) является воля, противопологающая себя разуму. Разум не в состоянии по своей природе преодолеть волю. Он способен ее не более как отрицать в смысле ограничения, иначе говоря, воля в самом процессе познания использует разум как самоограничение и преодоление самой себя.
2. «Я» является не просто носителем сознания, оно вмещает в себя как волю, так и сознание, оно не может сбросить с себя свое собственное непосредственное отношение к себе, что проявляется одновременно как опосредованное отношением к предмету, ибо последнее всегда есть его собственный интерес. Интерес в этом случае как внешнее неосознанное проявление воли (хотя интерес может и осознаваться) есть выражение собственного отношения «Я» к предмету научного исследования, где воля есть тот необходимый момент, от которого нельзя освободиться как от имманентного научного рублища.

В итоге исследователь, предметом изучения которого являются материальные интересы, выявляющиеся в мире-экономике, принципиально не может быть выработан целостный образ одним исследователем. Принцип целостности познания экономических явлений остается недостижимым для отдельного исследователя, каким бы оригинальным методом он не оперировал. Следовательно, для отдельного исследователя, изначально отягощенного своим

собственным отношением к исследуемому предмету, принцип целостности, даже если он и им признается и ему следует, остается как декларируемый, но не осуществляемый принцип.

Проблема формирования целостного образа мира-экономики лежит как в сфере самого мышления, осознания, т. е. сфере рассудка, разума, так и в сфере запредельной для самого разума, или воле. Для процесса познания эта проблема проявляется, в том, что целостный образ исследуемого экономического объекта есть его целостная, конкретно-всеобщая форма мысли. Последняя есть содержание понятия, его целостный концепт, отражающий только процесс приближения к адекватной модели мира-экономики. Они не есть копии мира-экономики или отдельных его фрагментов, не прямые эмпирии, а «свободные изобретения разума», по А. Эйнштейну, а в соответствии с нашей концепцией - орудия воли, даже если она сама осознается разумом. В результате свободного «изобретения разума и воли», как предпосылкой разума, достигается отображение мира-экономики не просто таким, каков он есть на самом деле, а таким, каков он есть и одновременно таким, каким мы его воспринимаем субъективно в соответствии с нашими вожделениями, каким бы мы его хотели видеть, исходя из научных позиций исследователя, его места в системе распределенных в обществе материальных интересов.

Отдельный исследователь формирует абстрактный образ мира-экономики. Некоторые исследователи способны в большей степени создать интегральный образ, приближающийся к целостному образу, однако этот этап приближения способен, как нам представляется, сформировать не сам научный целостный образ действительности, а ее «рассеянный» образ мира-экономики в абстрактных понятиях.

В качестве важного момента формирования научного образа в понятиях следует уязать на то, что нельзя отбросить роль и место воли в процессе самого мышления, понять или хотя бы представить гипотетически сам процесс обусловленности волей процесса мышления, интересами самого исследователя, а, следовательно, осознанием в процессе познания целей, что есть не более как выхождение его воли во вне. Если этого не принимать во внимание, абстрагироваться от процесса формирования научного образа, то сами понятия, по мысли Луи-де-Бройля, станут совершенными, строгими, но одновременно все более и более бесплодными [75, с.186].

Вряд ли будут убедительны те аргументы, а точнее, те основания, из которых исходит сам исследователь. Ведь принципы не доказываются, потому они и принципы. В них как раз и раскрывается позиция исследователя, его метод. И хотя часто утверждают, что метод как бы предопределен самим

объектом, как бы вытекает из последнего, мы имеем основания добавить, что на метод оказывает влияние субъективный фактор. Он предопределен научной позицией, как объектом, так и субъектом, его материальными и научными интересами. Последние оформляют их осознанное воплощение в целях исследования, определенным образом уже предопределяя сами результаты. «В истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается, без сознательного намерения, без желаемой цели» [25, т. 21, с.306]. Следовательно, роль и место разума в формировании целостности научного образа не представляется такой просто и однозначной. Расхожому утверждению, что разум способен сформировать целостный научный образ, подчеркивая и абсолютизируя роль мышления в познании, как сознательно формируемый процесс понятийного аппарата, мы высказываем аргументированный ранее следующий тезис. Его суть можно свести к тому, что именно сознание, разум, будучи предопределены волей, становится тем органом, который заставляет его самого следовать тому пути, который заложен в самих принципах научного подхода к исследованию мира-экономики, предопределен самим исследователем, его «Я», включающим в себя собственно субъективное научное отражение и его субъективную волю. Разум тем самым сам закрыл за собой врата целостного отражения мира-экономики. Принцип целостности познания, экономических явлений, следовательно, всегда будет оставаться некоторым принципом, к которому следует стремиться, но который никогда не может реализоваться в действительности для отдельного исследователя. Мир-экономики может претендовать на раскрытие в целостности, если он станет предметом исследований многих исследователей, представляющих всю гамму интересов различных социальных групп. Провозглашаемый прежде принцип партийности в политической экономии в бывшем СССР был своего рода антиподом принципа целостности, преодоление которого и в настоящее время не завершено.

3. ПРИНЦИП ЦЕЛОСТНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ ПОЗНАНИЯ И ПОНИМАНИЯ

Проблема целостности познания экономических явлений определенным образом уже связывается с таким понятием, как справедливость результата в оценке последствий принятия экономических решений. Оно выражается в том, насколько экономист-исследователь сохраняет беспристрастность в выборе метода исследования, ибо он уже заранее предопределяет в существенной части результаты своих выводов.

Способен ли экономист-исследователь, предметом изучения которого являются имущественные интересы, быть свободным вообще, либо быть свободным в какой-то мере? Экономист не есть воплощение или олицетворение какого-то мирового духа, объективного и блуждающего вне субъективного мира индивида. Вопрос, поставленный Сократом, получил свое выражение в работах И. Канта. Его «вещь-в-себе» одновременно, как нам представляется, становится недоступной, в том числе и потому, что эта сетка, через которую исследователь смотрит на объективный мир экономики, есть форма его сопричастного отношения к предмету научного познания. В итоге, мир-экономика предстает в том виде, в котором его желает увидеть сам исследователь. Результат же научного исследования прочитывается другими так, как они его хотят видеть, исходя уже из своего места в общественном разделении труда, места в распределительном процессе общественного богатства.

Мы скорее придерживаемся той точки зрения экономистов, философов и других представителей сфер научного знания, что экономика есть некоторая целостность, в которой закономерности детерминизма, тем более механического детерминизма, не могут быть признаны научно состоятельными основаниями.

Сама же экономика, понимаемая как некоторый «Мир-экономики» (Ф.Бродель), есть целостность, в которой не могут быть признанными как научно состоятельные теории, базирующиеся на признаках каузальности, или причинности, или даже механического детерминизма.

Из этого следует вывод о методе нашего научного исследования. Каждое явление, не только экономическое, следует довести до его понимания как некоторой субстанции. Последнее позволит выйти на понимание того непреложного момента любого исследования, что наиболее глубинное понимание может быть раскрыто в субстанциональном подходе. Тогда явление не нуждается в объяснении своей природы, привлекая для этого аргументы извне. В противном случае исследователь вынужден принимать эти аргументы в лучшем случае на веру без серьезного научного обоснования. В итоге нельзя

прийти к иному выводу, что наш тезис становится в понимании требований формальной логики недоказанным. Исследователь не продвигается к своей цели. Весьма часто, однако, достигается более углубленное понимание научной проблемы.

Данный экскурс в теорию познания мы считаем сделать необходимым с тем, чтобы высветить недостаточность претензий многих исследований в области закономерностей функционирования кредитно-финансовых систем. Тем самым мы предпринимаем попытку вернуться к осознанию ценности и необходимости целостного подхода в исследовании экономических явлений.

Как нам представляется, именно игнорирование целостного подхода в экономических исследованиях стало в конечном итоге причиной появления часто противоположных научных концепций на природу одних и тех же экономических явлений. И это несмотря на то, что в последние годы появлялись серьезные научные исследования, метод которых основывался на принципах целостности научного исследования. (См. работы таких экономистов и философов как, например: Козуб Т.А., Катунин В.А., Забродин Н.К., Досалиев К.Б., Обухов В.Е., Гончаренко В.В., Османзаде Р.М., Гевзов В.Ф., Судейский Н.Б., Марков С.М., Кобахидзе П.А., Задорожный Г.В., Голованов В.Н., Гриценко А.Д., Абрамова Н.Т., Хасанов М.П., Друянов Л.А., Гуткина Г.С., Бондаренко Г.В., Останин В.А. и др.)

Подмена целостного метода другими, выполняющих роль второстепенных методов познания, привело нынешнюю экономическую науку к тому состоянию, характеристику которого наиболее точно определил, хотя на примере другой области научного знания, Анри Пуанкаре. Наука (экономическая — В.О.) стала наиболее богатая методами и наиболее бедная результатами.

Целостный подход в нашем исследовании фактически тождественен утверждению о применении субстанционального подхода в строго научном рассмотрении роли, места, наконец, самой экономической природы своего бытия.

Однако этот метод, который можно характеризовать как наиболее продуктивный в отношении получения возможных научных результатов, одновременно наиболее сложен в своем практическом осуществлении в процессе научного исследования. И хотя такой метод, например, как анализ рассматриваемого явления, позволяет расщепить явление, а синтез, как противоположный анализу, соединить в мышлении расщепленное и познанное в своей абстрактности мир-экономики, целостный подход позволяет охватить многие оттенки, которые уже не могут рассматриваться как индифферентные

друг к другу части, даже если между ними и осуществляется отношение детерминации.

Целостное бытие социально-экономического образования есть объективное, конкретно-всеобщее определение действительности. Сам же целостный подход следует рассматривать как один из методов «способов диалектического и, одновременно, спекулятивного», понимаемого нами, и, по Г.В.Ф. Гегелю, «как положительного метода познания».

Целостный подход, как это представляется нам, есть дальнейшее развитие диалектического, как отрицающего, метода, преодоление его ограниченности, есть одновременно и его необходимое дополнение. Только в этом случае наше познание в своих результатах может претендовать на момент истинного мышления и адекватного отражения в теории социально-экономической действительности.

Как следует из определения, в основе целостного подхода лежит сама целостность как принцип. При этом целостность бытия любого образования воспроизводится в научном представлении и научном логическом отражении этого целостного мира в научных понятиях.

Целостность бытия любого социально-экономического образования в научных теориях понималась по-разному. У Ламетри это субстанция, которая выступает принципом целостности, целостным проявлением материи-субстанции посредством своих субстанциональных форм.

Есть достаточно оснований увязать экономическую субстанцию со своими имманентными атрибутами, а именно, с принципом самодвижения, саморазвития, когда субстанция-субъект приобретает креативную логику творения своей собственной жизни. [78].

Способность совершенствовать формы своего бытия материализуются посредством осознанной человеческой практики. Тем самым обнаруживается диалектический переход субъективного в объективное в самой социально-экономической среде.

Данное понимание принципа целостности тем не менее нуждается в дополнительном пояснении и научном обосновании. Так, следует разводить понятия «органическое целое» от «механического целого». Всякой органической целостности присуще ее имманентная форма, внутренняя целесообразность и целеполагание. И если этот принцип целостного объективного бытия рассматривать вне человека, не усматривая становления субстанции-субъекта вне его самого, с его пониманием своей собственной природы, своего места, целей, то исследователь сразу же наталкивается на непреодолимые противоречия гносеологии.

Без включения человека в структуру субстанции-субъекта, последняя вырождается в предельную абстрактность, где целеполагание должно быть привнесено извне, например, от Бога. Либо принцип целостности должен быть сведен к своему одному субстанциональному образованию - механическому целому. В последнем господствует детерминизм, формирующий свой подход в познании к рассматриваемому явлению, но уже как механическому целому.

Таким образом становится теоретически невозможным, находясь на позициях механического целостного понимания, доказать, выразить в научных понятиях внутреннюю целесообразность и целеполагающую деятельность человека. Поэтому И. Кант был совершенно прав, когда в «Критике способности суждения» высказал идею, что эта внутренняя целесообразность становится теоретически недоказуемой, так как не обладает свойством полноты. Живой организм, по И.Канту, есть такой продукт природы как органической, так и социальной, когда ни один орган не может существовать независимо, отдельно от других, здесь каждая часть есть часть другого и одновременно целое самого себя и каждая часть существует только посредством других, и в виду того, что она существует только через все остальные, мыслится существующей ради других и ради целого. Следовательно, здесь часть следует воспринимать как орган [2, с.257].

Безусловно, И.Кант был прав в своем суждении, что целеполагание не может мыслиться в самой объективной реальности. Его суждение логически выверенное, тем не менее, исходит совсем из других посылок. И. Кант с самого начала рассматривает человека с его целеполаганием вне субстанции, у него человек вне механизма формирования самих исходных фундаментальных принципов.

Проблема обнаруживает, как это нам представляется, свое разрешение в том, что человек не может находиться вне субстанции, более того, сама субстанция есть субстанция-субъект с присущей ей логикой креации. (См. Останин В.А. Собственность: сущность, противоречия, формы их раз решения. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992).

Поэтому всю связь вещей, частей, которая зависит от организации целого, у И.Канта, рассудок может представить только в виде "телеологического суждения".

Гегель Г. рассматривает целостность как некоторую конкретность, как единство многообразного, тотальность по определению, которое сформулировано в ходе самодвижения понятия, идеи, начиная с абстрактной мысли (бытия) и, кончая абсолютной идеей. Целое есть не просто «как сумма всех своих частей, а диалектическая целостность» [3, с.301-304].

Далее Г. Гегель развивает идею, о том, что для понимания целого необходим разумный подход, а не рассудок, хотя роль рассудка он не принижает. Ведь все дело в том, что рассудок в силу своей односторонности и неподвижности не способен охватить полную истину, тогда как разум схватывает в мышлении сущность и сам является сущностью и истиной. Именно из подобного понимания различия между разумом и рассудком становится логически объяснимым положением, что абсолютной истины нет, что истина всегда конкретна.

Авторы, придерживающихся принципов диалектического материализма, трактуют целостность как объективную характеристику вещей, как имманентную определенность действительности. Каждая конкретная целостность есть результат некоторого объективно-исторического движения, продукт саморазвития и формообразования развивающейся действительности.

В нашем исследовании важно иметь в виду то положение, что становление истины, исходя из принципа целостности (тотальности), неизбежно наталкивается на обстоятельство, суть которого в самом бытии деятельного начала, т.е. в субстанции-субъекте. Если мы считаем необходимым учитывать роль и место субъективного начала в субстанции—субъекте, то исследователь не должен впадать в другую крайность, а именно, в преувеличение роли и места субъективного фактора. Даже Г. Гегель, по некоторым проницательным замечаниям, выводя начало, боится признаваться во всех следствиях его, и ищет не просто «естественного результата», вытекающего логически сам собой, но еще и того, чтобы этот результат был в ладу с действительностью.

Высказывая наши суждения относительно обоснования принципа целостности и самого целостного подхода, мы исходим из того, что понимание экономического бытия, оценка его ценности и одновременно истинности всегда были, есть и будут для страны чрезвычайно важными. Однако они составляют не более как одну сторону, один диалектический момент в познании целого, в формировании целостного восприятия мира-экономики. Как пишет по этому поводу А.И. Герцен, это целое одновременно наряду с уничтожением частной собственности, стремится уничтожить на тех же основаниях и все монархические и религиозные проявления в иных сферах - в суде, в правительстве, во всем общественном устройстве и, более того, в семье, в частной жизни, около очага, в поведении, в нравственности [6, С.391]. Хотя в другой работе он замечает, что формирование целого теоретического образа всегда наталкивается на серьезные трудности. Государство нельзя вбросить с себя, как грязное рубище, до известного возраста необходимо, нужно пройти

через все стороны, трудные фазы развития предмета, подобно тому, как зародыш проходит низшие фазы, ступени зоологического существования [7, с.421].

Целое есть, таким образом, всегда становящееся целое, не некоторое застывшее, сформировавшееся данное. Последнее уже необходимо рассматривать в неразрывном единстве с процессуальными формами своего движения.

Следовательно, приобретает научную актуальность раскрытие содержания самого принципа целостности, его значение в онтологическом и гносеологическом отношениях.

В науке получила свое отражение точка зрения на природу принципа целостности с позиции онтологии, суть которой сводится к материальному единству объективного мира, существующего вне и независимо от сознания и воли.

Однако это понятие «объективное» уже не может быть представлено в своей примитивной, т.е. первичной и удовлетворяющей всех форме научного знания. Как отмечает по этому поводу К.Поппер, слова «объективный» и «субъективный» являются философскими терминами, обремененными тяжелым наследием противоречивых способов использования, нескончаемых и безрезультатных дискуссий. Кант использует слово «объективный» для того, чтобы указать, что, научное знание должно допускать оправдание, независимое от чьей-то прихоти. Оправдание, по Канту, «объективно», если оно в принципе может быть проверено и понято любым человеком. Кант пишет: «Если суждение значимо для каждого, кто только обладает разумом, то оно имеет объективно достаточное основание» [76, с.67–68].

Принцип целостности в гносеологическом плане понимается как отражение данной целостности в логике понятий. Это имеет основания считать данный метод как целостный к изучаемому миру [1].

Все объекты материальной действительности имеют свою собственную и имманентную логику становления и развития. Поэтому любое теоретическое познание, если оно претендует на истинность, есть движение по законам развития, законам бытия самого объекта. Последнее дает конкретное представление о нем как о единстве своих многообразных определений. Таким образом, достигается органическая целостность теоретической системы, которая представляет собой не что иное, как отражение органической целостности предмета в понятиях, суждениях, умозаключениях.. Следовательно, не стоит искать особой глубины в тезисе К. Маркса, что все богатство исторической реальности содержится не в самих понятиях и не в

процессе саморазвития идеи, как у Г.Гегеля, а в тех реальных отношениях, которые реально представляют собой всеобщее отношение объекта, из которого вытекают и которыми объясняются природа реального целого. Как нам представляется, здесь не различается именно онтологический и гносеологический подходы к исследуемому объекту.

В теории богатство исторической реальности может быть только выражено в понятиях, в логике понятий. Понятие есть основная форма логического научного мышления наряду с суждениями и умозаключениями. Ничего иного природа самого научного познания человеку, познающему и стоящему на научных позициях не предоставила. Более того, К. Маркс, который вобрал в свой научный арсенал, весь научный органон Г. Гегеля, без достаточных научных оснований противоречит теперь уже самому Г. Гегелю об объективном бытии идеи, более того о тождестве объективного и субъективного.

В итоге критика К. Маркса теряет под собой научные основания. Только в процессе познания рассудок прибегает к своим приемам научного анализа, расщепляя единое органическое целое, и представляет его как некоторую совокупность, состоящую из частей, или органов, в зависимости от того, насколько проницателен сам исследователь. Не увидел ли он в расщепленном предмете исследования только явления детерминизма, каузальности?

В этом случае как раз и обнаруживается нарушение принципа целостности научного исследования.

Следовательно, воспроизвести целостность объекта в процессе познания можно тем образом, что объективное целое в начале созерцается, представляется, расщепляется, анализируются его составные части, раскрывается природа его взаимосвязей, а научным методом синтеза, эти элементы продуктов мышления воспроизводят целое. Однако это целое есть становящееся целое субъективного образа, предстающего в понятиях, суждениях и научных умозаключениях. Исследователь схватывает этот научный образ, точнее пытается схватить, в своей целостности.

Следовательно, целостность в своей природе имеет онтологический аспект. С точки зрения гносеологии этот принцип целостности воспроизводится в целостном подходе. Все это дает достаточно оснований считать целостный подход в научном исследовании более фундаментальным по отношению ко всем остальным частным методам познания.

Связь же между отдельными элементами объективного целого, а также самого объекта есть выход объекта вне себя, когда «в-себе-сущее» обнаруживает для исследователя как «в-себе- и-для- себя сущее». Однако связь

между составными элементами может обнаруживаться тогда, когда объективное целое представляется в некоторой иерархической системе (Иерархия - от греческого власть *arche* – власть, *hieros* – священный). Иерархические системы понимаются нами как некоторое системное расположение частей, элементов в порядке от высшего к низшему с включением элементов детерминизма. Другими словами, этот порядок определен взаимодействием, взаимозависимостью, в которых обнаруживаются признаки детерминизма.

Иерархические системы, как пишут по этому поводу А.А. Денисов и В.Н. Волкова, есть не более как форма отражения реальности, основных ее закономерностей, взаимодействия частей и целого. Будучи мысленно иерархически расположенными, система как некоторая совокупность частей, элементов, дисциплин, наук, точек зрения, которые отражают отдельные стороны бытия, тем не менее, взаимосвязанных и взаимодействующих таким образом, что в результате они имитируют целостность, которая имманентна объективной реальности. Именно система и есть тот упрощенный теоретический образ объективного целого.

При этом для системного отражения мышлением целостного объективного мира характерно то, что система есть категория познания, гносеологии. С точки же зрения онтологии этот образ целостного объективного мира может находить свои формы бытия исключительно в мышлении исследователя. При этом картина целостности упрощается для исследователя. В системе целостность представляется в мыслительных формах, которые уже лишены конкретности, они предельно абстрактны. Следовательно, системы вполне обоснованно некоторые исследователи сводят к некоторой форме, в которой содержание мысли, ее отдельные элементы мышления каким-то образом взаимоупорядочены самим мышлением.

Системное мышление делает возможным понимание природы объекта доступным для самого человеческого мышления средствами и формами. В системе, в которой элементы расположены в соответствии с определенной иерархией, возникает представление о понимании истины, а не самого понимания истины. Поэтому в зависимости от того, какие цели преследует исследователь, можно довольствоваться результатами исследования, в которых метод системности, или как его часто именуют, системного анализа, приобретает признаки самодостаточности.

Для самой же целостной объективности характерно наличие признака континуума (от лат. *continuum* – непрерывное). Система же представляет собой инструментальный познания, позволяющая познанию эту непрерывность представить как некоторую дискретную совокупность частей. Проблема,

которая не может быть разрешена с точки зрения гносеологии, сводится к тому, что если объект как целое есть организм, то в системе он не может получить своего адекватного научного образа.

В лучшем случае организм в своем бытии будет сведен в процессе познания к образу его как механизма. В познаваемом объекте, который непрерывен и целостен, не содержатся никакие априорно заданные части, которые мы произвольно в процессе мышления выделяем и структурно оформляем в систему и которые никогда в природе не встречаются в отрыве друг от друга [8, С.7].

Из всего изложенного выше с неизбежностью вытекает и логически обосновывается еще один положительный момент принципа целостности и целостного подхода к исследуемым явлениям, и одновременно свидетельствует о недостатке системного подхода в исследовании. Так, особенности формальной логики можно свести к тому, что она обладает возможностью выразить взаимосвязи объективного мира наиболее упрощенным способом в форме дискретных, а часто в форме бинарных суждений. В результате формальная логика не дает научного аппарата адекватно отразить мышлением континуальное целое, не разбив его на части и не установив между ними функциональные связи. Последние приобретают характер логических связей, т.е. правильных, но не истинных, форм мыслей.

Следовательно, мы не можем одновременно найти достаточно оснований в утверждениях, что материальные продукты сознательной человеческой деятельности, с одной стороны, есть системы, даже если иметь в виду сознательно воплощенную в них логику функционирования. Материальное тождественно объективному, обратное не верно. И если исследователь выделяет в объективной системе, то это только в своем сознании. Система есть форма связи содержания мысли, связи концепта, их элементов. Она не может бытийствовать объективно в самой самости и самодостаточности, подобно тому, как сущность не может бытийствовать реально вне своего явления. Система, являясь способом восприятия, отражения континуальной целостности материального бытия средствами нашего познания, есть продукт мышления, преодоления неспособности человеческого познания «схватить» научный образ в своей целостности, непрерывности, противоречивости. Можем высказать более радикально и категорически наше суждение по данной проблеме. Если бы человеческое мышление было в состоянии познать истину объекта в своей целостности, как непрерывно меняющееся, или как некоторый континуум, то оно, т.е. наше мышление, не только не сбегало бы к подобным искусственным мыслительным конструкциям, как системный анализ или

системный подход, но и к самому познавательному органону формальной логики вообще. И в этом вопросе мы солидарны с Дж. Лоу, Фрейдом Бекконом, Дж. Стюардом Миллем.

Система, таким образом, как дискретная форма представления в мышлении целостного объективного мира, дает не более как приближенное представление об отражаемом объекте. В результате теряется целостность знания о природе. Более того, как оно становится этим дальше от истины, даже при всей правильности с позиций формальной логики, а его ущербность возрастает по мере роста узкоспециальных наук.

Поэтому не лишены оснований утверждения, что искусство успешнее чем наука справлялось в проблеме воспроизводства в человеческом сознании целостного образа объективного мира. Более того, именно чувственное познание, лишенное искусственности в построении системного знания, способно выразить мир целостного объекта. Хотя истина, будучи схвачена гением искусства, для него самого не может быть логически объяснена, не говоря уже о других. Гений искусства творит бессознательно. Попытки же выразить и в логическом инструментарии отразить этот «непонятый» ни гением, ни другими целостный объективный мир, часто приводит к упрощению картины, ее обеднению, что даже ее результат становится неинтересным и тривиальным.

Такое понятие как «целостное системное содержание» не может устранить принципиальные недостатки системного подхода, тем более заменить принцип целостности и целостный подход. Как правило, понятие «целостности», «целостное системное содержание» включает в себя и собственное содержание всей совокупности элементов и частей, а также их взаимное содержание, или содержание связей. Безусловно, это делает более содержательным теоретический образ целостного объекта, но не устраняет его ущербности в целом.

Каждая наука, в том числе политическая экономия, призвана, прежде всего, ответить на вопрос истинности не только идеального теоретического образа, но и истинности тем самым самого метода познания, разрешить противоречия не только внутренней природы процесса познания, но и посредством последнего, предложить позитивное место человека в активном воздействии на объект научных и практических интересов людей. Политическая экономия, решая свои собственные задачи, способна вырабатывать и свои специфические процедуры метода познания экономических явлений, научно обосновывать результаты, которые приобретают способность не только обслуживать интересы познания той или иной частной науки, но и вносить

свою лепту в философские проблемы познания, а следовательно, и в философию в целом на основе некоторых всеобщих с позиции гносеологии позиций и концепций, например, системности, комплексности, детерминированности, каузальности, и, наконец, целостности, или тотальности.

Только на первый непосвященный взгляд представляется простой и само собой воспринимаемой идеей при распространении принципа развития на теорию познания, в первую очередь, необходимость принятия во внимание того обстоятельства, что исследователь имеет дело не с самой действительностью, а с выработанной им или воспринятой им ранее системой абстракций, т.е. с законами. Последние есть формы теоретического отражения некоторых объективных закономерностей, посредством исходных принципов, категорий, наконец, понятий. Последние по своей сути есть некоторая целостность абстрактных концептов, охватываемых в некотором денотате, или объеме. Данные абстракции формируются не только под воздействием осуществления процессов отражения сознанием самого объективного мира или самого процесса мышления (саморефлексия по Г. В.Ф.Гегелю), но и в процессе активной творческой роли самого процесса мышления. Это дает возможность приобрести некоторую самодостаточность в процессе проникновения в суть природных и социально-экономических явлений, а также самого мышления. Следовательно, можно говорить о некоторых собственных законах мышления, о его способности к креации, ведомой и обусловленной, однако уже чем-то лежащим вне разума и его сознания. Его результатом должен стать некоторый целостный теоретический образ объективного мира и самого процесса мышления, когда в создании последних ведущая роль отводится разумности, или даже рассудочности.

Можно взять на себя более категорично выраженное утверждение, что «старые» теории, например, теоремы и постулаты элементарной эвклидовой геометрии есть наиболее абстрактные формы отражения объективного мира. Вся наглядность этих простых количественных зависимостей есть лишь видимость, кажимость истинного знания. Геометрия Лобачевского не была простым отрицанием Эвклидовой геометрии, и будет более правильным утверждение о том, что геометрия Лобачевского есть процесс и одновременно результат теоретического преодоления абстрактных количественных законов объективного мира. Одновременно это преодоление привело к раскрытию внутренней природы явления, которое при всей наглядности постулатов параллельности была скрыта от исследователя. Картина мира стала более полная, следовательно, более целостная.

В ключе наших рассуждений становится еще более продуктивной идея Г.Гегеля, что старые идеи не следует рассматривать как свалку отживших себя теоретических образов, а следует рассматривать эти идеи как некоторый пантеон образов развития мирового духа. Эту же самую мысль, но более в современной форме выразил А.Эйнштейн: «Создание новой теории не похоже на разрушение старого амбара и возведение на его месте нового небоскреба. Оно скорее похоже на восхождение на гору, которое открывает новые и широкие виды, показывающее неожиданные связи между нашей отправной точкой и ее богатым окружением» [22, с.567].

Состояние непрерывного последовательного приближения к целостному теоретическому образу, т.е. состояние перманентности должно необходимо осуществляться не только в таких дисциплинах как математика, физика, биология, но и в экономических и социальных науках, и, конечно же, в области философского знания.

Следовательно, процесс познания не только выражает преодоление старого, накопленного знания, когда появляется новая информация. Эти как постепенно, так и скачкообразно накапливаемые информационные ресурсы знания следует рассматривать не только как свидетельство качественного роста знания, но одновременно с этим как момент преодоления очевидности, абстракций, переход от очевидных простых истин к более многократно переплетенным усложненным теоретическим образам. Именно последнее позволяет преодолевать очевидное в начале, а в дальнейшем представить уже как нечто целостное. Новое знание, которое преодолело некоторые моменты абстрактности теоретических образов, в результате перманентности процесса познания приобретает черты целостного как становящегося знания.

Высказывая данное положение, мы не можем разделить то положение авторов, где в самом процессе накопления знания уже усматриваются достаточные признаки формирования целостного теоретического образа. Другими словами, следует различать целое как суммативное целое и целое как органическое целое. Если накопление нового знания сводится только к увеличению репрезентативности, то тезис не может быть доказан уже исходя из общеизвестных законов формально-логических доказательств. Проблема сводится к тому, что знание целого не может заключаться в высказываниях о составных частях этого целого. Из истинности знания о части, вывод об истинности знания о целом не следует с необходимостью.

Даже беглый анализ некоторых выводов авторов, занимающихся проблемами познания экономических явлений, наталкивает нас на мысль, что именно это общеизвестное требование в теории познания очень часто либо

забывается, либо игнорируется. Из этого с необходимостью следуют выводы о том, что аргументы, привлекаемые экономистами, могут быть необходимыми, но они не могут считаться достаточными, а, в крайнем случае, и не необходимыми и недостаточными, следовательно, случайными.

Принцип целостного отражения объективного мира становится, с одной стороны, как теоретическая предпосылка исследователя, как основание процесса объяснения, а с другой стороны, как результат реализации этой исходной предпосылки в сформированном теоретическом образе, для которого характерно преодоленная отвлеченность от других сторон внутренне противоречивого предмета познания, т.е. в преодоленной абстрактности идеи.

Если не обнаруживается некоторого соответствия между теоретическим образом исследователя и эмпирическим данным, эмпирической реальностью, т.е. между «Я» и «не-Я», по - Фихте, то следует обращаться к принципам несоответствия, устраняя тем самым противоречия самого познания. Они могут раскрываться в недостатках самой теории, в несоответствии исходных принципов познания объекту познания. К данному общеизвестному утверждению следует добавить то, что исследователь невольно находится в плену своих собственных абстракций. И если последние не преодолеваются реализацией принципа целостности, то сама реальность уже воспринимается в некоторых превращенных формах.

Исследователь часто видит то, что он желает видеть. Войти в храм истины знания можно лишь тогда, когда первоначально будут выработаны простейшие элементарные формы знания, выраженные в категориях. Эти простейшие абстракции, отражающие элементарные формы знания, есть результат первоначального этапа процесса познания. Движение мысли преодолевает крайние отвлеченные моменты знания как непосредственно предмета познания, так и самого процесса мышления, придавая последним признаки целостности.

Можно согласиться с утверждением, что эти моменты познания следует рассматривать одновременно как моменты одного целого, одной теории, что предполагает использование принципа развития в его элементарной трактовке. На первом пути полное представление подверглось испарению путем превращения его в абстрактные определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления, как духовно конкретного [23, с.31, 37].

Эти направления познания незамкнуты и противоречивы. Познание от менее конкретного, т.е. более абстрактного, более простого, может осуществляться лишь постольку, поскольку единое постоянно расщепляется и

одновременно синтезируется в более целостный теоретический образ. Каждый момент единого целого начинает рассматриваться вне связи с остальными. На поверхности это приобретает черты кажущейся самодостаточности части, а внутренние имманентные связи начинают представляться как некоторые детерминации.

Следовательно, появляется потребность воссоединить ранее расщепленное. Хотя одновременно исследователю представляется достаточным в процессе познания представить некоторое целое в подобной абстрактной системе. Последняя же весьма часто сводится в некоторой структурированной взаимосвязи. Однако целое как органическое целое, характерное для сложных социально-экономических, политических образований, подменяется суммативным целым.

Принцип целостности сам может превратиться в глубокую абстракцию, если он не может получить своего разрешения и осуществления на практике. Любой принцип является по аналогии с «абсолютной идеей» изначально не более как чистое «ничто», если он нераскрыт, не объяснён и берется в некоторой обособленности и автономности от самого объекта и предмета познания. Как «ничто» принцип будет представлять только тогда, когда он, т.е. принцип, станет осуществляться. Тем самым принцип сам уже не становится неким незыблемым основанием, он сам получает новые импульсы развития, пополняя свое исконно бедное содержание.

Однако этот процесс осуществляется в сфере научного мышления, в сфере логики. Ситуация меняется существенно, когда люди в своей практической деятельности начинают руководствоваться принципом целостности, время от времени сверяя свои познания о мире с самим целостным объективным миром. В сфере чисто абстрактной идеи он превращается в предмет научного мышления, проходит проверку практикой, приобретает жизненность, реальность, действительность [23].

Наше понимание принципа целостности в познании экономических явлений не сводится к движению в познании от абстрактного к конкретному. Само конкретное следует различать как конкретное единичное и всеобщее-конкретное. Принцип целостности в своем осуществлении предполагает движение от абстрактно-всеобщих определений к конкретно-всеобщему. На промежуточных этапах исследователь постоянно вращается в сфере абстракций, абстрактных определений, категорий. Более того, продукт движения мысли конкретизируется, но свою абстрактную природу не преодолевает. Цель познания социально-экономических явлений не единичное как таковое, а «мир-экономика» в своей целостности. Метод восхождения от

абстрактно-всеобщего к конкретно-всеобщему не только выражает историческое движение понятий, но и сам является моментом реализации принципа целостности познания социально-экономических явлений.

Суть принципа целостности в познании экономических явлений можно отразить в некоторой научной системе движения явления бытия к явлению сущности, к собственной внутренней природе вещи, процесса. Это отражение выражается в том, что целое не есть суммативное целое, оно всегда больше суммы составляющих ее частей, так как оно генерирует новое качество, которое первоначально не могло быть обнаружено в его частях.

Это новое качество есть продукт взаимодействия частей. Более того, эти внутренние связи более устойчивы, что дает основания выражать, в конечном счете, существенное явление, или закон. И если принцип системности раскрывается, реализуется в принципе целостности, то последний теперь может быть представлен только как некая идея формирования адекватного научного теоретического образа того или иного явления, вещи, процесса.

Системность научного познания позволяет раскрыть как внутреннюю архитектуру целостности, так и конкретность единичного, суть которой есть единство единого и целого.

Некоторые исследователи проблем научного метода отстаивают идею о комплексности научного познания. «Если системность раскрывает внутреннюю целостность множества элементов/суть дела не меняется даже от того, что таким объектом будут некоторые свойства предметов (функции), то комплексность раскрывает целостность элементов среды, в которой движется система» [21, с.21]. Окружающая среда не может, по мнению выше цитируемого автора, во всем своем многообразии считаться системой, так как она есть комплекс внешних условий развития человека, и целостность этого комплекса обусловлена только лишь данным отношением среды к человеку. Далее, та же самая мысль несколько смягчается, когда утверждается, что отдельные элементы окружающей человека действительности могут быть системами, например, атмосфера, гидросфера, космические объекты и т.д., включая и их различные элементы.

Комплекс условий функционирования и развития любого объекта, не ограничивается только его взаимодействием с внешней средой, а включает в себя и факторы внутреннего самодвижения. Комплекс, как целое, тоже должен обладать некоторым новым качеством, делающим его не просто суммой составляющих частей. Это новое предельно богатое качество выражается в единой для всех частей функции, которую они по отдельности выполнить не

могут, например, для элементов окружающей среды это может быть условием и средством человеческой жизнедеятельности.

Представляется, что автор допускает некоторую теоретическую некорректность. Первоначально, противопоставляется понятие «комплексность» понятию «целостности». Комплексность есть некоторое явление, процедура, процесс, посредством которого раскрывается сама целостность. Далее же комплекс уже отождествляется с целым непосредственно. В аргументации автора обнаружено формально-логическое противоречие.

Как нам представляется, комплекс есть некоторое суммативное образование, позволяющее рассматривать его как некоторое суммативное целое, посредством которого реализуется одна из функций. Целое не может быть целым на какую-то часть, наполовину, например, от части целым. Оно есть либо целое, либо нецелое. Эти два понятия являются контрадикторными, они заполняют весь объем, образуя универсальный класс.

Внешнее не может существовать вне процесса, вещи, явления. В противном случае данное внешнее не позволит понять, раскрыть не только внутреннюю природу экономического, например, явления, но и не позволит даже идентифицировать последнее. Явление в этом случае всегда останется «вещью-в-себе», по-Канту.

Следовательно, есть все основания полагать, что если в процессе раскрытия природы социально-экономического явления привлекаются внешние факторы, т.е. экзогенные параметры, то сама теория уже не может приниматься как удовлетворяющая строгим научным принципам. Теория должна объясняться своими внутренними аргументами.

Понять природу экономического явления, создать некоторый научный образ этого процесса, который мог бы претендовать на адекватность отраженной действительности, можно только тогда, когда одновременно это экономическое явление будет соотнесено с научными взглядами ученых социологов, политологов, экологов, демографов и т.д. В противном случае идеи, научные образы экономических явлений будут всегда нести печать научной ущербности, абстрактности, крайности, наконец.

Суть экономического явления, безусловно, есть экономическая сущность, отражающая его внутреннюю экономическую природу, однако, выявлена она может не только и не столько экономическим научным «самокопанием», а выходом этой экономической сути во внешний целостный мир. Сколько бы человек не смотрелся в зеркало, не разглядывал бы сам себя, он не может

понять даже самого простого, но только на первый непосвященный взгляд - кто есть «Он-человек».

Фихтевское «Я» имеет научную и практически значимую только в соотношении с «Не-Я». Целостность «Я» это целостность одновременно и «не-Я».

Системный же подход, как только он начинает претендовать на некоторую свою законченность исследования, самодостаточность метода, таким образом, с необходимостью обнаруживает свою приближенность и недостаточность

Тем самым исключаются возможности чувственного познания, отражая мир в образах, которые могут уже не могут претендовать на формирование целостного образа потому, что эти чувственные образы не оплодотворены сущностью.

В научных экономических исследованиях безусловно велика роль абстракции. Более того, исследования в сфере сущности, закона есть формирование понятий, сужений и умозаключений, а последние не могут чувствоваться, т.е. ощущаться. Их результат есть перцепции, лишённые умозрительности. В итоге, если быть последовательным, научное исследование, в основы которого даже если будут положены элементы объективного мира, приведет к односторонним результатам, отражающих мир чувственно, образно.

Абстракцию чувственно воспринять нельзя, писал по этому поводу Г. Гегель [9, Т.1, с.49]. Следовательно, дополнение принципа системности исследования принципом целостности позволяет и в экономических научных исследованиях преодолевать чрезмерную умозрительность, положить в основания нечто более фундаментальное, в нашем понимании, нечто чувственное, так как последнее всегда начинается с познания явления.

Чувство есть феномен духа, и они не лишены меры, последняя является как мера самой себя, как мера самого ощущения. В этом чувственном феномене духа чувство есть некоторая целостность восприятия объективного мира, в котором наличествует единство количественных и качественных определенностей [9, Т.6, с. 205].

Принцип целостности научного исследования в любом случае начинает реализовываться тем образом, что создается некая общая картина познания. Экономические исследования при всей их абстрактности и умозрительности начинаются с чувственной достоверности. Целостность объективного мира для исследователя предстает первоначально как целостность, духовная наполненность чувственного восприятия. И именно последнее есть первоисточник всякого научного исследования, если только последнее начинает претендовать на момент истинности своих результатов. «Все содержится в

ощущении, и, если угодно, все выступающее в сознании духа и разума, имеет в ощущении свой источник и свое первоначало» [9, Т.3, с.107].

Мы не противопоставляет в нашем исследовании противоположность целостного и системного подхода. Хотя одновременно мы не склонны считать, что системный подход есть некоторое дополнение, развитие целостного подхода. Системный подход есть скорее пролегомены целостного подхода. Представление и научное выражение объективного мира в системе есть необходимое, но недостаточное условие всякого серьезного научного исследования, претендующего на свою законченность в научных суждениях. Системный подход есть, по нашему мнению, не более как момент целостного подхода. Следовательно, системный подход не может противопоставляться целостному подходу в экономических исследованиях, ни тем более, подменяться им.

Одновременно целостный подход не есть игнорирование, «принижение» роли абстракции в исследовании. Это различные проблемы исследования, проблемы метода, хотя они и вытекают из одних и тех же, но более глубинных оснований.

Гегель совершенно правильно указывал на то, что для познания совершенно недостаточно одного целостного объекта, который мы обнаруживаем посредством только чувств. Для познания необходимо и само мышление. Созерцание не дает и не достигает имманентного развития субстанции предмета, оно скорее ограничивается постижением неразвитой субстанции, нагруженной еще побочными моментами внешнего и случайного. Созерцание есть, поэтому только начало познания [9, Т.3]

В последнем утверждении есть только момент истины. Тем более его нельзя принимать в качестве аргумента строго научного доказательства нашего тезиса о достаточности и необходимости целостного подхода. Во-первых, не может признаваться какое-то суждение, категорически определяющее количественную или качественную характеристику предмета, если это суждение основывается на авторитете. Далее, привлекая в нашем исследовании тот или иной научный авторитет, но не в качестве абсолютного основания, или в качестве научного аргумента, а хотя бы в качестве исходной научной веры, следует хотя бы принимать те исходные научные позиции, на которых стоял величайший мыслитель того времени. Это позволит элементарно избежать досадных недоразумений и обвинений Г. Гегеля в грехах, которые он никогда не совершал. Здесь нет противоречий теории, точнее здесь не обнаруживается нарушение формально-логического закона в отношении контрадикторных суждений, так как здесь одно и то же явление оценивается в разных отношениях.

Следовательно, утверждение Г. Гегеля в развитии своего тезиса, что внешний мир, есть мир объективный и целостный, как это нам представляется необходимо включать и человеческую деятельность её формами познания. Однако это включение есть уже продукт познания, есть проявление мышления. У Г. Гегеля разум, интеллигенция лишь принимает сначала форму ощущений, затем созерцаний, представлений, а затем лишь адекватные самому мышлению формы.

Интеллигенция сначала превращает созерцание в конкретное представление, или образ, а затем конкретное представление превращает в абстрактное, или представление о предмете познания вообще. Целостное восприятие позволяет представить «наличное в созерцании, в непосредственном, в себе-сущем единстве субъективного и объективного». [9, Т.3, с.276].

Данное положение имеет исключительно важное методологическое значение. Метод научного исследования, как это представляется уже нам, претендуя на формирование целостного теоретического образа уже с необходимостью должен обеспечить единство, а не разорванность познающего «Я» и познаваемого «Не-Я».

Объективность познаваемого не может раскрываться в том, что объект существует в независимости от того, познаем мы его или нет, существует ли он вне нашего сознания, или нет. Это предельно примитивный принцип, который может полагаться только изначально, как некоторый исходный, подлежащий преодолению в процессе дальнейшего познания.

Ощущение, как реализация принципа целостности, есть процесс единства воздействия, исходящего из объекта, и деятельности сознания субъекта. Это позволяет в целостном подходе преодолеть другую крайность - созерцательность, восстановить действенный, активный характер человеческого познания. Поэтому вполне естественно замечание Г. Гегеля, когда он пишет: «Звучит тело, а слышит субъект; по своему существованию это-два предмета, но слышание само по себе есть внутренняя единая действенность их обоих» [9, Т.11. М.290)Представление уже субъективно, оно, тем не менее, имеет определенное содержание, внеположенное [9, Т. 2. С. 496–497].

Развитие принципа целостности, целостного подхода в экономических явлениях позволит избежать обидных недоразумений в научном отражении объективного мира. Проблема заключается в том, что принцип целостности покоится на представлении исследователю объективного мира как целостного и единого. Задача исследователя заключается понять этот мир как мир целостный, уловить внутренние имманентные закономерность его развития, его логику,

историю становления. Являясь таким, он, тем не менее, для познающего исследователя есть нераскрытый феномен, явление, «вещь - в себе». Явления, по-Канту, - это не предметы и явления, которые есть целостность. Человек имеет дело с предметами, вещами, процессами. Явления есть вещи, предметы, процессы, отраженные в нашем сознании. Как тонко подметил по этому поводу Э. Гуссерль, нам являются вещи и предметы, сами же явления не являются.

Следовательно, принцип целостности, целостного подхода должен реализовать себя тем образом, чтобы проявиться на следующей ступени, уже в сфере мышления. Если сформулировать нашу задачу в предельно категорической форме суждения, то суть сведется к следующему императиву. Целостный объективный мир, который познается субъектом, должен быть познан как целостный мир в сфере научного знания. Принцип системности здесь уже становится недостаточным для этой задачи. Если исследователь принимает его в качестве самодостаточного принципа познания действительности, то существует реальная возможность скатиться на абсолютизацию субъективной стороны мышления, что характерно для субъективных идеалистов. Последние абсолютизировали субъективную сторону познания, которое проявлялась в формировании некоторых априорных форм, реализуемых в беспочвенных схемах, концепциях, например, ускоренного реформирования прежней российской экономике, в различного рода программах «500 дней» и т.д.

Вся суть подобных методов научного понимания сводилась к игнорированию целостного подхода к исследуемому экономическому объекту. Даже историки продвигались значительно дальше, когда предпринимали попытки научно выразить мир, представляемый как «мир-экономики».

Изложенное выше, возможно, и не было бы столь актуальным в научном отношении, если бы этот принцип не получал бы своего модифицированного воплощения в практической деятельности практиков, политиков, экономистов, стоящих у руководства Россией в настоящее время. Системный подход, забвение, непонимание необходимости реализации принципа целостности в научном отражении объективного мира, по нашему убеждению, есть только одно из проявлений схематизма исследований, формирования догматических концепций, которые большей частью были механически заимствованы из западных школ, их некритическим переносом, воплощением на российскую действительность. В гносеологическом аспекте состояние научной теории в настоящее время есть естественное состояние того уровня развития науки, особенно её фундаментальной отрасли, в которой подвергается забвению принцип целостности научного исследования. Это состояние, характерное для

российской экономической мысли середины и конца XX столетия, уже переживалось научным сознанием. Оно вполне вписывалось в общую концепцию познания, характерную для субъективного идеализма, в том числе. Именно для последнего было характерным абсолютизация субъективной стороны чувственного в познании, когда исходили не из целостного реального объективного мира, а из предметов и явлений, отраженных в человеческом сознании. На последние были наложены априорные схемы, «концепции», системы прежнего знания, которые приобретали довлеющий характер в формировании нового знания.

Поэтому уже Г. Гегель критиковал данное положение субъективного идеализма. Отношение к цвету не может изменить цвет как тако **ю** и как объективное свойство. «Х **о** **т**я цвет существует для друго **ю**, но это др **у**ое не может отнять его у тела.. Воспринимающее чувство оставляет свойство таким, как оно есть; Свойство существует, правда, для него, но оно не в силах похитить это свойство» [9, Т. 2, с.275].

Здесь следует согласиться с очень тонким замечанием Гуткиной В.С. о допущенном логическом противоречии в суждениях Г. Гегеля. Так, Г. Гегель утверждает, что разум есть содержание чувственного в познании. В другом месте, тем не менее, утверждает об объективности содержания. При этом он не утверждал противоположного, т.к. мышление, разум для него есть истинная сущность предметов и есть одновременно объективное [10].

Следовательно, то, что в ощущениях присутствует момент осмысленности, не может служить достаточным основанием для игнорирования принципа целостности в познании, а принцип системности исследования считать как самодостаточным. Принцип целостности проявляет себя тем образом, что "мы познаем истинное не пр **о**то, без всяко **ю** т **р** **у**да, а лишь постольку, поскольку мы размышляем; согласно этому взгляду истина познается» не в непосредственном восприятии и созерцании, ни во внешне-чувственном, ни в интеллектуальном созерцании (ибо всякое созерцание, как созерцание, чувственно), а лишь посредством работы мысли» [9, Т.9, с.21—22].

В этом плане Г. Гегель был не совсем прав в тех суждениях, в которых критиковал Шеллинга за употребление понятия «интеллектуальное созерцание». Г. Гегель и сам активно применял данное понятие, по крайней мере, наполнял его тем же содержанием. Как нам представляется, в этом разрезе критики теории познания у Шеллинга, преодолевалась не только умозрительность познавательной концепции последнего, но одновременно формировался, становился, получал свое право на существование научный принцип целостности, но уже в сфере в сфере чистого познания, сфере

интеллигенции. Именно забвение этого принципа позволило Г. Гегелю в крайней форме категоричного суждения выразить мысль, что тот, кто обосновал познание на интеллектуальном созерцании (здесь мы только подчеркнем только и только на интеллектуальном созерцании – В.О.), будет способен в своих выводах и умозаклчениях принимать эту форму познания как «самую удобную манеру основать познание на том, что кому взбредет на ум» [9, Т.9, с.92].

Навязывание схем, заимствованных из других научных школ, представление мира-экономики как некоторого образа, уложенного в априорные системы, в которых только на уровне «кажимости» улавливаются основные детерминанты социально-экономического развития, как нам это представляется, есть одна из попыток объяснить нынешнее состояние экономической науки, одновременно есть проявление ее ущербности и «низкотравчатости». Она более оказалась в состоянии некритически заимствовать чужие идеи, привлекать случайные, хотя и внешне броские факты, описывать различные состояния, различные точки зрения и т.д. Однако, по едкому замечанию того же Г. Гегеля, это не удел серьезных ученых, а удел «муравьев», способных разве что собирать и описывать факты состояния отечественной экономической науки. Простая регистрация фактов обесмысливает саму науку, суть которой заключается не только и не столько в регистрации последних, сколько в их объяснении и предвидении.

Мы все глядим на мир и не перестаем удивляться. Так, если несколько перефразировать К. Пруткова, можно выразить состояние некоторых исследований. Это удивление возрастает в той мере, в которой обнаруживается, что многие эти теории есть научно строгие с точки зрения формальной логики. Можно только заметить по этому поводу, что аппарат формальной логики можно образно сравнить с кувшином. Из него можно вылить только то, что уже влито, т.е. положено в основание научной теории: абстрактные, априорные постулаты, схемы, системы взглядов и представления мира-экономики, в котором все сферы представлены не как органы единого целого, а как части. Здесь даже не обнаруживается противоречие части-целого. Есть противоположность, которая в познания даже не вызрела до противоречия, поэтому они позволяют себе сосуществовать индифферентно, не обнаруживая при этом не только противоречия, но и единства.

Целое, или целостность, таким образом, обнаруживает внутреннее относительное единство самого объекта, его автономность и независимость.

Целое есть такое объективное и гносеологическое образование, которое обладает признаками целостности. Рассматривая экономическое образование

как некоторое целое, тем не менее, не следует абсолютизировать признаки целостности. Эти важнейшие характеристики объекта как некоторого целого следует по-прежнему иметь не в абсолютном, а в относительном смысле. Это определяется тем важным обстоятельством, что мир-экономики сам обладает множеством связей с социальной, правовой, нравственной и другими сферами и существует лишь в единстве с ними.

Познание целого, например, экономической среды, экономической жизни всегда приносит исторический аспект. Гносеологически целое есть преходящее, только становящийся феномен духа, как выразился бы по данному поводу Г. Гегель. В истории философии можно выделить ту тенденцию понимания, трактования целого, когда целое сводится к полноте, к всесторонности охвата все всех свойств, сторон, связей объекта. В данной тенденции становления понятия целого явно обнаруживается частичное совпадение понятия "целое" с содержанием понятия «конкретное».

Другая тенденция развития понимания целого в истории философии сводится к тому, что целое в своем содержании понятия раскрывается как внутренняя обусловленность объекта, последнее определяет ее специфику, дифференцированность от других объектов. В данной тенденции понятие «целого» сближается с понятием сущности.

Мы не усматриваем существенного различия, т.е. противоречия, в понимании внутренней природы самого целого. Более того, эти две обнаруженные тенденции формирования понятия «целое» и «целостности» в истории философии есть два существенных признака «целого», но уже как субстанции.

Это высказанная нами в прежних работах идея о субстанции, субстанции-субъекте, субстанциональном противоречии, проявляющемся и обнаруживающемся в креативной логике становления, формирования субстанции-субъекта, и есть ни что иное, как процесс формирования понятия «целого».

Изложенное нами находит свое подтверждение в работах Г. Гегеля. Не делая различия с точки зрения онтологии между целым и конкретным, сущность, как выражение внутренней природы объекта, уже не может быть представлена как бедная абстракция. Она должна выразить все богатство внутренних взаимосвязей и взаимозависимостей. Так, рассматривая абсолютную нравственность, Г. Гегель считал, что последняя до такой степени выражает нравственность всех, что о ней нельзя сказать, будто она отражается в единичном. Она в такой же мере составляет сущность единичного, как

проникающий природу эфир составляет неотделимую сущность продуктов природы и как тождество их взаимопроникновения.

Целостное понимание мира-экономики позволяет преодолевать односторонность познания. Сущность есть душа конкретного. Она не может непосредственно выражаться в единичном, и если сущность не оставляет его души, то она и не может быть душой единичного лишь постольку, поскольку она есть исключительно нечто всеобщее и представленная как пустая абстракция.

В субстанции как целостности обнаруживается абсолютное слияние единичности и всеобщности, которые могут рассматриваться в единстве со своими имманентными формами осуществления или движения. И это понимание целого сводится к тому, что единичность и всеобщность есть моменты целого как субстанции.

В целом, в данном случае как органическом целом, действительность и деятельность каждого единичного существа сводится к тому, что бы, с одной стороны, быть для себя и заботиться о себе в той мере, в которой они, их жизнь обусловлены целым, и в связи с которой они только и существуют.

Экономическое целое в своих важнейших атрибутах должно обнаружить тождество интересов индивидуумов с интересами самого целого. «Образ мыслей индивидуумов есть знание о субстанции и о тождестве их интересов с целым; и то, что другие единичные существа взаимно знают себя только в этом тождестве и действительно существуют в нем» [13, с.340].

Следовательно, экономическая сущность, сущность явления вообще не может получить свои адекватные формы выражения в некотором простом отношении. Оно может быть выявлена только в другом, обнаружена посредством другого. Как свет есть обнаружение самого себя и одновременно своего другого, темно, и может сам себя обнаружить лишь посредством обнаружения этого другого, так и «Я» (в нашем случае «самость», «суть» - В.О.) лишь в той мере открывается самому себе, в какой его другое открывается для него в форме чего-то от него независимое [13, с. 220].

Целое как таковое есть необходимое состояние для обнаружения самого себя, выявления сущности любого, в том числе, и экономического явления. Предполагается при этом, что целое есть органическое целое, а не целое, которое Г. Гегель характеризует как «коллективное, или суммативное, целое». В естественном состоянии может существовать сообщество неорганизованных индивидуумов, человеческий хаос. Однако из этого естественного состояния происходит соединение индивидуумов, толпа, агрегат людей или коллективное целое.

Когда речь идет о целом и его частях, то все сводится к вопросу о первичности части или целого. Если части существуют раньше целого, то целое есть агрегат, сборное образование, совокупность. Но если мы имеем целое, которое существует раньше частей, то мы имеем целое, которое само себя делит, приводит в порядок, расчленяет. Это целое уже не агрегат, а уже организм.

Такое «целое» есть уже «цельность», а не сложение из частей (die Zusammensetzung, или целокупность - по Г. Гегелю). Игнорирование, непонимание развития принципа целостности в познании экономических явлений приводит к состоянию, который весьма образно выразил Г. Гегель. Наиболее глубинное понимание природы явления связано с пониманием концепции «единства», или целостности, в теории познания. И поскольку философия всегда имеет дело с единством, хотя и не с абстрактным единством, не с простым тождеством, не с пустым абсолютом, но с конкретным единством и на всем своем протяжении только им она и занята, то каждая ступень в её продвижении вперед есть своеобразное определение этого конкретного единства. И наиболее глубокое и последнее из определений единства есть определение абсолютного духа. Поэтому следовало бы требовать, чтобы они (т.е. философы — В.О.) обращали особое внимание на эти определения единства, старались бы познать их и, по меньшей мере знали бы, что их великое множество и что между ними существует большое различие [13, с.403].

Если не обратить внимание на данное глубокое замечание, то можно уподобиться тем же физикам из примера Г. Гегеля. Они ... «тоже хорошо знают, что имеют перед собой многообразные чувственные свойства и вещества — или обычно даже только вещества (ибо свойства равным образом превращаются у них в вещества) - и что эти вещества находятся в некотором отношении друг к другу. Но впрочем заключается в том, как часто это отношение и своеобразие, и различие всех естественных, неорганических живых вещей покоятся исключительно на различной определенности этого единства. Вместо того, однако, чтобы познать это единство в его различных определенностях, обычная физика (включая сюда и химию) схватывает только одну из этих определенностей, именно, сложение из частей (die Zusammensetzung) её только и применяет ко всякому роду природных образований и тем самым лишает себя возможности понять какое-либо из этих образований» [13, с.404].

Целое объективное познается первоначально в форме чувственного. Чувственное сознание познает целостный мир как нечто сущее, как существующую вещь, как единичное. По своему содержанию это целостное единичное в чувствах есть самое богатое, однако, по мыслям оно есть и самое

бедное. Его богатое наполнение, как пишет по этому поводу Г. Гегель, составляет «определения чувства» и они представляют собой материал сознания. Данное понимание целого как единичного, есть феноменология духа, который проходит три ступени, а именно, степень чувственного сознания, степень воспринимающего сознания и степень рассудочного сознания.

Суть первой ступень познания целого раскрывается в том, что это объективное конкретное целое предстает как совершенно непосредственный, сущий объект. Именно таким он и является для чувственного сознания. На данной ступени эта непосредственность объективного целого не содержит в себе никакой истины. Для ее продуцирования следует перейти далее к существенному бытию предмета.

Вторая ступень становления сознания сводится к тому, что сущность вещей предметного мира становится предметом сознания. Другими словами, это уже более не чувственное, а воспринимающее сознание. На этой стадии целое как конкретное сознанием соотносится со всеобщим, но, как подчеркивает Г. Гегель, только ставится в соотношение ко всеобщему. Здесь, следовательно, не может возникнуть никакого истинного единства единичного и всеобщего, здесь обнаруживается только смешение обеих этих сторон. В этом заключается противоречие, которое ведет и разрешается в третьей ступени сознания.

Третья ступень феноменологии духа разрешает противоречие единичного и всеобщего, ибо предмет возводится до явления некоторого для себя сущего внутреннего. С этого момента рассмотрения явление загорается самоосознанием.

Чувственное сознание наделяет чувственную достоверность как бы самым богатым знанием. Более того, это чувственное сознание полагает себя как самое истинное, хотя бы на основании явной очевидности или реальности своих собственных ощущений. В итоге перед исследователем предстает некоторое целостное образование, содержание мысли о котором можно свести к истинности только в том случае, если оно, т.е. это целое, кощественное бытийствует, или есть.

Целое, воспринимаемое чувственно, начинает превращаться в другое. Это есть рефлексия, по Г. Гегелю, нечто в самое себя. Целое имеет много свойств, и это становится основанием наделения целого в своей непосредственности многообразными предикатами. Это множественное единичное целое в чувственности приводит к многообразности отношений, рефлексивных определений и всеобщностей [13, с. 228].

Из изложенного нами относительно логического обоснования принципа целостности в экономических исследованиях не следует усматривать недостаточность осуществления этого принципа только уровнем чувственного познания. Ценность всего сказанного заключается в том, что исследователю предстоит понять, казалось бы, тривиальное суждение. Первоначально мир единичного есть мир, который объективен и целостен. Эта объективная целостность и должна стать основанием, на котором будут возводиться логические конструкции научной теории. Это необходимое, но недостаточное условие в реализации принципа целостности научного исследования. Последний должен реализоваться и в сфере разума, а не только рассудочного мышления. Нельзя, как на нам представляется, положить в основания некоторые абстрактные сущности, выражающиеся в односторонних определениях.

Некритическое применение методов научного познания, в основе которых положено раздвоение единого и познание противоречивых сторон его, что признается сущностью диалектического метода познания, есть только необходимый, но недостаточный этап становления целостного научного образа, выраженного в научных понятиях и категориях. Принцип целостности здесь начинает нарушаться. Здесь отсутствует диалектический синтез, а различные определения не доводятся познанием до уровня противоречия, благодаря чему эти различные определения продолжают равнодушно сосуществовать и уживаться даже в рамках одной научной теории.

Претендовать на истинность предметное сознание может в том случае, если рассудочное сознание способно приобщить единичное целое к всеобщему. Поэтому истинное предметной, по - Г. Гегелю, может быть такое сознание, в котором мыслительное становится не просто «пред-данным», а внутренним, или имманентно присущим, таким, в котором оно начинает приобретать свою собственную почву и реализовываться в своем собственном материале. Как верно подметила М.Ф.Быкова, «здесь для Г. Гегеля возникает реальная трудность объяснения, двух реальных образований, а именно, сознания объективного целого и мышления его в научных образах» [14, с.64].

Для реализации принципа целостности должно быть обеспечена их взаимосвязь и взаимозависимость. Осознание чувственного образа и мышление о нем невозможно одно без другого. И это требование есть один из моментов реализации принципа целостности в познании экономических явлений.

На первых этапах познания целостного объекта чувственный образ как продукт сознания фиксирует лишь определенное непосредственное отношение к предмету. Поэтому на данном первоначальном уровне формирования научного

образа целостного объективного мира, или отдельного объекта чувственное сознание есть явление духа, как пишет по этому поводу Г. Гегель в своей «Феноменологии духа». Это духовное образование способно, тем не менее, постичь духовное содержание «Я». Сознание целостности уже на начальном этапе есть духовное, идеальное постижение объекта. Следовательно, уже на уровне чувственного познания целого, где сознание по преимуществу есть чувственное и непосредственное, объект в мысли получает и некоторое мыслительное определение. Оно, являясь чрезвычайно бедным и безликим, тем не менее, еще сохраняет признаки целостности, ибо это определение «слито» с чувством в самом чувственном восприятии целого объективного мира. Таким образом, это чувство, или чувственное непосредственное сознание, проникнуто уже с самого начала всеобщим.

Чувства самого по себе, как чистого чувства, нет вообще в природе. Из этого вытекает важный для наших последующих суждений вывод. Все те экономические исследования, в которых преобладали абстрактные основания, зафиксированных еще в более бедных, тощих, оторванных от реальности определений, характеризовались, в основном, игнорированием принципа целостности. В этих исследованиях уже на самом начальном этапе исключалась возможность построения каких-либо конкретных образов, способных более или менее адекватно отражать действительность. Принцип системности, который выстраивал некоторые мыслительные конструкции в произвольной иерархической детерминированности, выстраивал идеальные картины утопических образов, которые еще дальше уходили от соответствия реальной действительности. Логика, здесь мы имеем в виду формальную логику, положение не исправляла, и даже не могла исправить его в принципе. Естественно вырисовывалась идеальная картина, по образному замечанию одного из первых оппонентов К. Маркса Бем-Баверка, напоминающая грандиозное здание, кирпичами которого были эти самые абстракции как продукт разрушения целостного мира, эти понятия были скреплены цементом логики. Но птица истины не поселяется в этих стенах.

Продуктивность чувственной достоверности целого, здесь объективного мира, состоит в том, что этот принцип, точнее его реализация на первоначальном этапе познания, вводит исследователя в сферу всеобщего, не порывая с целостным чувственным образом, с которым это всеобщее слито, как мы указывали несколько ранее. Обоснование возможности и необходимости осуществления принципа целостности в научных экономических исследованиях заключается уже в том, что любой, даже самый простой акт человеческого мышления неотделим от чувственных образов. Это положение, которое в

настоящее время является общеизвестным и банальным после И. Канта. Знанием, несет в себе объяснение факта, суть которого в выборе метода познания.

Проблема в том, что на стадии формирования научных образов феномена духа на ученого оказывают непосредственное воздействие ранее усвоенные научные теории, понятия, категории. Это положение было абсолютизировано в теории познания И. Канта как априорные суждения, понятия. Мы не можем начинать рассматривать новое для исследователя явление, не воспринимая его посредством сложившихся научных знаний, понятий, суждений и т.д. Исследователь видит объективный мир через эту априорную сетку усвоенных понятий и категорий, а в обыденном мышлении через сетку усвоенных стереотипов понимания, шаблонов восприятия. Если сюда привлечь еще и волю, которая неотделима от познания, по Шопенгауэру, то можно высказать более категорично наше суждение. Хотя объект, природный мир един, целостен, объективен, однако каждый воспринимает его по-своему. Его самосознание только приближается к духу (Г. Гегель). Каждый смотрит и, в том числе и разумом, на одно и то же единое, что он способен усмотреть, однако все же его субъективный образ предопределен тем, что он желает видеть, более того, тем, что он хочет усмотреть.

Преодолеть эти крайности познания может позволить использовать в исследовании тот органон познания, который реализует принцип целостности.

Сознание, по Г. Гегелю, схватывает чувственный непосредственный научный образ конкретного целого. Однако мышление часто оказывается неспособным непосредственно усвоить этот внутренне противоречивый феномен духа в своей целостности. Принцип целостности познания должен реализовать себя теперь уже в сфере мышления, разума, а не рассудка. Поэтому следует выделять сферу знания и сферу мышления, стараясь не разрушать целостного восприятия и не разрушать его в формируемых научных образах. Сознание всегда опосредовано отношением индивида к объективному миру и опосредовано знанием объективных свойств предметов этого объективного мира.

Поскольку индивид в познании способен саморазличать себя, т.е. выделять себя, противопоставляя себя объективной действительности, постольку его жизнедеятельность направляется знанием об этих объектах.

Именно потому, что индивид относится к объектам с пониманием, со знанием, способ его отношения к миру и называется сознанием. Для Г. Гегеля сознание есть всегда предметное сознание, такое отношение к предмету,

продуктом которого является «определенное тождество» объекта и сознания, называемого знанием.

Следовательно, сознание и объект никогда не могут быть абсолютно самостоятельными. Придание статуса этим составным частям научного знания некоторой самостоятельности, их абсолютизация каждой из сторон есть нарушение принципа целостности уже в сфере первоначального этапа, т.е. в сфере чувственного сознания. Именно здесь довлеет одна из сторон знания в своей абсолютизации. Если отношение индивида к внешнему миру опосредовано знанием объективных свойств этого мира, то истинным будет также и противоположное суждение, выведенное логически в результате формально-логической операции обращения. Знание объективных свойств предметного мира опосредовано его отношением к внешнему миру. Это объясняет тот имеющийся произвол в научных подходах и получаемых результатах.

Последние не только порой неспособны дать хотя бы приближенную картину мира в научных образах, но и приводит к полному искажению истинной картины объективного мира в теории. Сознание и мышление не могут рассматриваться как некоторые индифферентные друг к другу ступени познания. Осознание нового, неизвестного опосредовано мышлением. Как верно подмечено Быковой М.Ф., мыслительные элементы у Канта и Фихте как бы «растут», видоизменяются вместе с развитием и движением человеческого сознания. И хотя априорные формы чувственности как бы ей «предзаданы», эта «предзаданность» не равнозначна «предзаданности» мышления.

Последнее само должно, согласно концепции И.Канта, осуществить трудную синтезирующую работу, при этом нет и не может быть гарантии «охвата» сознания мышлением. У Г. Гегеля мышление есть предзаданный сознанию акт. Снятие чувственного в мышлении дано и предопределено. Все другие формы и элементы сознания не «равноценны», более того, заведомо подчинены познающему мышлению. Таким образом, у Канта сознание в упорном труде может обрести свободу, у Гегеля свобода предписана сознанию телеологически, т.е. - целью, которая изначально движет сознанием, предписана мышлением и благодаря ему. [14, с.67,68].

Принцип целостности не нарушается в познании тем образом, что сознание и мышление не противопоставляются. Мышление внедряется в сознание. Мышление через своего «посредника-сознание» стремится делать, делает предмет цельностью, тотальностью в крепко удерживаемых определениях, суждениях, категориях и понятиях. Следовательно, реализация принципа целостности на этом этапе познания позволяет приобрести

действительное значение в смысле истинной предметности лишь те формы сознания, которое сделало своим внутренним содержанием мышление, а не порвало, не абстрагировалось от него. Точно такую же значимость с точки зрения истинности имеет и противоположное, полученное в процессе логической операции обращения категорическое суждение.

Принцип целостности начинает реализовываться в познании тем образом, что исследователь как бы исходит из субстанциональности самого мышления, из его предзаданности. В этом заключается некоторое отличие нашего понимания единства сознания и мышления.

Отечественная философская мысль понимает сознание как некоторую совокупность психических процессов, посредством которых человек осмысляет объективный мир и свое собственное бытие в форме психических чувств. Здесь чувства искусственно оторгнуты от мышления и его априорности на начальном этапе познания. В этом вопросе Г. Гегель остался непревзойденным по глубине, а современная философия в очередной раз оказалась в плену давления абстрактных схем. То, что ставится в вину Г. Гегелю, а именно, его, так называемый объективный идеалистический логицизм, не имеет под собой достаточного основания. Так, совершенно верно подчеркивается, что мышление у Г. Гегеля изначально искажено, субстанциализировано не только в реальных предметах, но и в духовных образованиях. Однако если непредвзято взглянуть на продукты человеческой деятельности, то кто может отрицать, что итог мышления посредством человеческой практики не материализуется. Субъективное становится объективным в деятельности практической, а объективное становится субъективным в процессе познания самого предметного мира. Только крайние точки зрения не способны видеть эту очевидную истину человеческой практики. То, что мышление субстанциализировано в духовных образованиях есть большая доля истины. Ведь процесс познания не начинается с «абсолютного нуля» знаний. Приступая к познанию неизвестного, исследователь опирается не только на прежний практический, но и научный опыт. Это «старое» знание помогает ему до определенного момента. Потом оно отрицается «новым» знанием, как пишет по этому поводу Г. Гегель, оно «снимается». Однако остается тот факт, что мышление изначально присутствует в формировании, как чувственного сознания, так и на последующем этапе. Как образно подметил по этому поводу Гете, «истина рождается как ересь, а умирает как предрассудок».

Роль мышления в формировании чувственного сознания невозможно отрицать. Более того, его роль существенно больше и заметнее, чем это порой представляется. Мышление активно вторгается в процесс формирования

чувственного образа целого. То, что на этом этапе мышление способно дать только самые бедные, абстрактные, тощие определения, не может умалять роль мышления даже на этом этапе. Целостность не есть законченность. Она всегда должна пониматься как становящаяся целостность, обрастающая многочисленными определениями, но уже в сфере мышления, формируя ту самую тотальность, как единство чувственного и мыслительного. В противном случае мы можем продуцировать исключительно умозрительные схемы, полагаясь на, так называемые, формы «сущностного видения».

Последнее есть научный нонсенс. Чувствовать абстракцию невозможно. Можно чувствовать предметный мир, но последний уже предстает перед субъектом как схваченный осознанием предметный мир.

Целостность чувственного сознания слилась с целостностью форм мыслительной работы индивидуума и в своей совокупности позволила сформировать тотальное восприятие, хотя и не охваченное пониманием, объективного мира.

Принцип целостности в познании мира экономических явлений дает возможность человеку осознавать себя в качестве мыслящего субъекта. Целостность в восприятии и мышлении позволяет совершать действительный переход от целостного объективного мира, противостоящего познающему субъекту, к всеобщему, целостному образу в научных понятиях и категориях. Созерцание, ощущение, представление, восприятие следует понимать как предмыслительные процессы, потому что они как бы объединяются с мышлением в качестве первоисходных элементов. Хотя, как это было отмечено несколько ранее, мышление преодолевает эти предмыслительные формы, как бы снимает множественность с них, чтобы репродуцировать общее, мысль, понятие и т.д. И если бы принцип целостности на этом этапе познания каким-то образом не реализовывался бы, то, с одной стороны, в результате созерцания мы бы получали исключительно только внешние определения. Здесь мы не можем согласиться с утверждением М.Ф.Быковой, что в результате этого мы получаем знание единичного [13, с.69]. Во-первых, оно не может быть нам дано как знание единичного, как целостного единичного в ощущениях уже потому, что наши чувства в своих возможностях ограничены. Единичное объективно и бесконечно в своих качествах, в свойствах, в элементах. Тем более, оно, т.е. это целое и объективное, не есть нечто застывшее, законсервированное, данное раз и навсегда. Это замечание следует всегда иметь в виду, чтобы снять излишнюю категоричность суждений. Во-вторых, мышление способное схватывать всеобщее без этого чувственного образа не позволит «почувствовать» это всеобщее. Ибо чувства вообще по природе не существуют вне единичного.

Следовательно, объективный мир-экономики есть содержание всеобщего в мышлении и одновременно есть единичное объективное, которое дается человеку в ощущениях, восприятиях и представлениях.

Принцип целостности мышления должен получить формы своей реализации также и по отношению мышления и воли. Данный вопрос имеет непосредственное отношение и к сегодняшнему состоянию науки и ее способности вырабатывать научно выверенные рекомендации для практики, избегая при этом как волюнтаризма в мышлении, так волюнтаризма при практическом осуществлении экономических законов.

Как нам представляется, корни волюнтаризма следует искать в характере, культуре научного мышления, что обнаруживается в забвении принципа целостности в познании социально-экономической жизни общества.

Общеизвестно, что Г. Гегель провозгласил принцип единства воли и мышления. В тоже время в его работах воля не была тождественна мышлению. Эта различенность обнаруживается уже в различных сферах бытия самого мышления и воли. По Гегелю разум безграничен, воля же ограничена самим мышлением. Мышление как бы предопределяет само проявление воли, последнее вытекает, предопределяется мышлением. Г. Гегель это объясняет следующим образом. Мышление обладает внутренней активностью, оно как бы «проникает» в объект, познавая его. Мышление делает его «своим», внутренним, субъективным. В результате это субъективное признается как объективное. Тем самым у Г. Гегеля и обнаруживается тождество мышления и бытия. Однако это объективирование субъективного есть стремление воли. Результатом этого процесса объективирования становятся уже процессы деяния, поступки, реализованные идеи, планы, прогнозы и т.д. И Гегель совершенно верно подмечает, что без мышления воля невозможна. Так в «Философии духа» Г. Гегель пишет, что «чистое мышление первоначально есть некоторое предвзятое, погруженное в предмет проявление деятельности. Деятельность эта необходимо становится, однако, предметной для себя. Так как понимающее познание в предмете находится абсолютно у себя самого, то ему надо познать, что его определения суть определения предмета и что, наоборот, объективно значимые, сущие определения суть его определения. Через (приобретение) этого внутреннего характера, - через это вхождение-в-себя интеллигенции, последняя становится волей. Для обыкновенного сознания этого перехода, конечно, нет; для представления мышление и воля разобщаются. В действительности же, как мы только что видели, мышление само себя являет, определяет по отношению к воле, и первое остается субстанцией последней; так что без мышления не может быть никакой воли, и самый необразованный

человек также только настолько является волевым, насколько он мыслит, наоборот, животное, именно потому, что оно не мыслит, не может иметь и никакой воли [13, Т.3, с.311].

Следовательно, человек в своих поступках, определяемых его желаниями и хотением, должен мыслить. Следовательно, эти два атрибута неразрывно связаны. Человек есть существо мыслящее и волящее. Между тем эти две характеристики взаимоувязаны отношением конъюнкции. Последняя только выразила сущностные определения человека. Последний есть не только человек разумный, но и одновременно человек волящий.

Наше же замечание принципиального характера сводится лишь к тому существенному моменту, который касается иерархии в связи мышление-воля. Для реализации принципа целостности в познании необходимо уже изначально учитывать момент присутствия воли в познании мира-экономики. Прежде чем волящий индивид будет на практике достигать своих целей, он должен уже на более ранних этапах подчинить направленность своего мышления потребностям своего собственного бытия. И именно воли здесь будет отводиться ведущая роль. Как нам представляется, следует более корректно с научной точки зрения говорить не о мыслящем индивиде, а о волящем в мышлении индивиде. И именно воля в единстве с мышлением и составляет глубинное содержание субстанции-субъекта. И в диалектике воля-мышление именно воле принадлежит отрицающая, или негативная, роль. Воля уже отрицает мышление тем образом, что предопределяет основания, посылки, на которых начинает строиться все здание логических конструкций. Второй логический переход обнаруживается уже потом, когда мышление познает саму волю и этим актом начинается процесс отрицания самой воли, однако, как мы полагаем, это уже второй диалектический переход в сторону противоречия воля-мышление.

Как было подмечено М. Риделем, а позднее М.В. Быковой, «мышление у Г.Гегеля не только переходит в волю, а до некоторой степени «делает» волю тем, чем она является»[Ридель М. Цит. по 13, с.76] Мышление, как утверждают исследователи, творит волю, задает ей поле деятельности. Мы же стоим на принципиально противоположных позициях – воля творит, направляет мышление.

Следовательно, вышеотмеченные авторы солидарны с позицией Г. Гегеля, в утверждении единства воли и мышления, и это положение не только весьма плодотворно и диалектично. На этой же позиции стоял К. Маркс, считая, что человеческая воля неразрывно связана с мышлением, что для мышления характерно выбор цели, а посредством мышления выбирается и парадигма

действий. В этом действии воля обнаруживает себя внешним образом, являясь как бы осуществлением мышления во внешность в процессе сознательной человеческой деятельности.

При всей важности этого суждения, мы, тем не менее, замечаем следующее противоречие в логике рассуждений уже самого К. Маркса. Воля обнаруживает себя внешним образом, когда осуществляет мышление во внешность. Однако внешнее есть не более чем проявление имманентных свойств внутренних взаимосвязей, т.е. закона в соотношении воля — мышление.

Следует заметить, что эта проблема соотношения мышления и воли имеет свои глубокие исторические корни в становлении философской мысли. В различные эпохи этот вопрос решался по-разному, однако, основной тенденцией все же являлся волюнтаризм. Под последним мы понимаем подчёркивание примата воли над мышлением. Например, это проявилось в учении Августина, усматривавшего в воле первооснову всего остального. Скотт И. Дунс прямо указывал на примат воли над мышлением, над интеллектом в соотношении воля – мышление.

Представители рационализма в философии (Р. Декарт) не отстаивали непосредственно идеи волюнтаризма. Однако они объявляли «рацио» истинным критерием бытия, оценивая волю шире, «мощнее» мышления. Именно большая широта воли по сравнению с мышлением представителями рационализма считалась причиной заблуждений. И Кант, основоположник немецкой классической философии, развивая идею о практическом разуме и его примате, по существу расширял власть воли в познании. Так как существование свободной воли теоретически невозможно ни опровергнуть, ни доказать, практический разум требует четко и определенно постулировать свободу воли, так как нравственный закон в этом случае теряет всякую силу и всякий смысл. Воля объявлялась свободной основой деятельности субъекта, хотя за волей одновременно признавалась ее разумная природа.

Тонкость понимания позиции Г. Гегеля в вопросе соотношения воли и мышления заключается в том, что в его теории не просто дана рационалистическая трактовка. Г. Гегель представил волю как акт мышления, как внешнее осуществление воли в своем процессе формирования понятия. У Гегеля воля сама по себе без мышления бесконечно слаба.

Как нам представляется, Г. Гегель принижает роль и место воли в процессе познания, утверждая приоритеты рационалистической философии. Воля здесь выступает как нечто приниженное как бы суть «второго сорта». С другой стороны, Гегель утверждает, что посредством воли дух вступает в

действительность. Однако именно в действительности дух обнаруживает противоположение самому себе, обнаруживая уже другую волю другого индивида. Значимость места воли у того же Г. Гегеля обнаруживается в его высказывании, что воля есть включение в действие всеобщего содержания, т.е. всеобщего, или социального мышления [13, с.306]. Воля не остается у Гегеля как у Канта и Фихте «запертой» в моральной «субъективности», она приобретает существование и выходит в мир. Воля, обогащенная содержанием мышления, как единая с самим мышлением, приобретает творческую потенцию и созидательную силу, самую креативную способность формировать умозаключения.

Крайне противоположными взглядами на сущность воли и ее соотношение с мышлением характеризуются философские взгляды Артура Шопенгауэра. В его основном философском произведении «Мир как воля и представление» воля — есть сущность мира. При этом воля выступает как слепая, неразумная воля. Разум и воля у А.Шопенгауэра уже не имеют общего. Это вытекает из следующего утверждения автора. «...Воля - движущая сила и всех внутренних бессознательных функций организма, но также и то, что само это органическое тело - не что иное, как выразившая себя в представлении воля, сама воля, созерцаемая в пространственной форме познания. ...Подобно тому, как каждый отдельный мгновенный акт воли сразу же непосредственно и неотвратно предстает во внешнем одеянии - созерцании тела как его действие, так и общее воление каждого животного, совокупность всех его стремлений, должны иметь верное отражение во всем теле, в свойствах его организма, и между целями его воли вообще и средствами в их достижению, которыми предоставляет ему его организм, должно быть полное соответствие» [14, с.38, 39].

Принцип целостности разрывается у А.Шопенгауэра, но в противоположность учению Г. Гегеля, воля выступает уже как некоторая предтеча мышлению. «И так, мы, прежде всего, утверждаем: мир создан не с помощью познания, следовательно, не извне, а изнутри; ...Мысль, согласно которой интеллект упорядочил и создал мир, воспринимается грубым рассудком, все-таки в корне неверна. Ибо интеллект известен нам только из животной природы, следовательно, как вторичное и подчиненное начало в мире, продукт позднего происхождения: поэтому он никак не может быть условием происхождения существования мира. Напротив, воля, которая все наполняет и непосредственно выражается в каждой вещи, обозначая ее этим как свое проявление, повсюду выступает как первичная» [14,с.42].

Как нам представляется, марксистская философия в исследовании создания научной картины мира не восстанавливает принцип целостности. Так, у классиков марксизма воля предстает как сознательная целеустремленная деятельность человека на выполнение тех или иных действий. Здесь верно положение, что источником целенаправленной волевой деятельности человека является объективный мир, предметно-практическая деятельность человека, направленная на преобразование мира и основывающаяся на объективных законах природы. Свобода воли есть способность принимать решения со знанием дела (Ф. Энгельс).

Полагаем, что воля в данной трактовке классиков не получает своего адекватного выражения ни в сфере сущности, ни в сфере действительности. Здесь разрывается внутренняя связь воли и мышления, не обнаруживается их целостность.

Нами приведены только некоторые крайние в истории развития философской мысли взгляды на внутреннюю взаимосвязь воли и мышления с позиции реализации принципа целостности в познании экономических явлений. Для последнего это особо актуально, так как часто произносимые призывы политиков и экономистов проявить большую политическую волю в процессе осуществления экономической реформы не могут характеризоваться нами как проявление воли. (Если, конечно, волю не понимать так, как понимал ее А. Шопенгауэр).

Воля и мышление есть единый целостный акт познания мира. Воля определяет направленность познания тех или иных вещей. Но также верно утверждение и противоположное по своим выводам. Мышление не может не инициировать в своем дальнейшем продвижении к истине направленность воли. Воля не есть бессознательное. Мышление есть только одна, хотя и высшая форма познания. Отрывая волю в процессе познания от самого мышления, мы разрываем единый процесс на некоторые отвлеченности, абстракции. Взятые отдельно, обособленно одна от другой они могут находить свое существование исключительно в головах исследователей, увлекающихся применением метода раздвоения единого и познания противоречивых сторон его, т.е. диалектикой. Отрицательное мышление необходимый, но недостаточный момент в любом методе, который претендует на признание научного.

Продолжать дискуссии о первичности, первопричинности воли или мышления мы считаем неплодотворными по своим научным результатам. Раздвоение, расщепление единого не может признаваться как самодостаточный сам по себе метод исследований.

Следует восстанавливать принцип целостности научного исследования. Его результатом может стать уже банальным утверждение политиков и экономистов, призывающих к некритическому заимствованию несостоятельных экономических концепций, следование идеологически насыщенным постулатам, позволит избежать экономического волюнтаризма в осуществлении экономической политики. В конечном счете, воли в осуществлении экономической политики может быть не больше, чем истинности в выводах и научной обоснованности результатов. В противном случае мы не увидим принципиальной разницы между экономистами и политиками, реализующих курс экономических реформ в России, и упрямыми осликами, которые не ведают, что творят.

4. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОТАЛЬНОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБРАЗА МИРА — ЭКОНОМИКИ

Познание объективного мира, как и самого процесса мышления, по своей сути есть присвоение субъектом в процессе мышления внутренней природы предмета. Это познание может протекать как неосознанно, индивид даже не задумывается над тем, каким образом формируется его знание это от присвоенного им в мышлении внешних или внутренних характеристик объективного мира. Для обыденного мышления часто бывает вполне достаточно довольствоваться тем, что человек усвоил, познал нечто. Вопрос о том, каким образом это знание приобреталось, каковы критерии истинности полученного знания, с его утилитарных позиций мог и не вставать.

Данный вопрос о механизме формирования знания видимо, был и еще долго будет в центре внимания философии, не утрачивая статус «вечной» философской проблемы.

«Что мы мыслим? Как формируются наши знания? Каковы критерии их истинности? Где первоисточники наших умозаключений?». Эти проблемы в экономических исследованиях часто просто исключены из плана исследований философов и экономистов. Эти вопросы, по выражению Ф.Ницше, проникнуты щекотливой, оскорбительной ясностью (*belegendige Klarheit*) того обстоятельства, что просто нет никаких мыслей по этому поводу.

По образному замечанию Рудольфа Штайнера, большинство людей вообще не имеет никаких мыслей на этот счет. Это положение столь же ясное и одновременно банальное можно отнести одновременно к многочисленным научным исследованиям в области экономики. Вместо мыслей люди могут довольствоваться словами. Наибольшая часть того, что в повседневной жизни называет мышлением, протекает в словах. Гораздо больше, чем это можно себе представить, думают словами. И многие люди, желающие получить объяснение того или иного обстоятельства, довольствуются тем, что им говорят какое-нибудь слово, которое является для них знакомым звуком, напоминающим им то, или иное звучание, которое ассоциируется в лучшем случае с неполным понятием, а в худшем с представлением. Они принимают за объяснение то ощущение, которое они испытывают при этом слове, полагая при этом, что у них есть мысль. [Привожу по: 17, с. 48–49]

Возможно, что высказанное Рудольфом Штайнером отражает некоторую крайность состояния научного исследования в области методологии, но тем не менее доля истинности в этом присутствует.

Для исследований в области экономики актуальность критического рассмотрения метода приобретает особую значимость. Часто выводы экономистов становятся теоретическим обоснованием в разработке жизненно важных для народа решений. Само исследование, результаты последних напрямую затрагивают интересы как сообщества в целом, так и отдельных индивидуумов и социальных групп. Корпоративные интересы способны исказить суть выводов, часто применять те принципы научного исследования, как, например, ранее господствующий принцип партийности науки, который оставлял мало оснований и надежду на то, что выводы можно считать истинными.

Даже предельно строгая наука как математика порой сама оказывается не в состоянии разрешить свои собственные корпоративные проблемы. Как подметил однажды Р.Декарт, если бы теорема Пифагора затрагивала материальные интересы, то она до сих пор не была бы доказана, несмотря на все то, что было оставлено Эвклидом. Это, конечно же, гротесковская форма выражения, однако момент истины в этом суждении все же есть. Поэтому уже давно не удивительно, что три рубля разделить на троих по справедливости практически можно, однако уже три триллиона разделить на три уже невозможно.

Следовательно, метод каждой науки должен выразить потребности той или иной науки. И как нам представляется, восстановление, реанимация принципа целостности в экономических научных исследованиях будет способно сформировать более адекватное отражение объективной экономической реальности.

Не следует полагать, что метод познания, основанный на принципе целостности, был неизвестен науке методологии. Метод целостности на уровне чувственного познания рассматривает путь, способ формирования элементов сознания, придавая последнему способность формировать феномены сознания в своей чувственной целостности. В логике метод целостности формирует необходимые определения мысли в понятиях, посредством суждений и умозаключений. Эти понятия Аристотель считал как категории, наделенные предикатами всего мыслимого. Кант же эти сформированные понятия считал основными формами всякого суждения.

Категории у Г. Гегеля в отличие от Аристотеля не располагаются в форме перечисления, а также не располагаются и в форме неких таблиц, как у Канта, т.е. в некоторой системе в виде группировки. И в этом отношении Г. Гегель был более последователен в своем отношении к принципу системности и принципу целостности познания. Г. Гегель справедливо отмечал, отдавая должное и

необходимое принципу системности, что без системы нет науки, но сама система становится производной от метода формирования самой системы.

Наука, исследующая экономическую природу того или иного экономического образования, посредством мышления формирует систему взаимосвязанных категорий. Каждая категория должна быть точно определена как по своему объему (денотату), так и по смыслу, содержанию, или концепту.

Все противоположные определения, которые отражают одну из существенных сторон экономического явления, исходя из принципа целостности, должны быть преодолены в процессе синтеза, т.е. объединены, или диалектически синтезированы. Таким образом, метод целостности должен содержать следующие необходимые моменты научного метода вообще, а именно: определение или, полагание, противопологающую и соединяющую стороны. Каждая из этих сторон научного метода есть необходимое, но недостаточное условие в формировании научного метода целостности. Необходимым и достаточным будет их целостность в едином процессе научного познания.

Первая ступень познания, определение, или полагание, по своей внутренней природе есть абстрактная, или рассудочная ступень познания. Вторую ступень Г. Гегель называет диалектическую, или отрицательно-разумную деятельность познания, третью ступень - спекулятивную, или умозрительную.

Следовательно, процесс познания экономических явлений должен направляться методом научного исследования на обнаружение и разрешение противоречий, которые имманентно включены в понятия. На уровне чувственного познания исследователь не в состоянии обнаруживать эти противоречия, так как сфера чувственного есть сфера внешнего, сфера противоречия же есть сфера внутренней экономической природы. И между ними не может быть отношений детерминации, взаимообусловленности, взаимозависимости. Познание противоречий самого понятия Г. Гегель назвал диалектикой, а его последователи ввели понятие диалектического метода, как метода раздвоение единого и познание противоречивых сторон его. Данное противоречие понятия, которое раскрывает экономическую сущность, обнаруживается в наличии многочисленных определений, каждое из которых претендует, или может претендовать, на истинность. Однако, это различные определения, каждое из которых у отдельных исследователей претендует на истинность, а, следовательно, и на самодостаточность. Теперь уже совсем нет необходимости обращаться другое иное. Именно, в этом случае, если познающий разум останавливается на этом этапе, экономическое познание

имеет все основания называться диалектическим познанием, а сам метод познания диалектическим. Совершенство диалектического метода в состоянии только довести эти различия, противоположности в познании до явно выраженного противоречия в определениях экономической сущности. Метод же целостности позволяет преодолеть это противоречие, т.е. разрешить. Различные определения объединяются в результате в процессе диалектического синтеза, не отбрасываются, не игнорируются, хотя и на этом уровне могут соподчиняться.

Изложенное нами ни в коей мере не отрицает возможности диалектики, понимаемой нами как негативной диалектики. Выраженное теорией целое содержится в диалектически анализируемом отдельном, а не возникает благодаря познающему субъекту. Само опосредование обоих есть содержательное, оно опосредовано целостностью, тотальностью (Totalitet). Как пишет Т.Адорно, путь философского познания подобен пути Гераклита, это путь вверх и вниз. Если философия сохраняет реальную обусловленность и детерминацию явлений при помощи понятий, она не может выдать их за в-себе-истинное, не прибегая к онтологии. Это истинное сливается с неистинным принципом принуждения, что еще больше уменьшает его критико-познавательное достоинство. Истинное не образует позитивный телос(Telos), в котором успокаивается познание [78, с.52—53].

Однако для исследователя возникает проблема при выяснении гносеологической природы объединения различных определений. Вполне возможно принятие в качестве истинных каждой различающейся сущности. Но, как мы полагаем, это не может претендовать на истинность познания экономической сущности. Проблема заключается в том, что должны быть объединены противоположности в самой сущности экономического явления. Следовательно, эти сущности становятся как бы дифференцированными сущностями. Каждая из этих экономических сущностей содержит в себе свою противоположность, и каждая противоположность есть форма бытия другой противоположности. Эти противоположности едины, в сущности, они совпадают(*coincidentia oppositorum*), однако это совпадение не следует понимать натуралистически, как это допускал Джордано Бруно. В объекте нет раздвоения единого. Есть просто целое конкретное, объективное, но одновременно и внутренне противоречивое. Выделение противоположностей допускает только рассудочное или разумное мышление. Только мышление обладает способностью рассматривать изолированно одну от другой эти диалектические противоположности.

Однако если наше мышление претендует на истинное отражение сознанием экономической природы, то диалектический метод становится уже

недостаточным. Это противоречие в познании экономической природы проявляется в том, что происходит постоянное отрицание мысли, которую только что на более раннем этапе познания приходилось полагать и утверждать. Каждое разрешение противоречия есть не только отрицание одной из противоположностей. Это есть не более как момент движения мысли к истине. Отрицание одной из противоположностей есть одновременно утверждение другой противоположности, а, следовательно, и всей системы связанных с этим процессов определений.

Раздвоение – это первый шаг в использовании диалектического метода. Следующий ведет к выявлению меры, ее границ, нарушение которых усиливает негативизацию противоположностей по отношению друг к другу. Так, централизм в экономике перерастает в тоталитаризм, диктатуру или волюнтаристический деспотизм. Это пример не столько диалектического, сколько догматического видения реальности и ее осмысления. Поиск границ меры, «золотых середин» органически соединяет диалектические принципы с целостным подходом, а это путь к большей социально-экономической гармонии как феномену соразмерности частей и противоположных моментов в границах единого социально-экономического пространства. В последнем видится нам сама сущность принципа целостности всего сущего, как объективного мира экономики, так и самого процесса познания этого объективного целого.

Ни одна из сторон, моментов противоречия не отрицается абсолютно, не исчезает в небытие, не уходит в ничто. Тонкость этого умозрительного, или спекулятивного, мышления заключается в том, что в процессе этого отрицания одной из противоположностей одновременно, в этом же самом процессе улавливается и противоположный по направленности процесс – а именно, сохранения этого отрицаемого. Происходит в итоге процесс, который Г. Гегель выразил понятием «снятия» (Aufheben).

Противоположности не поглощаются, они сохраняются в новом понятии, а, следовательно, несут в себе момент истины. Таким образом, то, что Гегель понимал под понятием «снятие», по нашему мнению, есть воплощение в процессе познания принципа целостности. Без понимания специфики реализации принципа целостности в механизме отрицания и одновременно синтезирования всего богатства содержания понятий, исследователь мог прийти к двум, как минимум, тенденциям.

Во-первых, если процесс отрицания одного из определений заключался в том, что при этом ни одна из противоположностей не отбрасывается, то истина могла усматриваться в одной из крайностей, в итоге исследователь получал крайне обедненную, лишенную жизни, абстрактную картину, мало что

имеющую с истинным образом. Исследователь даже не доходил до выявления противоречивой сущности понятия.

Во-вторых, если это единство интуитивно угадывалось исследователем, и им, следовательно, признавалось, что эти определения все же несут моменты истинности, то осуществлялся процесс объединения. Более того, исследователь претендовал на получение более полной картины. Однако целостного научного образа могло не сформироваться. Данное целое следует понимать скорее как механическое целое. Каждое из определений претендует на самодостаточность, а другие определения часто рассматриваются как нечто досадное в самой экономической природе объекта, как своего рода исключение. Однако следует помнить, что в целом нет исключаящихся моментов, в противном случае, это уже не целое, а модель, притом обедненная модель.

Утверждая последнее, мы полагаем, что речь не идет об исключаящихся моментах сущности, т.е. существенных атрибутах. Если речь идет об исключаящихся сторонах внешности, т.е. модусах, то последние и не должны приниматься во внимание. Им нет места в существенных определениях.

Следовательно, целое, выведенное подобным образом, не есть органическое целое. Оно есть некоторая совокупность равнодушных друг к другу определений. Они не преодолеваются, а присовокупляются в некоторое суммативное образование. Единство, целостность объективного мира не обнаруживается, хотя и может интуитивно восприниматься. Даже будучи сформировано на уровне сущностного видения (*Wesenschau*), оно не может претендовать на истинность. Диалектика в этом случае выродилась в эклектику, а принцип целостности в научном исследовании не реализовался.

Как было отмечено нами несколько ранее, принцип целостности предполагает то обстоятельство, что наше мышление находится уже в сфере умозрительного, или положительно-разумного, или спекулятивного мышления. Последнее понятие мы употребляем исключительно в смысле того содержания понятия «спекулятивное мышление», которое использовалось Г. Гегелем.

Повсеместно утверждается, в том числе видными исследователями творчества Г. Гегеля (см., например, 19, с.336), положение, что утверждение есть результат отрицания отрицания, или двойного отрицания. Более того, данное положение стало настолько азбучным, общепринятым, что мало кем оно принималось к критическому рассмотрению. Неадекватность восприятия мысли Г. Гегеля по поводу сущности двойного отрицания, как мы полагаем, сводится к тому, что утверждение становится возможным не потому, что это отрицание отрицания, а потому, что в каждом моменте отрицания старого содержания обнаруживается момент и сохранения его уже в новом содержании

понятия. Ибо, если соблюдать строгие принципы формально-логических доказательств, то отрицание всегда есть упразднение, в результате которого прежнее содержание понятия исчезает, превращается в «ничто». Но из «ничто» в результате второго отрицания уже не может появиться какое-то прежнее содержание. Следовательно, невозможен и процесс сохранения, удержания существенного. Поэтому, каждый момент отрицания прежнего содержания есть не столько отбрасывание крайности и переход в другую крайность, а включение в другую крайность прежней крайности.

Это не два процесса, которые протекают в некотором временном периоде, а единый, целостный процесс. Если данное, по нашему мнению, существенное дополнение не принимать во внимание, и рассматривать процесс, как бы протекающий с некоторыми временными интервалами, то это единство разрушается, возникает некоторая абстрактная схема, оторванная от реального процесса мышления. И чтобы связать концы с концами, уже без доказательства утверждается о двойном отрицании, в котором восстанавливается прежнее содержание. Поэтому, мы возьмем на себя некоторую смелость утверждать, что Куно Фишер не смог истинно отразить идею Г. Гегеля, утверждая, что мышление развивается с помощью двух отрицаний, путем двойного отрицания приходит утверждение, что и приводит к двойному отрицанию (Duplex negation affirmat). Поэтому вряд ли имелось у Куно Фишера основания для утверждения и приписанию Г.Гегелю идей, которые из его «Философии духа» не вытекают. «Метод абсолютной отрицательности есть не что иное, как метод обнаружения и разрешения противоречий, заключающихся в необходимых определениях мысли или в чистых понятиях. Противоречие есть первое отрицание, а разрешение его (отрицание) есть второе отрицание. ...Мысль переходит шаг за шагом от простых понятий к сложным, от непосредственных к опосредованным, от абстрактных к конкретным, или, говоря короче, от низкого к более высокому, от самого низкого к самому высокому. Это прогрессивное движение вперед придает процессу логического мышления характер постепенного ряда или развития» [19, с.336].

И уж совсем недопустимо отождествлять диалектический метод с методом развития. «Методическое обнаружение и разрешение противоречий «присущих понятиям (абсолютная отрицательность), или диалектический метод, или метод развития - эти слова обозначают одно и то же» [19, с.337].

Познание всегда есть развивающееся познание. Следовательно, любой метод познания есть метод развития знания. Каждая наука приоткрывает покров чувственного, проникает во внутреннюю природу объекта, обогащая постоянно наши знания. Но отождествлять эти методы недопустимо. Диалектический

метод есть не более как момент метода развития. Он преходящ, ему могут предшествовать иные методы познания, но он не в состоянии завершить процесс познания вообще. Поэтому, как нам представляется, метод целостности органически включает в себя метод диалектического познания, преодолевает его. В этой связи утверждать о методе той или иной науки с точки зрения его как метода развития, как нам представляется, означает, скорее, находится безнадежно в границах пустой тавтологии или «дурной бесконечности». Как пишет по этому поводу Г.Гегель, нечто становится иным, но иное само есть нечто, следовательно, оно опять, в свою очередь, становится иным и так далее до бесконечности. Здесь имеет место отрицание конечного определения, которое, однако, возникает опять.

Если не обнаруживается внутреннее единство и целостность единого, то этот прогресс постоянной смены противоположных определений не имеет конца. Противоречие в определении не разрешается, оно постоянно обнаруживает себя, следовательно, оно фиксировано. Поэтому не остается иного, как повторять его и допускать попеременную смену обоих определений, которые не могут быть совмещены.

Другое понимание «дурной бесконечности» в формировании понятия сводится к тому, что целое не сводится к бесконечной совокупности единичностей. Если бы мы приняли эту позицию, то уловить все бесчисленные модусы единичности в понятии было бы принципиально невозможно. Целое есть всеобщее, которое приобретает признаки субстанциональности. Следовательно, целое всегда есть выражение всеобщности в бесконечной совокупности единичности, если речь идет о классе, множестве, и эта всеобщность вырождается в единичность, если речь идет о единичном предмете. В первом случае целое отражается мышлением в классе общих понятий, во втором случае, это целое находит свои идеальные формы отражения в единичных понятиях. В целом заключена сущность, целое есть адекватное выражение закона. Одновременно оно есть и основание. Например, финансовая система той или иной страны органически включает в себя финансовые элементы системы предшествующих лет, сегодняшнюю финансовую систему, проект финансовой системы в будущем. Финансовая система страны как целостность не есть совокупность всех своих проявлений в различные годы своего существования, она есть нечто общее, выражающая и совпадающая с законом, т.е. существенное явление. Следовательно, целое не есть совокупность акциденций, целое скорее есть совпадающее в акциденциях, в явлениях, но не находящееся по иную сторону явления, а непосредственно присутствующее в явлении и составляющее ее существенное содержание.

Однако данное понимание целого практически полностью совпадает с понятием сущности или закона. Явления есть явления сущности, хотя в явлениях присутствует и несущественное, случайное. Явление развивается, так финансовая система приобретает недостающие ей элементы, упорядочиваются ее внутренние связи и т.д. Целое, тем не менее, обнаруживает себя тем, что оно есть основание, фундамент, из которого вытекают все эти изменения. То, что развивается на каждом этапе, на каждой ступени совпадает с самим собой, т.е. проявляет себя как единое, или целое.

Одновременно, это единое, или целое, в процессе становления своего развития есть и многое. Но многое не в смысле механической совокупности единичностей, а многое потому, что она присутствует в каждом элементе этого множества. Если мы мыслим целое исключительно как некоторую единичность и пытаемся выразить ее существенные определения, где ее внешность обустроивается индивидуальными признаками, то последние приобретают существенно значимые явления.

В данном случае эти акциденции становятся существенными признаками, или атрибутами. Однако это крайний случай, где родовые признаки выражаются в единичности. Тем не менее, единичность можно выразить через всеобщее. Слово есть уже всеобщее. Следовательно, всякое бытие должно быть понято как определенное бытие, которое приобретает свои формы выражения в мышлении человека.

Когда мы утверждаем, что в экономических исследованиях в качестве исходного следует полагать объективно противостоящий ученому мир, то этот мир есть целое, единое. Целое выражается не только в том, что оно охватывает все стороны экономического бытия, но и потому, что есть присутствие нечто то ю , что выр ажает его сущность, что осталось о т всего пр едшествующего бытия. Все новые появляющиеся формы экономического бытия есть преодоленные формы прошедшего бытия. Отмененное бытие есть прошедшее бытие, или осуществившееся бытие, или сущность(das Wesen). Однако у Г. Гегеля сущность как прошедшее бытие употребляется не во временном, а в логическом смысле. Бытие прошедшее или предшествовавшее данному играет роль основания, т.е. оно необходимо предшествует новому, другому.

Следовательно, целое есть не только выражение сущности. Последнее есть бедное и абстрактное бытие истины. В русском языке сущность от «суть», а последнее от слова «быть», находиться в чем-то. Первый и непосредственный способ понять целое заключается в том, что множество как некоторая совокупность признается содержащимся в единстве, целом. Целое и элемент этого целого уже не мыслятся в р азличных формах бытия. Элемент есть

элемент целого, а целое включает в себя эти элементы. Целое приобретает самостоятельность, части же суть моменты этого единства.

Противоречие целого и части, если оно не разрешается, приводит к ряду, не имеющему конца. При этом можно иметь следующие альтернативы. Так, части могут обладать относительной самостоятельностью относительно целого, более того, в своем генезисе они предвосхищают становление целого. Однако вполне возможно и другая ситуация, когда целое предшествует части, и части считаются происходящими из целого.

Данное соотношение есть форма соотношения диалектических противоположностей в неразрывном единстве целого. Однако, в динамическом соотношении целого и части состояние этих противоположностей неодинаково. Всегда одна из противоположностей занимает доминирующее положение в плане придания импульса развития системы. Другая сторона этого целого выражает устойчивость и консервативность системы. Но каждая из сторон этого диалектического противоречия отрицают и, одновременно, полагают другую противоположность в этом процессе.

Как нам представляется, радикальные экономические социальные, политические реформы выражают тот момент развития общества, когда происходит смена приоритетов в соотношении части и целого. Доминирующая роль отрицающей, или негативной стороны противоречия, переходит в свою диалектическую противоположность. Происходит не только разрыв дурной бесконечности разрешения противоречия целого-части, но и осуществляется радикальное изменение соотношения в самой сущности социально-экономического бытия российской действительности.

Так, все становление, укрепление, развитие социально-экономического образования, возникшего в результате Октябрьской социалистической революции, отражало и выражало потребности укрепления целого, т.е. государства, экономики. Это находило свое выражение в усилении централизации, бюрократизации всей социально-экономической жизни. Все звенья, т.е. части этого целого, служили, обеспечивали существование и развитие этого целого. Части существовали ради интересов целого, интерес же части, а в данном случае, интересы отдельных рядовых индивидов российского общества, интересы отдельных трудовых коллективов, территорий приносились в жертву всеобщим интересам этого целого, государства. Инициатива части не просто игнорировалась, но и подавлялась.

В данном состоянии целому принадлежала роль и функция стабилизации, консервации системы. Отрицающую же роль и функцию воспринимало на себя другая противоположность, а именно, отрицающая функция части. Вся

послереволюционная история России - это история подавления интересов части (индивидуумов), коллективов, территорий, но одновременно — это история противодействия, борьбы части против целого. Именно части было присуща та деятельная активность, которая в конечном счете, содала условия и возможность коренного пересмотра соотношения целого- части в пользу интересов части. Если в прежнем государственном образовании человек был сведен к «винтику великого государственного механизма» (И.Сталин), то в процессе радикальной экономической реформы, которая затронула все другие стороны жизни россиян, часть, т.е. конкретный индивид начинает приобретать признаки самодостаточности. Интересы индивида приобретают господствующее значение. Возникает институт частной собственности на средства своего собственного производства. Воля индивида, как выражение своей «самости» начинает воплощаться и реализовываться в формировании таких принципов в государстве на всех уровнях, для которых характерно подчинение интересам части, например, интересам рядового члена государства. Институты государства как и само государство в целом начинают служить частным интересам личности. Государство утрачивает свою самодостаточность, его граждане уже не вассалы этого Левиафана, само государство становится той формой, посредством которой частные интересы личности находят в государстве адекватные формы своей реализации.

Эта перестройка всей социально-экономической жизни затронула наиболее глубокие основы сфер экономики, политики, нравственности отношения к религии, семье, воспитанию.

Возьмем на себя смелость утверждать, что Великая Октябрьская революция провозгласила, но не решила те задачи, которые были связаны с раскрепощением личности. Рядовой гражданин не приобрел свободы в своем собственном воспроизводстве, частная собственность была отменена и инициатива частного производителя всегда рассматривалась не просто нечто чуждое, но и как враждебное социально-экономическому строю большевиков. Противоречие целого (государства) и части, например, рядового гражданина получило свое разрешение, однако это скорее было не радикальное разрешение, а разрешение в последовательном ряду бесконечности движения развития социально-экономического устройства. Консервативная сторона этого диалектического противоречия (централизованная экономика, отрицающая рынок и производитель) не утратила своей позиции, более того произошло дальнейшее обострение противоречия целого и части. Эта оболочка взорвалась в России на рубеже 80-90 годов прошлого столетия, и процесс этого великого

переустройства социально-экономического бытия в России продолжается по настоящее время.

Отрицающей деятельной стороне диалектического противоречия «целое – часть», часть, которая проявляется на поверхности социально-экономической жизни в активности индивида, в сохранении и приумножении своих собственных условий воспроизводства, коллектива, противостоящему всему сообществу, в процессе реформ стало принадлежать первенство. Это положение, как свидетельствует современное состояние в процессе перераспределения собственности, получает свои формы и политического переустройства.

Одновременно она (часть) не утрачивает, а укрепляет роль отрицающей активной стороны в соотношении индивид—общество. Интересы части (индивида) закрепляются по мере продвижения экономических реформ, а интересы общества в целом приобретают подчиненное значение, или функцию, обеспечивающую наиболее полную реализацию интересов части, т.е. индивида. Следовательно, целое, проявляясь как общегосударственные интересы, начинает усваивать последствия отрицающей роли части, все в большей степени усваивая практику формирования предпосылок для развития части, т.е. индивидов, предприятий, территорий. Тем самым становится как само собой разумеющееся, как вытекающее с необходимостью из общего хода развития социально-экономической ситуации в России, что молодые реформаторы, ратующие и отстаивающие курс экономических реформ, вдруг сами того не осознавая, начинают утверждать нечто противное их первоначальным устремлениям. Они начинают ратовать за такие направления социально-экономических образований, в которых в большей степени ощущается возрастающая роль государства в экономике. Им стало почему-то не хватать государственного вмешательства в регулировании финансово-кредитной сферы, в банковском регулировании и т.д.

Только на первый непосвященный взгляд может показаться нелогичным данное положение. В государстве как целом многие экономисты, политики, социологи усматривали корень многих российских бед, призывая и устраняя государственные институты власти. Сегодня наиболее проницательные усматривают корни проблем в неразвитости государственных институтов. Государство также обнаруживает свою отрицающую активную роль тем образом, что повсеместно в экономике ощущается несовершенство его институтов.

Таким образом, принцип целостности в исследованиях экономистов становится необходим уже потому, что следование ему позволит не только

ответить на поставленные исследователем вопросы об экономической природе того или иного экономического явления, но и позволит отвести надлежащее место этому явлению в общей социально-экономической ситуации, найти и выявить общие тенденции развития системы, как в целом, так и отдельных ее частей.

В зависимости от того, какой диалектической противоположности отводится отрицающая активная роль, это целое — государство, например, может быть как органическим целым, так и механическим целым.

Воспринимая от Г.Гегеля самое ценное, мы не можем вместе с тем, согласиться с его оценками, выраженными в аксиологических суждениях. Целое в форме государства как органическое целое он рассматривает как нечто высшее и большее, как расчленяющее себя целое. Такую же позицию относительно идеи государства отражают в своих исследованиях Платон и Аристотель. У Г.Гегеля и его научных предшественников в лице названных авторитетов античности государство есть отечество, и лица его составляющие рождаются в нем и из него. Государство есть целое, которое предшествует частям. В этом же отношении можно провести параллели между целым — родом и членом рода, государством и семьей (родом) и т.д. Если целое-государство есть политический институт, который служит интересам его индивидов (частей целого), то индивиды предшествуют этому государству (целому), они создают его в такой форме, для выполнения таких задач, которые сообразны не столько интересам целого, сколько интересам части, т.е. его граждан.

Следовательно, совсем бездоказательно, применительно к нашему времени утверждение Г.Гегеля о неразвитости механического целого. При этом речь, конечно, идет о соотношении данной идеи с современной социально-экономической действительностью современной России. Более того, мы высказываем диаметрально противоположную Г.Гегелю идею, что применительно к государству как целому оно охватывает понятие «жизни». Здесь априорно введенная Г.Гегелем схема не может адекватно отразить всю полноту жизни современности. Великий диалектик проявил в этом проблеме себя как консерватор, развитие у которого завершается высшим достижением целого (государства) в форме Прусской монархии.

Дальнейшим развитием принципа целостности в научных экономических исследованиях становится идея о том, что, утверждая складывающиеся отношения между частью и целым, их взаимный переход от части к целому и наоборот, следует помнить, что и часть, и целое как две стороны взаимно обуславливают и предполагают друг друга. Следовательно, как часть по

отношению к целому одновременно относительно самостоятельна и зависима. Также верно и обратное утверждение — целое обуславливает и одновременно обусловлено частью, т.е. зависимо. «Таким образом, это отношение включает в себе самостоятельность сторон и в такой же мере их отмененность, и притом и то и другое абсолютно в одном отношении. Целое есть самостоятельное, а части суть лишь моменты это единства; однако в такой же мере и они обладают самостоятельностью, а их рефлексивное единство есть лишь момент. При этом каждая сторона в своей самостоятельности абсолютно соотносительна с другой. Таким образом, это соотношение включает в себе непосредственное противоречие в себе самом и отменяется» [13, с. 59].

5. ВОЛЯ В СТРУКТУРЕ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ СМЫСЛА ЯВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Познание социально-экономических феноменов в любом случае преследует цель раскрыть содержание и объем понятий, являющихся ступеньками, моментами мышления в процессе последовательного приближения некоего формирующегося абстрактного образа предмета, вещи, явления к целостному теоретическому образу. Начиная от некоторого состояния набора абстрактных, оторванных друг от друга предпосылок, категорий механической совокупности, теоретический образ начинает приобретать признаки целостности. Этот процесс можно было бы охарактеризовать как логику саморазвития идеи, теоретического образа. По мере становления теоретического образа как целостности, последний приобретает признаки обнаружения сущности, способности понятия воспроизводства в качестве единства своих противоположных элементов, противоположных определений.

Будучи взятыми отдельно одно от другого эти противоположные определения будут страдать существенным недостатком, а именно, абстрактностью.

Сама же вещь, процесс, социально – экономический феномен внутренне самопротиворечив. Точно также и отражающий это явление субъект познания вынужден схватывать то одну, то другую сторону этого противоречивого социально – экономического бытия. Последнее также стремится к некоторому целому, законченному постоянно достраивая недостающие и реформируя уже имеющиеся элементы этого противоречивого социально – экономического бытия. Другими словами и самого бытие, окружение человека находится в движении, в становлении социально-экономического бытия как целостного бытия. Причиной здесь, безусловно, является само бытие человека, которому внутренне присуще самоотрицание самого себя, как причина самого себя, т. е. Спинозовская *causa sui*.

Следовательно, это достраивающаяся целостность социально – экономического бытия есть не только некоторая самопротиворечивая данность в единстве с человеком как самого себя воспроизводящего в границах формирующейся целостности, но и человеком, познающим эту целостность. Другими словами, социально-экономическое бытие предстает уже не просто как данность формирующейся целостности, но и как процесс формирования этой целостности социально–экономической жизни. Противоречие бытия начинается

представляться уже как противоречивый процесс, или как процессуальное противоречие [78].

Человек в процессе собственного воспроизводства относится к другому и как к цели, и как к средству. Это бытие уже изначально становится противоречивым. Человек является носителем глобальных, государственных, межгосударственных, корпоративных, семейных, общинных, наконец, своих эгоистических интересов. (Эгоизм здесь мы понимаем как состояние, направленное на самого себя. Эго, от лат. «ego» - я). Поведение, определяющееся интересами собственного бытия, бытия человека как индивида. Мы не склонны предавать эгоизму исключительно негативный характер, как поведение, целиком определяемое мыслью о собственных интересах, собственной пользе, выгоде, собственном предпочтении своих интересов в противопоставлении с интересами других. Следовательно, если это не медицинская патология, то эгоизм, как нацеленный на свои собственные интересы, имеет место быть как естественное состояние. Если уж говорить об аномалиях человеческого состояния, то это скорее можно отнести к альтруизму.

Противоречивость отношения любого человека к другому есть часть самовоспроизводственного процесса а, в сущности, к самому себе, является основным законом человеческого бытия, основным законом социально-экономической жизни. Отношение любого члена сообщества к другому противоречно, на поверхности это отношение противоречивости представлено как эгоистическое отношение. По отношению к целому оно есть негативное, отрицающая сторона противоречия целого и части, и именно этой отрицающей стороне принадлежит доминирующая роль в развитии самого противоречия, в становлении целостности социально-экономического бытия.

Это внутреннее противоречие «эго» и целого, одновременно есть их тождество. На поверхности это противоречие проявляется во внешних формах своего существования, в противоположность интересам личности и коллектива, личности и общества в целом, личности и другой личности, коллектива и общества.

Каждый из этих социально-экономических субъектов присвоения условий своего собственного бытия в процессе диалектического отрицания другой противоположности тем самым одновременно утверждает свое собственное бытие. Более того, каждая из сторон кровно заинтересована в своей противоположности. Человек, полагая себя как цель, а другого как средство, наталкивается на противоположающее к себе отношение, но уже со стороны иного. Ибо последний также видит в себе цель, а другого средством.

Разрешение этого противоречивого социально-экономического бытия выливается, обнаруживается в синтезе обоих противоположных состояний человека с другим, человека с коллективом, коллективом и обществом в целом. Этот синтез есть форма диалектического единства человека как средства и как цели. Оно является основанием и для других форм синтеза производных от первого, например, человека и коллектива, человека и общества в целом, коллектива и общества. Тем самым, теоретически преодолевается бытующее ныне крайне одностороннее понимание этой проблемы, а следовательно, принципиально неверные, теоретически не обоснованные приоритеты в разведении ценностей этого противоречивого социально-экономического бытия.

Представляется, что после известного периода новейшей советской истории, когда человек рассматривается как средство, (хотя прокламировалось диаметрально противоположное), словами И.В.Сталина, как «винтик великого государственного механизма», в сознании маятник качнулся в крайне противоположное состояние. Признали высшей ценностью человека, однако, ценность коллектива, региона, государства была проигнорирована. Другой формой этого «крутого поворота» в осознании ценностей социально-экономического бытия, было признание как доминирующей ценности – ценности нынешнего, живущего, правящего, управляющего и пользующегося благами бытия поколения. Но если вступающее в жизнь поколение принимало как «дар Божий» все что осталось ему в наследство, всеми предшествующими поколениями, т. е. все позитивное мировой цивилизации, то перераспределение в пользу себя за счет будущего поколения уже никак нельзя признать ни справедливым, ни гуманным. За 10–15 лет последней российской действительности за каждым членом общества образовался внешний и внутренний долг. В эти последние годы невозможно привести ни одного примера, который бы свидетельствовал о вкладе фактора заимствований в созданные общие блага. Долг только внешний, составивший по некоторым данным около 150 млрд. долларов, по состоянию на 2004 год будут отдавать последующие поколения. Итак, долг есть, общих благ нет. Что в «твердом остатке?», как поговаривают химики. Перераспределение собственности, ресурсов, денежных средств.

Что могло стать причиной, создать предпосылки подобного социально-экономического российского явления? Нам представляется, что в обществе постепенно накапливается отрицательный, разрушительный потенциал к интересам целого. В данном случае под интересами целого мы понимаем интересы государства «Россия». Личные интересы возобладали над

корпоративными, когда бывшие директора, руководители растаскивали уже не как прежние «несуны» коллективную собственность. Корпоративные интересы превалировали над всеобще-общественными (Algemeingessellschaftliche - нем.), по К.Марксу, интересами. Интересы территорий, республик получили доминирующее звучание над государственными.

Государственные интересы остались неудовлетворенными, приносимыми в жертву «ЭГО» – тенденциям. Противоречие части и целого разрешилось в пользу части, однако, не за счет развития через свою противоположность, т. е. за счет укрепления интересов корпоративных, укрепления интересов государства, а в форме их примитивного поглощения.

Теоретически этот процесс был подготовлен. Нашлись соответствующее собрание политиков, заказчики были готовы, скопище наемных писак, в т.ч. теоретиков, а «конюшенный корм профессуры самый подходящий для отрыгивающих жвачку» (А. Шопенгауэр).

Но так как число сторонников ни с одной, ни с другой стороны не поубавилось, отточенность теоретических суждений не притупилась, и каждая из сторон находит свою паству, то во весь рост встает вопрос о природе смысла происшедшего.

Каждая сторона теоретически безукоризненно формулирует свои положения. Все правы, но почему такая несправедливость?

Первое, что может приобрести теоретическую ценность – это критический анализ самих суждений, хотя бы с позиций формально-логических законов правильного, т.е. логического мышления. Однако это т путь вряд ли приведет к успеху. Нельзя от формальной логики требовать невозможного. Эта сфера знаний о законах и формах правильного мышления используется всеми противоположными сторонами как органом. Тогда проблема встает с «оскорбительной ясностью» (Ф. Ницше). Одно и тоже социально-экономическое явление приобретает либо различное содержание мысли, т.е. различный концепт, либо проблема в чем-то ином. Одному и тому же содержанию мысли придают различный смысл.

Из общеизвестного курса формальной логики следует, что любое важное в той или иной степени явление, вещь, процесс отражается в познающем сознании в форме мысли, понятия, суждения, умозаключения. Понятие характеризуется именем, как термином, объемом, как детонатом, и концептом, как смыслом. Здесь концепт напрямую связан со смыслом. Концепт (от лат. *conceptus* есть понятие, мысль, содержание) в современной логике отражает содержание понятия, т.е. с концептом, по крайней мере, опосредовано. Смысл есть внутреннее логическое содержание, значение чего-либо, постигаемое

разумом. Во-вторых, смысл соотносится с неким разумным основанием, назначением, целью. Наконец, смысл соотносится с разумностью, разумом. Таким образом смысл есть содержание, идея, конечная цель (ценность) чего-либо.

Термин «смысл» может отражать целостное содержание какого-либо высказывания, не сводимого к значениям составляющих его элементов и частей, но само определяющее эти значения. Категория смысл получила особую разработку в ряде направлений идеалистической философии конца XIX — начала XX веков, прежде всего в идущем от Дельтея учении о понимании как специфическом методе наук о духе, в основе которого лежит интуитивное постижение и целостное истолкование смысловых связей различных форм человеческой культуры. В языкознании смысл приобретает тождественность, становясь, синонимом значения (например, смысловая структура слова), как обобщения его внутри языковых характеристик, семантическую характеристику целого высказывания или текста. В модели «смысл – текст» смысл – понятие, описывающее глобальное содержание высказывания [77, Т.23, с.1871].

Соотнесение этих понятий, с позиции теории семантики, позволяет сделать некоторые выводы. Сухое отражение реальности, по мнению философов, способно формировать понятие, развивая последнее из восприятия через представление.

В концепте, по мнению некоторых философов, отражается как бы надсубъектное формирование содержания понятия. Существует некий объективный мыслящий разум, что-то наподобие коллективного желудка у полипов.

Итог подобных выводов — это следствие объективного идеализма, с его объективной идеей, могущей существовать, бытийствовать вне субъективного познания. Другими словами, это есть пристанище в некоем «безмозглом мире», как бы потусторонне.

Здесь несложно уловить наследие течения объективного идеализма. Субъективное восприятие если не изменилось, то, по крайней мере, игнорировалось.

В содержании понятия «смысла» уже имплицитно присутствует момент, что само чистое мышление наполняется, ведется, направляется чем-то иным, третьим. В прежнее содержание понятия привносится нечто субъективное. Здесь появляется цель, назначение, наконец, интерес самого субъекта познания. Но то да один и тот же предмет может иметь один и тот же концепт, но различный смысл.

Представители старой традиционной школы познания, воспитанные и воспринявшие немецкую классическую философию, а до нее всех ее предшественников, стоявших у истоков, начиная с Платона, Аристотеля, фактически отождествляли понятие «смысл» с понятием «концепт». Этой же традиции придерживались многие представители российской как дореволюционной философской школы, так и представители самого последнего времени. Исключение составляет величайший представитель немецкой философии А. Шопенгауэр.

Спрашивать о смысле, задает вопрос Е. Трубецкой, и сам на него отвечает, это, значит, задаваться вопросом о безусловном значении чего-либо, т.е. о таком мысленном значении, которое не зависит от чего-либо субъективного усмотрения, от произвола какой-либо индивидуальной мысли (подчеркнуто нами – В.О.). Вопрос здесь ставится резко и бескомпромиссно, также звучит и ответ на него. Здесь, т.е. в значении понятия «смысл» речь идет не о том, что значит данное слово применительно для меня, а о том, что оно значит для всех. Смысл есть логически необходимое предположение и искомое всякой мысли. Основное задание логической мысли – избежать субъективного переживания, утвердиться в чём-то безусловно и всеобщем. Мысль же только субъективная, которая не достигает цели этого стремления. Она не способна стать общезначимой, отбрасывается всяким логически мыслящим как бессмысленная. Другими словами, смысл есть общезначимое мысленное содержание, как общезначимая мысль, которая составляет обязательное для всякой мысли искомое. Следовательно, осмыслить, «со – знать» — отнести сознаваемое к какому-нибудь объективному общезначимому смыслу [58, с.5].

Мысль о том, что адекватное отражение действительности может претендовать на истину, и этот образ не сводится исключительно к абстрактной всеобщности. Это отражение включает в себя нечто иное, что другие не видят, не могут или не хотят видеть своим разумом. В этом отношении весьма примечательно суждение отца П. А. Флоренского. «Я не знаю – есть ли Истина, или нет её. Но я всем нутром ощущаю, что не могу без неё. И я знаю, что она есть, то она – всё для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье».

Позиция окончательно проясняется в следующем суждении. «Там на небе - единая Истина, а у нас множество осколков Истины, неконгруэнтных друг с другом» [Цит. по 58, с. 164-165, 172].

Как первое, так и второе направление не ново в философии. Первое исходит к Платону, второе получает свое выражение у И. Канта. Суть последнего можно выразить тем, что интеллигенция познаёт вещь по-кантовски, т. е. как чисто субъективное, антропологически обусловленные

формы человеческого мысли. Следовало бы лишь дообвить, что в этом отношении ничто не ново под луной. Однако остаётся не выясненным одно существенное обстоятельство. Что, в конечном счете, предопределяет эту чисто человеческую субъективность в формировании теоретических образов социально-экономической действительности? Почему нет того всеединства в смысле, в противоположность тому, о чем писал Е. Н. Трубецкой? Почему люди видят одну и ту же социально-экономическую реальность, а её теоретический образ у каждого индивида свой?

Данные поставленные теоретические проблемы в гносеологии наводят на мысль, что всё представляется с точностью до наоборот по-Трубецкому. В смысле, в содержании смысла есть не только та часть, которая раскрывает содержание понятия независимо от места в процессе воспроизводства самого индивида, но есть нечто иное, которое дано самим бытием индивида, его самостью, его субъективностью. Признавая роль разума в формировании понятии, мы, тем не менее, не можем согласиться с тем, что эта сфера есть сфера исключительно разума, и тем более рассудочного мышления. Есть нечто такое, что лежит за разумом, а следовательно, за сферой его возможного влияния и воздействия. Можно предположить, что он сам есть нечто иное, как органон более скрытого, более сущностного и неподдающегося рациональному объяснению со стороны другого. Как невозможно собственными глазами увидеть само себя, так и разум не может осознать эту сферу, у которой есть запредельная для него самого. Эта сущностная, запредельная для разума сфера есть воля.

И. Кант разводил понятия вещь – в - себе и вещь – для – нас, однако эта сфера лежала в сфере разума, вне зависимости от того, познаваема ли вещь – в – себе, либо не познаваема.

Эта проблема для нас переходит в иную плоскость, которую впервые выразил А. Шопенгауэр в работе «Мир как воля и как представление». Бытие человека это и есть его собственный опыт. Здесь он дан в своей самости, в своей нише разделения труда. Опыт есть сам человек с его вожделениями, желанием, потребностями. Они осознаются лишь от части, но это не мешает осуществляться человеческой жизни. Разум не осознает наше непосредственное бытие. Он не вмешивается в процесс переваривания пищи, работу органов секреции, дыхания. Однако это нисколько не умаляет способностей человека. Следовательно, разум ограничен сферой опыта по определению «...Основательная критика убеждает нас, что никакой разум никогда не может в своем спекулятивном применении выйти ...за сферу возможного опыта, и что истинное назначение этой высшей познавательной способности состоит в

пользовании всеми методами и их основоположениями только для того, чтобы проникнуть в самую глубь природы сообразно всем возможным принципам единства, из которых главное составляет единство целей, но никогда не переходить границы природы, за которыми для нас нет ничего, кроме пустоты» [59, с. 373].

Сейчас можно констатировать, что многие люди знают «как», но не знают «почему», «зачем». Можно знать очень многое, совершенно не понимая основы, источника, принципов, подходов, критическую оценку самих методов познания. Знание определяется в том числе самим бытием человека, его интересами и вожделениями. Знание, которое отрывается от бытия, становится абстрактным, следовательно, индивид не в состоянии уловить смысл. Здесь знание есть знание части, последнее не способно сформировать образ целого. Часто начинают забывать азбучную истину, что уровень знания определяется уровнем бытия. В границах данного бытия улучшение качества знания невозможно. В лучшем случае накопление информации одной и той же природы в пределах уже известного старого качества увеличивает репрезентативность, однако прибавления в содержании смысла социально-экономического бытия места не имеет.

Если предположить, что новое знание как бы получает перевес над бытием, далеко ушло вперед, то это означает только одно. Человек знает, но ничего не может сделать практически, следовательно, человек не сможет понять, зачем необходимо то, что он знает, и которое он не может уже реально присвоить.

Рассуждая по этому поводу Губан В. И Некрасова Е. делают радикальный вывод. «Знание не дает понимание, и понимание не увеличивается благодаря росту знания. Понимание зависит от отношения знания к бытию, это равнодействующая знания и бытия» [73, с.211]

Все это дает основания поставить не менее радикально следующий вопрос. Всегда ли один разум в гордом одиночестве противостоял, в т. ч. самому себе, решая проблемы познания. Можно ли утверждать, что разум сам ведом чем-то третьим, что есть еще одна субстанция, которая содержит меру самого разума?

Обычно в отрицательном ответе на этот вопрос делают ссылку на И. Канта, для которого разум, рассудок заполняли все поле познавательной деятельности субъекта. Однако непредвзятое прочтение отдельных положений «Критики чистого разума» свидетельствует, что наряду с разумом присутствовала некая субстанция, которая выполняла оценочную функцию самого разума. Разум не может, либо может найти удовлетворение в своем

спекулятивном применении. Разум, например, в сфере опыта никогда не может найти ложного удовлетворения, следовательно, нечто его выталкивает из сферы опыта в сферу спекулятивного применения. Сферы же спекулятивных идей опять не могут удовлетворять разум и он опять возвращается назад в сферу эмпирии. Что выталкивает разум из одной сферы в другую а затем опять возвращает его назад?

Представляется, что не здесь явно вся проблема не сводима только к разуму вообще. Далее, И. Кант уже одно важно начинает утверждать об интересах своего разума, причем эти интересы лежат как в сфере практики, так и в сфере спекулятивного применения. «Все интересы моего разума (и спекулятивные, и практические) объединяют в следующих трех вопросах:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я могу надеяться? [59, с.419].

Уже ответ на третий вопрос И. Кант связывает с надеждой, утверждая, что каждая надежда имеет в виду блаженство, и в отношении практического, и в отношении нравственного закона составляет тоже самое, что знание и закон природы в отношении теоретического познания вещей. Блаженство же И.Кант соотносит с удовлетворением всех наших склонностей (и extensive - по их многообразию, и intensive - по их степени, и protensive по продолжительности). Сам практический закон основывается на мотиве (подчеркнуто нами — В.О.) блаженства. Этот практический закон И. Кант назвал прагматическим законом.

Закон же, имеющий своим мотивом только достоинство счастья, есть моральный закон, или нравственный. Прагматический закон советует, что нужно делать, если мы хотим быть причастными к блаженству, а нравственный закон повелевает, как мы должны вести себя, чтобы быть достойным блаженства.

«Я допускаю, что действительно существуют чистые нравственные законы, которые совершенно a priori (не принимая во внимание эмпирические мотивы (т.е. блаженство) определяют наше поведение, т. е. применение свободы разумного существа вообще, и что эти законы повелевают, безусловно (а не только гипотетически, т.е. при допущении других эмпирических целей) и, следовательно, обладают необходимостью во всех отношениях... Чистый разум содержит в себе, правда, не в своем спекулятивном, а в некотором практическом, именно в моральном, применении принципы возможного опыта, а именно таких поступков, которые могли встречаться в истории человека сообразно нравственным предписаниям» [59, с.420-421].

Думается, что следующая фраза И. Канта не вписывается во все то, что было приведено чуть ранее. Мы это не воспринимаем как оплошность, как lapsus solami. Если чистый разум стоит на некоторых принципах, то не он, т. е. разум, может повелевать этими принципами. Скорее дело стоит с точностью до наоборот. Не «чистый разум повелевает», а чистым разумом повелевают, и эта субстанция, повелевающая чистым разумом, есть воля. Моральные принципы разума могут, правда, порождать свободные поступки. [59, с.421].

Только предвзятый ум, изначально не принимающий изложенное И. Кантом, может отрицать очевидное. Разум не один в поле познания. Есть ещё повелевающая им субстанция, преследующая цели достижения блаженства. Если же наши оппоненты будут утверждать, что это противоречит самому духу книги «критики самого разума», то мы можем отметить следующее. Ни одно великое творение гения не свободно от противоречий. Во-вторых, наличие противоречия скорее говорит о глубине гения исследования, в-третьих, каждый видит в произведении гения то, что желает видеть. Последнее только подтверждает наши выводы для относительно непредубежденного читателя.

6. ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ СМЫСЛА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Если таким категориям теории познания как «явление», «сущность», «действительность», «сознание», «знание», «закон» и т.д. уделено значительное место, то пониманию, как категории, не уделялось должного внимания. Видимо полагалось а priori, что понимание есть само собой разумеющееся, логичное и не вызывающее особых возражений у специалистов общеизвестное понятие. Обычное сознание «схватывало» мысленно понимание как процесс субъективного, индивидуального восприятия личности знания, механизмов, навыков. Проблема понимания сводилась, таким образом, к способности воспринимать знание. В итоге понятие «понимание» оказалось в научной и специальной литературе крайне размытым, его определение постоянно вращается в порочном тавтологическом круге, понимание подводилось под понятие «знание», знание же само определялось через процесс понимания, а последнее объяснялось через объяснение смысла, растолковывание и т.д.

Современный толковый словарь русского языка понимание объясняет, как способность осмыслить, постичь смысл, значение, сущность, содержание чего-либо. Во-вторых, понимание трактуется как та или иная точка зрения на что-либо или иное толкование, объяснение чего-либо, например, правильное и неправильное понимание значения слова, материалистическое понимание истории.

Суть это понятие значения можно было бы свести к тому, что понимание есть процесс проникновения в чьи-то мысли, состояния, чувства. Например, рассчитывать на чье-то понимание, т.е. на понимание со стороны третьего лица, понимать друг друга, или с пониманием относиться к кому-либо, к чему-либо, относиться с сочувствием и вниманием, с пониманием войти в чье-то положение [60, с.918–919].

Вопрос о природе понимания остается чрезвычайно сложным и запутанным. Более того, этот вопрос до самого последнего времени серьезно не обсуждался в научной общественности. «До сих пор остается невыясненным, имеем ли здесь дело с собственно философской или же преимущественно с психологической и педагогической проблемой, относится ли она к любой сфере человеческой деятельности или только к социально-гуманитарному знанию, либо исключительно к индивидуальному бытию, являются ли существенно различными как в принципе совпадающими проблемы понимания человека и понимания текста, как соотносятся между собой знание и понимание, понимание и объяснение и т. д.» [61].

Серьезную попытку предприняли авторы С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский – дать по возможности систематический анализ комплексной и междисциплинарной проблемы понимания в последний период. При этом авторы не пошли по наиболее легкому и привлекательному пути обзора различных точек зрения на растолковывание понятия «понимание» в обыденном познании, в научном познании, на проявлении понимания в осмыслении языкового текста, или взаимопонимание в процессе общения.

В работе был избран более сложный путь – выявить механизмы и основания понимания, которые определяют его «прорастание» в различных сферах познания и общения, вскрыть скрытый механизм понимания, дать анализ его основных процедур, динамики и тенденций его развития [62].

Мы в данной работе ставим перед собой более скромную задачу. Во-первых, раскрыть природу смысла и попытаться обнаружить в его структуре признаки воли. Во-вторых, развести понятия «смысла» и «знания» по признаку содержания и проявления воли в первом и отсутствие ее признаков во втором. В-третьих, для нас представляет исключительный интерес раскрытия роли и места смысла в механизме формирования целостного знания. В-четвертых, понять, что противоречивость, порой непримиримость различных точек зрения на проблемы социально-экономического обустройства современной «послеперестроечной» России только внешним образом отражают внутреннюю самопротиворечивость социально-экономического бытия россиян, их различное положение в системе присвоения- отчуждения в обществе.

Снятие напряженности подобного противостояния видится в том числе в выработке механизмов получения нового знания, выявления «скрытых смыслов» как партий, открыто манифестирующих свои позиции, так и тех социальных групп, которые даже не в состоянии понять смысл происходящего и становящихся в этом строе просто электоратом, а что еще хуже - объектом манипуляций в достижении другими, как правило, власть предержащими своих «скрывааемых смыслов», скрывааемых интересов.

Разводя понятие «знание» и «смысл», можно отметить следующее . Если соотнести объемы этих понятий, то можно заметить следующее. Понятие «смысл» более объемно. Более того, смысл может приобретать и признаки незнания. Другими словами, «знание» может не знать смысл, т.е. быть незнанием смысла. Смысл, как явный, так и скрытый, всегда предполагает некоторое знание. Формирование содержания смысла прошло через процесс понимания. Понимание и процесс становления знания понятия не тождественные. Знание может базироваться на некоторых предпосылках, которые принимаются как само собой разумеющееся, на веру, без критического

осмысления всех причинных, функциональных, структурных связей. Так мы можем не сомневаться в том, что в канун очередных парламентских выборов в России на головы избирателей обрушатся всевозможные программы. Основное их содержание – проявление заботы о нуждах и чаяниях простого рядового гражданина-россиянина. Однако мы не понимаем, почему, будучи уже избранными в Федеральное собрание России этим избранныкам становится ни до избирателей, ни до их собственных программ. Взаимоотношение между людьми, между людьми и окружающим их миром порождает сложные связи и отношения между процессами понимания и познания. Каждое из этих понятий, как понимание, так и познание отражают процесс формирования содержания этих понятий. Если познание есть процесс формирования осознанного бытия предмета, вещи, т. е. сознания, или *Bewusstsein* (нем.), то последнее и есть, как замечали классики, не что иное, как осознанное бытие, или *das bewusste Sein*. Понимание же для нас – это, в первую очередь, осознание уже смысла, т. е. осмысление. Здесь знание выступает не как индифферентное к познающему субъекту, как равнодушное и инертное. Понимание привносит в этот процесс заинтересованное, оценочное отношение осмысляющего социально-экономическое явление индивида.

В теории познания представлены и иные точки зрения на процесс осмысления, в нашем случае понимания. Так, речь может идти о так называемой аналитической традиции, которая развивается наиболее плодотворно в границах англоязычной философии языка. Здесь ударение преимущественно переносится на логический и семантический анализ естественного языка, а также иных искусственных формализованных языков.

Второе направление развивается в границах герменевтики. Здесь ударение переносится на процедуры толкования текстов и явлений культуры, на раскрытие общекультурных контекстов осмысления человеком реальности, а также специфические аспекты познания человека другим человеком, одной социальной группы другой, людей одной культуры представителей других культур.

Проблема смысла являлась одной из ключевых проблем герменевтики как науки. Герменевтика (от греч. *hermeneutikos*— разъясняющий, истолковывающий) понимается как теория и искусство толкования текстов, первоначальный смысл которых неясен вследствие их древности или неполной сохранности. Задачи, которые ставит перед собой в настоящее время и решает наука герменевтика, ставились и ранее. Достаточно упомянуть работу Аристотеля «Об истолковании». В античности наряду с термином «герменевтика» использовался термин «экзегеза» (от греческого *exegesis*—

толкование), который относился к толкованию, объяснению неясных спорных мест в древних текстах, обычно в религиозных.

В латинском языке за подобным явлением закрепился термин «интерпретация» (от лат. *interpretatio* – разъяснение), раскрывающийся в толковании, объяснении, разъяснении смысла, значение чего-либо. Интерпретация также означала творческое раскрытие образа или музыкального произведения исполнителем.

В раскрытии природы, т. е. осмыслении, существенную роль сыграли представители немецкого романтизма. Последние видели свою главную задачу в анализе художественного творчества, в раскрытии понимания автором своего произведения, мира его переживания, чувств. Другими словами, главная задача сводилась в понимании исходя из собственных умонастроений мира чувств, переживаний автора.

Более того, понять автора лучше, чем он понимал свое произведение сам. Ибо гений творит бессознательно. Так, из писем Новалиса становится ясно, что «мы с миром составляем интегральные половины, и поэтому мы поймем мир, когда поймем самого себя» [Цит. по 62, с.28].

О том, что в осмыслении явления обнаруживается место воли, можно судить по работам Х.Г. Гадамера, ученика, последователя М.Хайдеггера. Понимание затрагивает все стороны жизни человека, всех сторон его деятельности. Здесь понимание становится фундаментальной характеристикой человеческого бытия вообще. В работах Гадамера понимание начинает представляться не просто как метод, а как существенный момент универсальной доктрины, которой предстает герменевтика.

Именно здесь начинают отчетливо обнаруживаться моменты, которые позволяют обнаружить в процессе осмысления, т. е. понимания, нечто третье. На наш взгляд, как эта третья субстанция в процессе понимания есть воля. Понимание, по мысли Новалиса, осуществляется не только через разум, но и посредством всех духовных сил человека.

Для понимания необходимы предпосылки, которые делают этот процесс возможным и необходимым. Эти предпосылки формируют сами условия человеческого бытия, его место в разделении труда, места в иерархии власти, в механизме распределения общественных благ. Все это формирует определенную традицию, в которой прибывает человек, и которая предопределяет характер его осмысления. Беспредпосылочное понимание, как пишет по данному поводу Гадамер, есть «фикция рационализма». Сознание схватывает сферу вторичную, когда оно уже предварительно оформилось, оно предопределено в направлении своего поиска истины и ее оправдания.

Если рассматривать понимание как осмысление предмета исходя не только из познания самого предмета, т. е. из него самого, но из признания противоречивого, противоположного отношения людей к предмету, т. е. признания того важного факта, что отношение одной социальной группы, одного индивида к предмету есть часть целого, то следует признать, что эти отношения есть отражения абстрактные, односторонние. Они не выражают истину, скорее они несут лишь момент истины. Истина есть сознание целого.

Здесь познание целого есть его знание как целостного, преодолевшего одностороннее и абстрактное отношение отдельных индивидов, групп, коллективов к предмету.

Знание целого, когда целое познается через его части, а части осмысляются исходя из знания целого, следовательно, возможно только в том случае применительно к сложнейшему предмету – социально-экономическому бытию как индивидов, групп, так и общества в целом – когда мы признаем один следующий существенный момент. Противоположность членов социума порождает селективную направленность на конечный результат – каким бы его хотели видеть, что от него, т. е. целого хотели бы ожидать, что, это целое, могло бы принести в бытие индивида, группы, общества в целом, наконец, что несет с собой этот предмет понимания для самого субъекта.

Если любая иная сторона «не войдет в положение», не предпримет усилие для понимания интересов другого, не отбросит интерес другого как малозначимый, то можно утверждать, что формируются условия становления целостности всего сообщества, обнаруживается «консенсус воли» частей. Если будет выполнено последнее, то предмет исследования, прошедший через процесс понимания, осмысления целей, задач, мотивов, интересов отдельных частей, приобретает признаки знания его как некоторой целостности, т. е. тотальности, или целокупности. Здесь отдельный член, звено, группа уже не рассматриваются другими как средство, но как средство и как цель одновременно. Следовательно, индивид, группа как части исчезают, начинают формироваться индивид, группа как орган. Механическое целое переходит в новое качество. Совокупность элементов часто приобретает черты, трансформируется в целокупность.

Воля единичного не подавляется, она начинает приобретать значимость, ее интересы учитываются, становятся моментом всеобщего интереса.

Итогом этого процесса становится перерастание знания, индифферентного к субъекту, в смысл. Этот процесс не отбрасывает, не отрицает знание, он лишь приносит к знанию, т. е. осознанию предмета, своего специфического отношения к предмету. Процесс понимания, следовательно,

есть процесс наполнения знания субъективным моментом заинтересованного отношения индивида, группы к предмету, в нашем случае, к социально-экономическому бытию.

При подобном понимании, т.е. осмыслении явлений социально-экономической действительности следует в тоже время преодолевать две возможные крайности. Во-первых, наша концепция природы понимания отрицает, преодолевает психологизм. В этом случае осмысление сводится исключительно к процессам индивидуального сознания, способного отрываться от объективной реальности, и бесконтрольно со стороны разума конструировать субъективный образ. Во-вторых, следует преодолевать трансцендентализм, как это имело место в концепции Е.Н.Трубецкого, когда смысл представляется в качестве посторонней объективной идее, мирозначимому смыслу.

В последнем случае должно быть ясно, что бесконечность процесса познания обусловлена не только бесконечностью и неисчерпаемостью материальной действительности, но и неисчерпаемостью практической форм деятельности по освоению природного и социального мира. Следовательно, можно говорить о бесконечности форм заинтересованного отношения человека к познаваемому миру. «Природа, материальный мир, взятые сами по себе, вне социального субъекта - человеческого общества и его предметной преобразующей деятельности, - не могут быть источником знания... Теория познания не сводит отражения к простому механическому соответствию знания и действительности, она утверждает активный характер отражения, направленного и мотивируемого общественной практикой» [62, с. 47].

В этом плане интересны взгляды на роль критики. Последняя не может быть исключительным критерием истины с точки зрения гносеологии. Во-первых, потому что критика одновременно и критерий истины, во-вторых, «практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» [63, Т. 42, с.290]. В-третьих, практика, чтобы претендовать на роль критерия истины должна само быть понятой в своей истинности.

Последнее нас опять как бы вводит в герменевтический круг, сформулированный во времена патристики св. Августином «Надо верить, чтобы понимать, и понимать, чтобы верить». В формулировке В. Дельтея и Ф. Шлейермахера этот герменевтический круг принимает форму связи воедино понимания и объяснения. (Чтобы понять, надо объяснить, но чтобы объяснить необходимо понять) [Привожу по 62, с.30-31].

Применительно к предмету нашего исследования эта проблема понимания, т. е. осмысления, в нашей формулировке также увязывается

воедино в герменевтическом круге. Мы понимаем то, что мы желаем понять, а желать мы можем то, что понимаем.

Следовательно, противоречивость, неоднозначность, диалектичность процесса познания и понимания обнаруживается в сложном, неоднозначно протекающих процессах самого отражения. Азбучность истины этого феномена в том, что знание есть познание объективных свойств, т. е. свойств, бытие которых не зависит от индивидуальных волей и индивидуальных сознаний. Здесь объект существует как онтологически целостный, т.е. как объективное целое. С другой стороны, субъективный теоретический образ, идея этого объекта, ставшая предметом индивидуального сознания может формироваться только как результат влияния на интеллигенцию заинтересованного, направленного отражения объекта познающим субъектом. Объект может отражаться в индивидуальном понимании в той мере, в которой его ориентировала индивидуальная воля, в той мере, в которой объект соответствует целям, потребностям, значимости для индивида, в его практике. Всё это свидетельствует о социально экономической значимости объекта как предмета осмысления для индивида, группы, общества в целом.

Последнее может свидетельствовать и в некоторой степени пояснить, почему прежде в СССР доминировала марксистско-ленинская теория познания, марксизм как учение, и не развивались иные теории? Ответ, как нам представляется, лежит в следующем. Именно марксизм – ленинизм в наибольшей степени отвечал потребностям правящей Коммунистической партии СССР. Именно это учение соответствовало ценностным ориентациям партии.

Всё это придаёт познанию конкретный – исторический характер, где ключевое место отводится ценности, отражающей ориентиры, приоритеты в практической деятельности, который всегда является целенаправленной, целеполагающей деятельностью. Вся человеческая жизнь есть процесс освоения и присвоения в процессе обмена человека с природой и другим человеком условий, факторов своего собственного бытия. При этом орудия, предметы труда, являясь средством достижения главной цели – воспроизводству жизни – сами приобретают момент целеполагания. Человек ранжирует все факторы своего собственного воспроизводства в соответствии со шкалой ценностей. Но так как деятельность по собственному воспроизводству есть деятельность индивида, наделённого способностью не просто отражать действительность, но отражать её теоретические, т. е. в идеях, то само знание становится таким же целеполагающим результатом как и сами орудия, предметы производства. Следовательно, познание есть такой же процесс

присвоения мира, в том числе социально – экономических форм бытия индивида, группы, общества в целом, как само производство орудий и предметов труда. Различие здесь только в сфере, где протекает это присвоение. Познание есть процесс теоретического духовного присвоения вырабатываемого мышления, знания.

Термин «смысл» становится синонимичным термину «концепт». Как указывает по этому поводу Ю.С.Степанов, значение слова есть предмет, соотносится с материальными вещами и идеями, к которым этот термин, слово правильно, в соответствии с нормами данного языка применимо, а концепт есть смысл слова [79, с.44].

Поэтому, если проследить мысль Г. Гегеля о смысле истории, то последний всю историю представляет как историю мысли. Развивая эту идею Р.Дж. Коллингвуд пишет, что в той мере в какой человеческие действия – просто события, историк не может понять их; строю говоря, он даже не может установить, что они произошли. Они познаваемы для него лишь как внешнее выражение мыслей. ...Правильная постановка задачи историком - не в том, что они узнали, что люди сделали, но в понимании того, что они думали [См. 79, с.55].

Последний тезис при всей своей глубине и важности для науки познания, все же в свете изложенного нами несколько ранее нуждается в существенном уточнении. Чтобы понять смысл истории, следует первоначально знать, что хотели, чего добивались члены раннего сообщества, каковы были их ценностные ориентиры к присваиваемым условиям своего собственного бытия, наконец, каково было содержание их воли.

Следовательно, познание есть как процесс получения нового, усвоения старого, переработка прежнего, применительно к изменившимся социально – экономическим условиям бытия знания, так и его духовное присвоение. Суть последнего можно охарактеризовать как процесс становления формирования предпосылок в духовной сфере для его собственного воспроизводства.

Но присвоение духовное, как и присвоение материальных условий собственного человеческого бытия не может протекать вне постановки и ответа на вопрос – насколько значимо, ценно это присвоение? Поэтому человек смотрит на мир и на самого себя через сетку ценностной оценки мира. Следовательно, и сам мир отражается сознанием через луч направленности своих интересов, и эта сетка есть воля.

Присутствие воли отражается в самой сущности индивида, в его характере, в отношении к обществу, природе, наконец, к познанию. Так, некоторые исследователи разводят понятия «сущность человека» и «личность».

И если сущность человека согласно теории Г.Гуджиева складывается с самого детства и потом почти не меняется, то личность есть то, что мы получаем извне, т.е. знания, привычки, умения, правила жизни. Другими словами, личность есть то, что сформировалось в нас под влиянием внешней среды. Личность может формироваться сколько угодно долго. Однако воли в человеке отнюдь не прибавляется. Человек оканчивает институт, пишет книги, становится известным ученым, однако, в сущности, он остается тем, кем он стал в детстве. Он ведет себя глупо и беспомощно, оказываясь неспособным принять решение, навязать волю другим, либо хотя бы противостоять агрессии чужой воли.

В то же время личность остается податлива. Алкоголь может усыпить личность, она как бы исчезает на время, однако сущность остается. Следовательно, воля придает существенные характеристики индивиду, раскрывая его со стороны внутреннего и устойчиво в. Без воли сущность умирает, в то время как личность индивид живет, пишет книги, выступает с речами, руководит страной, наконец. И таких людей, как утверждает Гуджиев Г., много [73, с.52].

Как мы полагаем, причина кроется в том, что личности, индивиды, могут не соотносить свое осознание мира, т.е. знание, с осознанием самого «Я». Не осознавая последнего, невозможно приобрести ценностное отношение теперь уже к миру экономики. Теперь уже без оттого опосредующего элемента не может обрести себя и воля сначала в познании, понимании, а затем в действительности.

Проблема исчезает, когда человек осознал свои интересы, он познал ближайшее окружение с позиций ценностной шкалы. Однако проблема возникает каждый раз, когда человек не знает предмета, он лишь может осознать свои потребности, но мир для него остается непонятым. Человек познает его исходя из некоторых предположений. Его поиск целенаправлен, заинтересован. Разум еще не освоил, духовно не присвоил предмет вождений человека, и последний смотрит на мир через призму своего целеполагания. Направленность не освоившего предмет разума может сформулировать не сам разум, ибо в его содержании этот предмет вначале есть чистое «ничто», которое потом только перерастает, по-Гегелю, в «нечто». Эту направленность формирует воля, которая противоположна разуму, хотя в познании разум, освоивший предмет, осознает и волю. Тем самым происходит процесс отрицания воли разумом.

Выявление ценностных для индивида характеристик предмета и есть его осмысление. Если окружающая человека социально-экономическая действительность приобретает смысл для человека, то эта действительность

становится понятной, хотя и не принятой. Осмысление и понимание имеют место только в контексте целесообразной практической и духовной деятельности. Последняя обусловлена множеством, богатым многообразием прямых и опосредованных связей и целей. При этом каждая цель, средство как условие бытия индивида, приобретает, занимает особое место в шкале ценностей человека. Познание тем глубже, чем оно более широко охватывает эту паутину бесчисленных прямых и опосредованных связей. Тем самым одновременно индивид всё глубже проникает в сущность явлений, тем в большей степени реализуется цель — понять специфическую природу исследуемого социально-экономического явления.

Этот социально-экономический феномен тем самым приобретает значение и смысл для отдельной личности, социальной группы, общества в целом. Следовательно, сущность того или иного социально-экономического явления есть не просто индифферентное для индивида отражения глубинных свойств, характеристики явления. Сущность для нас это, прежде всего, дифференцированность, селективность отраженных социально-экономических характеристик, или дифференцированная сущность.

Само по себе незаинтересованное, как бы независимое от вожделий исследователя, отражение есть вещь, потенциально несущую в себе возможные ценностные характеристики. Не случайно то, что под ценностью вещи понималось это единство самой вещи и ее смысла, т.е. значение для индивида. Так К. Маркс при анализе товара и стоимости разлагал собственно ценностную вещь (*die Wertding*), ценностную предметность (*die Wertgegenstandlichkeit*, как конкретное деятельное состояние вещи, в т. ч. ее функциональное предназначение) и саму ценность, которую не совсем правильно и оправдано впоследствии стали именовать стоимостью (*das Wert*, как проявление ценностной предметности) [62, с.50]. Последнее есть уже собственно не вещь, а сущность этих сложных общественно-экономических отношений, которые сложились между людьми в процессе воспроизводства товаров. Товар есть не просто вещь, но и материализация ценностей, т.е. воплощение, опредмечивание производственных общественных отношений.

Все сказанное можно отнести и к конкретным материальным формам, являющимися сгустком, материализацией производственных отношений, например к деньгам. Деньги есть вещь, деньги есть носитель ценностей, деньги воплощают определенный смысл. И без последнего вообще становится невозможно понять ни характера производства, ни его целей.

Целое всей системы социально-экономического бытия определяет, в конечном счете, сущность конкретных исторических форм, конкретной

формулировки проблемы, их внутреннюю мотивацию, интерпретацию поведения. Именно осмысление целого предопределяет формы, результаты осмысления конкретных шагов в социально-экономических феноменах на местах, в отраслях, на предприятиях, хозяйствах, наконец. Другими словами понятие смысла целого, есть шаг, предпосылка понимания смысла частности в социально-экономическом обустройстве общества.

В нашей трактовке термина «понятие» существенным является то, что понятие не может характеризоваться как достаточными признаками содержанием и объемом, или денотатом. При этом содержание понятие трактуют одновременно как его концепт. Этимологически концепт есть калька латинского *conceptus*, т.е. «понятие» от лат. глагола *concipere* - «зачинать». Это уже в русском языке можно трактовать как «поятие», «зачатие». Понятие, следовательно, исходит от глагола «пояти», с древнерусского означает схватить, взять в собственность, взять женщину в жены, причем этот смысл буквальный. Концепт трактуется далее как бы сгусток культуры в сознании человека, как нечто то, в виде чего культур а входит в ментальный мир человека, с одной стороны, а с другой, концепт есть то, посредством чего уже сам человек входит в культуру, уже являясь творцом культурных ценностей, но, тем не менее, оказывающий некоторое влияние на культуру. В результате в отличие от понятий в собственном смысле слова-концепты не только мыслятся как понятия, но они переживаются, являясь предметом эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. В итоге концепты мыслятся и понимаются как основная ячейка культуры в ментальном мире человека [79, с.43].

Следовательно, концепт уже начинает представлять в нашем понимании более сложным образованием, по сравнению с традиционным содержанием и объемом самого понятия. Концепт включает в себя не только результат познания предмета, но и его смысловое содержание, т.е. результат понимания, или осмысления. Уже более близкими терминами становятся не пара концепт-понятие, а концепт-смысл. Однако это уже мало, что имеет общего с трактованием терминов, которое принято в математической логике, особенно в ее распространенной версии по Г. Фреге и А. Черчу. В данных работах термином «концепт» называлось только содержание понятия. Значение же слова есть вся совокупность предметов, к которому относился этот термин, т.е. денотат, или объем понятия.

Концепт же имманентно включает в себя и значение, как ценностное уже отношение познающего, деятельного субъекта к предмету. Иметь значение раскрывается в характеристике ценности его. Следовательно, познать предмет мысли и понять предмет мысли имеют разный результат. Первый приводит к

осознанию, к формированию знания, в котором главный органон есть разум, а результатом второго есть концепт, или смысл.

В современном русском языке термин «смысл» имеет несколько трактований. Смысл как: 1) внутреннее логическое содержание, значение чего-то, постигаемое разумом; 2) разумное основание, назначение, цель; 3) разум, разумность. [См. 60, с.1220].

Если термин начинает приобретать иную окраску, толкование, то следует ответить на вопрос, насколько имеет научную значимость данная терминологическая новация в исследовании, не возводится ли очередное «терминологическое столпотворение»? Ответ лежит в плоскости реальности смысла. Подобная постановка в философии уже давала в принципе два возможных ответа на поставленный вопрос, в зависимости к какой философской концепции принадлежал исследователь. «Реалисты» с их принципом «общее реально до вещей», т.е. универсалии, понятия объективны, они существуют реально вне человеческого ума, имея идеальную природу; и «номиналисты» с их принципом – «универсалии есть лишь имена после вещей», а реально существуют только единичные вещи. «Концептуалисты» в этом вопросе занимали промежуточное положение.

Мы исходим из того, что ценностное отношение неразрывно связано с самим предметом, как предметом его вожделений. Смысл объективен, как и объективен сам человек, познающий, понимающий и осмысляющий мир. Более того, даже если человек не может улавливать смысла, не может познать предмет, оценить его полезность, он никогда не индифферентен к нему. К нему направляет человека его воля, как хотение, или наоборот нежелание.

Концепт, или смысл, имеет свою внутреннюю форму, или «буквальный смысл». Иметь для кого-то смысл следует трактовать в том разрезе, что какое-то явление, вещь есть предмет вожделений, имеет в этом отношении определенную значимость. Если предмет приобретает положительную оценку человека, к нему проявляется интерес первоначально в познании, а затем в присвоении. Как было отмечено ранее, понимать от древнерусского слова *пояти* означает схватить, взять в собственность. Но и к предмету вожделений относится слово *хочу*. И как показывают исследования корень глагола *хотеть* обнаруживает единство с глаголом со значением *хватать*. Отношения *хватать-хотеть* являются специфически славянскими. Семантика глагола *хотеть* в старославянском и русском означает иметь состояние намерения, стремления обладать.

Воля напрямую соотносится с хотением, с присвоением, с пониманием. Однако воля в понимании есть состояние готовности к действию, к действию по

приобретению-хватанию [79, с. 430—434]. Таким образом, в процессе понимания с необходимостью обнаруживается присутствие воли, что в результате и позволяет от знания предмета дойти до его понимания смысла. Смысл уже самым тесным образом связывает самого субъекта и объект в единый процесс – понимания, присвоения. В процессе же познания субъект познания как бы абстрагирован от связи с возможностью его присвоения. Если в знании есть его осознание предмета, то в понимании уже присутствует смысл, как результат понимания. Следовательно, понятие является более глубоким и содержательным, чем это традиционно представлялось в гносеологии.

Внутренне присутствие воли в структуре смысла позволяет утверждать, как философствует по этому подходу А. Шопенгауэр, примат воли над разумом, иррационального над рациональным. Разум, каких бы ступеней совершенства не достиг, дает лишь внешнее знание о мире и он не может постигнуть его изнутри. Это способна сделать только воля, через которую индивид взаимоувязан в космическую первооснову миру. Не воля подчиняется разуму, а, наоборот, разум воле.

А. Шопенгауэр разводит понятия самосознание и сознание как сознание других вещей, или познавательная способность. Самосознание есть сознание собственного «Я», т. е. противоположна сознанию. Сознание направлено во вне, служит ареною для реального внешнего мира, сознание как бы перемалывает до бытия им же, т. е. сознанием данные, перерабатывает их в понятия, что и составляет содержание процесса мышления.

Самосознанием, следовательно, будет то только, что останется за вычетом собственно сознания иного. Сущностная доля самосознания, как форма непосредственного осознания собственного «Я» есть нечто волящее.

Отец церкви Августин по этому поводу пишет об «аффектах» души (*affectionibus animi* – лат.), замечая, что именно в аффектах души прибывает воля. Более того, все формы аффекта души есть ничто иное, как побуждение воли, ибо чем могут быть вождение и радость, как не волей одобрять то, что мы хотим? И чем могут быть страх и печаль как неволей не одобрять того, что мы не хотим [см. 64, с. 52].

Самосознание исключительно занято волей «когда человек хочет, он всегда хочет чего-нибудь: его волевой акт неизменно направлен на какой-либо предмет и может быть мыслим по отношению к какому-нибудь такому предмету. Что же значит «хотеть чего-нибудь»? Это значит: волевой акт, сам представляющий собою, прежде всего лишь предмет самосознания, возникает по поводу чего – либо, принадлежащего сознанию других вещей, т.е. являющегося объектом познавательной способности, объектом, который в этом

качестве носит название мотива и в тоже время даёт содержание для волевого акта; последний на него направлен, т.е. имеет целью какое – либо изменение, следовательно, реагирует на него, - в такой реакции и заключается вся сущность этого акта.

Уже отсюда ясно, что он не может наступить без какого – либо подобного мотива, как в противном случае ему не доставало бы как повода, так и содержания» [64, с. 54]. Воля предстает как внутренняя движущая сила самосознания, отдельное проявление которой есть мотивы. Разум, как и вообще познавательная способность, представляет собой нечто вторичное, принадлежащее явлению, даже прямо обусловленное организмом.

Подлинное же зерно, единственное метафизическое и потому неразрушимое в человеке, есть его воля. Познание же и воление нераздельны, связаны и спаяны неразрывными единствами. Правда, если абсолютное большинство философов считало и считает, что воля, обусловленная познанием, являясь основой духовной сущности, то некоторые, и среди них ярко выделяются своей категоричностью суждений об обратном, как, например, А.Шопенгауэр, считали обратное. Воля полностью отделена от познания. В его учении «вечное и нерушимое в человеке, которое составляет его неизменное начало, - не душа, а радикал души, и это и есть воля... Воля первична, она prius организма, и организм обусловлен ею.

...Воля есть та сущность в себе, которая только в представлении (простой функции мозга) предстает как органическое тело; посредством форм познания (как функции мозга), ... тело дано каждому как протяженное, расчлененное, органическое, а вне этих форм непосредственно в самосознании [15, с.29].

Воля у А. Шопенгауэра полагается как вещь в себе, как нечто совершенно первичное. Ее объективация, простая зримость, есть тело, познание же есть простая функция организма. Когда волю освещает познание, то она становится произволом. Движущими причинами воли здесь выступают мотивы, т.е. представления. Другими словами, мотив определен как внешнее раздражение, под воздействием которого в мозгу возникает образ, и при его посредстве воля совершает действие, например, формируется понятие. Истинная сущность человека не в сознании, а в воле. Воля «не связана с сознанием, а относится к сознанию, т. е. познанию, как субстанция к акциденции, как освященное к свету, как струна к резонатору, и проникает в сознание изнутри, как физический мир проникает в него извне» [15, с.267]. Воля по существу, следовательно, не повинуетя интеллекту, последний многое предлагает воле, однако она выбирает то, что соответствует ее сущности, в нашем случае самой

специфической природе человека, группы, общества, определяясь при этом с необходимостью.

У А. Шопенгауэра это есть ключевое положение в соотношении воли и познания, и в этом исходном пункте мы не можем соглашаться и принимать это положение в дальнейшем построении системы аргументации. Как нам представляется, у А. Шопенгауэра воля и интеллект разведены по разным сферам. Правда, эта связь все-таки А. Шопенгауэром устанавливается, когда он рассуждает о взаимосвязи воли и интеллекта. Существенное в расхождении наших позиций отмечается в том, что у А. Шопенгауэра невозможна принципиально этика, которая формировала бы волю. Ибо каждое учение действует только на познание, а оно никогда не определяет саму волю или основной характер воления. Учение определяет лишь его применение к подлежащим обстоятельствам. Регулирующее познание может модифицировать детальность лишь тем образом, что более точно, тщательно, определяет доступные выбору воли объекты и позволяет более правильно судить о них. Другими словами, воля в состоянии по своей природе более правильно оценивать своё отношение к вещам, определять, что она хочет, следовательно, меньше ошибаться при выборе средств, методов благодаря познанию. Однако над самой волей, над процессом воления, над его главной направленностью и главной максимой интеллект власти не имеет. Как образно по этому поводу выражается А. Шопенгауэр, полагая, что познание действительным и коренным образом определяет волю, равносильно утверждению, будто фонарь, которым человек освещает путь ночью, есть *primum mobile* его шагов. Человек может обнаруживать свой недостаток, свои вредные привычки и их пагубность для организма последствий. Наступает пора раскаяний, сожалений, увещаний. Однако, со временем, этот недостаток опять может проявиться и несколько раз с различной периодичностью. Пережив эти циклы, человек понимает, что он не может исправиться, что этот порок, недостатки в его собственной природе и личности, более того, он образует с этим пороком нечто единое и нераздельное.

Теоретическое или обыденное осмысление этой противоречивой ситуации, как способности осознавать, становится явно недостаточной, для того, чтобы деформировать волю. Воля выказывает себя как более сильное, неодолимое, неизменное, первичное и одновременно более существенное. Интеллект становится как бы зрителем чужих деяний, который он сопровождает бессильным одобрением или порицанием.

Если бы воление происходило бы только из познания, то гнев человека должен был бы соответствовать в каждом данном случае его поводу, или, по

крайней мере, его пониманию, ибо он должен быть бы ничем иным как результатом познания. Однако этого как раз и не наблюдается.

Интеллект как простое орудие воли так же отличается от нее, как молот от кузнеца. Пока в беседе действует только интеллект, она остается холодной. Создается даже впечатление, что человек как бы и не участвует в беседе. Он не может скомпрометировать себя, разве что, обнаружив недостаток знания. Только тогда вступает воля спор становится жарким. Последнее приписывают воле, т. е. жаркость спора, оживление, бурный характер его протекания. О рассудке же говорят, что он холодный. Подвергнуться холодному теоретизированию, значит мыслить без влияния воли.

Поэтому нет ничего досаднее, чем убедить человека в ходе спора последствий доводов и объяснений, полагая, что мы имеем дело только с его рассудком. В конце концов, мы удостоверяемся в том, что он не хочет, не желает, не имеет подвижек, интереса понимать, что мы имеем дело не с его рассудком, его интеллектом, а с его волей. Его рассудок не воспринимает истину, более того намеренно выдвигает свое непонимание. Здесь подступиться к человеку в этих условиях становится невозможным, ибо все доводы, аргументы, доказательства направлены против его воли. Поэтому тщетно ждать признания важнейших истин от тех, кто заинтересован в том, чтобы они не утвердились. Неважно почему, потому ли, что они противоречат тому, чему учила и учит профессура, или тому, что этими истинами будет недозволено воспользоваться, либо потому, что выводы, последствия, практические действия других будут направлены против интересов других. Следовательно, тот, кто ждет от оппонентов признания своих идей, окажется обманутым. Более того, он в течение определенного времени даже не поймет, почему оппоненты так себя ведут, пока не придет к мнению, что тогда, когда он обращался к рассудку, к познанию, он, тем не менее, имел дело с волей. Как пишет по этому поводу А. Шопенгауэр, человек прибывал в этом положении подобно подсудному в суде, все члены которого подкуплены [15, с.286–289].

При всей фундаментальной важности привнесение в процессе познания момента воли А. Шопенгауэр, как нам представляется через 150 лет после выхода его главного философского произведения «Мир как воля и представление», предельно упростил проблему формирования понятия. Вряд ли можно серьезно говорить о предопределенности в отношениях воли и интеллекта. На уровне сущности нет и не могут возникать отношения детерминации, как не могут возникать какие-то предопределяющие отношения между двумя принципиально различающимися сферами бытия представления у А. Шопенгауэра, или явления, и сущности. Явление есть не явление чего-либо,

т. е. какого-либо иного явления, или феномена. Сами явления не являются, как писал по аналогичному поводу Э. Гуссерль. Явление есть явление сущности. И здесь нет и не может быть предопределенности внутри отношения явления и сущности, а есть явления самой сущности. Этот же довод направлен и против второго фундаментального положения теории А. Шопенгауэра, а именно, в первооснове, как порождающей все и вся вместе со своими бесчисленными модусами, или акциденциями. Эта та надуманность теоретизирования, которой грешит А. Шопенгауэр, и по поводу которой он обрушивает свой гнев против схоластов, помещая в первые ряды таких великих и глубоких по своей пронизательности умы, как например, Г.В.Ф. Гегель. Объявляя волю как вещь-в-себе, по аналогии с И. Кантом, А. Шопенгауэр, по сути, закрывает за собой дверь этой кантовской невозможности познавать *Sache-in-sich*, ибо перед исследователем есть воля как вещь-в-себе, но не непосредственно, а лишь в форме ее явления. Однако, разделяя самым существенным образом в теории познания явление вещи и саму вещь, ее сущность, А. Шопенгауэр самым существенным образом ограничил возможности для своих оппонентов, оставляя для всего остального мира веру в его откровение.

Как нам и представляется, проблема более глубокая и неоднозначна воспринимаемая. Во-первых, мы исходим из предпосылок, что воля не может раствориться в природе. Она оставляет свой след в жизни общества, природы лишь постольку, поскольку этот след оставили сознательно действующие в исторически определенных периодах времени люди. Последние действительно воплощали в себе люди, как индивиды, группы, социальные сообщества, народы, наконец, члены, которые наделены сознанием и волей. Скорее можно допустить, что след в истории в большей степени оставили люди не осознавшие своих действий, поступков, не схвативших истину их исторически определенного бытия, но то что были люди, индивиды наделенные волей, носители воли, то это положение вряд ли может быть опровергнуто.

Воля и сознание не разделены, как полагает А. Шопенгауэр, а целостны. У воли и сознания общий дом – «индивидуальное совместное бытие» – мозг.

Наличие воли есть наличие способности осуществлять, в т.ч. в процессе мышления, действия, направленные на самосознание своего «я», своего места в системе отношений «Я к иному», «Я к объекту», который является объектом вожделений «Я», его хотения, его потребностей, его интересов. Осуществление воли, ее явление вовне есть проявление потребностей «его» как поведение, определяемое мыслью о своем «Я», о собственном воспроизводстве, о своей собственной жизни. Эта тенденция не может не получать ту или иную

оценочную характеристику. Здесь неуместны различного рода модальные, аксиологические, например, суждения.

Следует в познании видеть сложный процесс, который в своей собственной внутренней природе несет диалектическое противоречие. Познание есть приобретение знания о другом. Знание есть осознание природы бытия другого, мира, потустороннему «Я».

Однако это познание приобретает в сознании бытия другого, «не-Я», есть лишь одна сторона, точнее диалектический момент, познания вообще, Это познание «не-Я» с позиций ценности, значимости, полезности для индивида. Это о но ешие «Я» к самому себе и есть воля, как некото р а дифференцированная сущность познания вообще, как некоторой целостности. Это отношение «Я» к самому себе не есть то отношение, которое Г. В.Ф.Гегель определяет как саморефлексия, или мышление, направленные на само мышление. То, о чем идет речь у Гегеля, это сфера гносеологии, теории познания. То, что есть проявление отношения «Я» к «не-Я» опосредованное отношением «Я» к самому себе есть этика.

Действительно познание не может войти внутрь себя самой, ибо здесь внутреннее есть сфера принципиально иной природы. Познание «не-Я», исходя из природы ценностей для «Я» есть процесс уже не просто познания, а процесс его понимания. Если в процессе познания формируется знание, как осознанное бытие вещи в сознании, то процесс понимания оформляется понятие смысла, или концепта. Следовательно, смысл более объемное понятие, включающее в себя как знание иного, так и осознание отношения «Я» к объекту, опосредованное его отношением к самому себе, или самоосознанием. Последнее позволяет осуществлять селекцию в отношении метода, форм познания, привлечение фактов в качестве аргументов и способности вообще принимать данные в качестве либо исходных посылок, либо итогов мышления.

Воля, являясь в самоосознании, совсем не обязательно пребывает как познанная, т. е. она может оставаться как вещь-в-себе, как сущность, как основная детерминанта нашего поведения. Тем самым воля формирует направленность нашего познания через систему ценностного отношения в самом процессе познания.

Будучи моментом в познавательной деятельности и формируя понятия, суждения воля всегда остается как бы на заднем плане, дирижируя всем оркестром инструментария, методов и приемов познания.

Ее роль в этом диалектически противоречивом процессе познания-отношения негативна, с точки зрения отрицания, с другой стороны, воля как самосознание или, наконец, усвоение на вере ценностного отношения «Я» к

объекту познания, который всегда есть предмет вожделения самой воли, осуществляет свою ведущую роль.

На поверхности социально-экономического бытия это проявляется в предельно простой форме.

Во-первых, мы видим, познаем, то и тогда, что и когда мы желаем, когда и в отношении чего заявляют о себе наши желания и вожделения. Еще ничего не понимая в действительности, нас туда направляет наша воля, смутно проглядывающаяся сквозь призму личных, корпоративных и иных потребностей и интересов. Следовательно, знание о предмете, во-первых, может генерироваться отдельными индивидами только как абстрактное знание о целостной социально-экономической действительности.

Во-вторых, если исследователь стремиться к некоторому целостному теоретическому образу, целостной идеи социально-экономической действительности, то результат может быть получен как в большей степени удовлетворяющий принципам целостности при условии того, что он является результатом теоретического отражения предмета индивидами различных социальных слоев, представителями различных экономических страт в едином процессе присвоения, распределения и, наконец, воспроизводства условий собственной человеческой жизни.

В-третьих, никогда нельзя дать целостного теоретического образа социально-экономической действительности. Это всегда будет модель действительности, отмеченная односторонностью. Однако принцип целостности позволяет наиболее точно, с учетом большинства охватить в сознании объект социально-экономической жизни, учитывая, а не игнорируя интересы, потребности избирательного отношения индивида к объекту, а, следовательно, и к предмету познания.

В-четвертых, познание объекта с позиции его ценностных характеристик формирует смысл для познающего. В этом процессе формирования смысла ведущая роль отводится воли в ее внешнем проявлении и осуществлении.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Если попытаться наиболее кратко выразить круг проблем, которые были затронуты в данной книге, то все они лежат в сфере проблем природы, как традиционных методов познания, так и тех проблем, которым не уделялась особого внимания в работах специалистов. Метод воспроизводится уже не просто как некоторый путь исследования, как способ достижения какой-либо цели или решения научной проблемы, как некоторая совокупность приемов и операций практического или теоретического познания действительности и ее освоения. В работе предпринята попытка представить метод как способ построения и обоснования системы научного знания. В архитектуру научного знания была привнесена воля, которая уже не может игнорироваться, или принижаться в процессе формирования целостного теоретического образа объекта. Более того, само понятие «объективность» уже не мыслится традиционно исключительно как нечто противостоящее и противопологающее разуму. В этой принципиальной для наших выводов позиции мы исходим из результатов критического осмысления работ и самого метода И.Канта. В методологию, как учение о принципах, основах построения научного знания, используя терминологию И.Канта, архитектуру чистого разума, привнесена воля.

В итоге, если использовать не совсем корректную с позиции методологии понятие «объективистской» ветви познания, как и не менее корректную форму «субъективистскую» ветвь, в работе обнаруживается в итоге не только подобная некорректность, но выдвигается и обосновывается тезис о необходимости диалектического синтеза этих направлений. Этим опосредующим звеном становится воля, которая в конечном счете опосредует отношение субъекта к объекту познания, а будучи понимаема как самосознание собственного «Я», с необходимостью формирует в процессе познания и ценностное отношение субъекта к объекту.

В результате истинность модели, теоретического образа не утрачивается, как полагают абсолютное большинство. Наоборот, все в большей степени формируется целостный образ. Саморефлексия позволяет не разорвать связь субъекта и объекта, а дополнить направление в познании социально-экономических процессов в обществе. Это опосредствующее самопознание «Я» в форме воли несет в себе момент свободы, так как субъект осознает себя свободным постольку, поскольку собственный поступок представляется ему идентичным сознанию свободы [78, с. 205].

Это позволяет нам уже сделать вывод, что сама свобода в познании не лежит исключительно в сфере разума. Свобода в познании мира-экономики ограничивается самосознанием «Я», или волей. Связь между волей и свободой здесь не предстает уже в своей несколько упрощенной, или абстрактной от самого «Я» форме. Воля, будучи познанной самим разумом уже перестает быть волей, т.е. становится содержанием самого разума. Однако до этого момента непознанная, а, следовательно, не присвоенная содержанием разумного, логичного, рационального воля не перестает оставаться волей. Воля, которая уже силой разума приоткрывает это собственное отношение к «Я», тем самым сбрасывает это покрывало Майи.

Следовательно, воля у И.Канта, как высшее воплощение, как «возможность» поступать свободно, есть некоторая крайность. Однако воля есть атрибут сознательного, имеющего связи между разумом и волей. И именно благодаря воле разум только и может обеспечить себе статус действительности. Без воли разум всегда будет оставаться рассеянным, не связанным с предметом как объектом вождлений человека. Воля мыслится уже как способность определять самое себя к совершению поступков, как в познании, так и в практической деятельности, согласно с представлениями о ценности и последствиях совершаемого, о тех или иных законах и закономерностях. Так как воля ориентирована на понимание цели, исходя из собственного осмысления ценностного отношения субъекта к объекту, всегда несет в себе импульс трансформации в разум. Все, что первоначально существовало в воле, становится содержанием разума. Более того, верно противоположное суждение, нет ничего в разуме, которое предварительно не существовало в воле. Однако это не дает основание мыслить волю и разум как некоторое сущностное тождество. Мышление в собственном смысле слова не может иметь место, если отсутствует то желание и воление (Wollen), которое обнаруживается в произволе любого мыслительного акта. Только этот произвол и создает основания для того, чтобы отличить волю от пассивного «рецептивного» момента субъективности [78, с.208].

В итоге многое из того, что имеет место быть в российской действительности, представляется иррациональным, «глупым», неразумным в некоторых исследованиях экономистов. Однако это только на первый непосвященный взгляд. Если воля отдельного политического деятеля и осознается как иррациональная, то, тем не менее, понимая экономику как некоторую целостность, как противоречивое единство экономических субъектов в процессе производства и присвоения доходов в обществе, то воля уже в своей тотальности становится рациональной.

Работа выходит в собственной редакции, ибо экономисты многие не увидели «своей» проблемы, точно также она оказалась «чужеродной» для философов. Это, однако, не столько удивительно, сколько настораживающее печально для экономической теории, в первую очередь, факт. Но мы сделали свое дело, критик первый, не создав ничего подобного, безусловно, пойдет дальше. Тем не менее, мы будем благодарны любой содержательной критике. Ибо наиболее продуктивной мы воспринимаем негативную диалектику с ее органом мышления отрицания, не генерируя при этом некоторые бессодержательные мыслительные образования, не довольствуясь афирмо образованиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Досалиев К.Б. Роль целостного подхода в познании социальных явлений. Алма-Ата. 1985.
2. Кант И. Критика способности суждения. СПб. 1989.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1.
4. Абдильдин Ж.М. Проблема начала в теоретическом познании.
5. Герцен А.И. Избранные философские произведения Т.1. М., 1948.
6. Герцен А.И. Письма из Франции// Утопический социализм. М., 1983.
7. Герцен А.И. Старый мир и Россия// Утопический социализм. М., 1948.
8. Денисов А.А., Волкова В.Н. Иерархические системы. Учебное пособие. Л., 1989.
9. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М. - Л., 1930.
10. Гуткина Б.С. Элементы диалектики в учении Гегеля о чувственной ступени познания. Рига. 1963.
11. Денисов А.А. Информационные системы управления. Л., 1983.
12. Бергаланфи Л. История и статус общей теории систем// Системные исследования. Ежегодник, 1973.- М., 1973.
13. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. М., 1977.
14. Быкова М.Ф. Гегелевское понимание мышления. М., 1990.
15. Шопенгауэр А. О воле в природе. Мир как воля и представление. Т.2. М., 1993.
16. Мергелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси., 1973.
17. Свастьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. Ереван. 1987.
18. Фишер Куно. История новой философии. Т. 8. 1-полутом. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. М.-Л., 1933.
19. Банковская система России. Настольная книга банкира В 3 т. М., 1995.
20. Горюнов В.П. Методологические проблемы комплексности// Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Философия. Вып. XX. Специфика и функция научного знания. Л., 1980.
21. Эйнштейн А. Сборник научных трудов. Т.4. М., 1957.
22. Подольский В.А. Теория познания и принцип развития. // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Философия. Вып. XX. Специфика и функция философского знания. Л., 1980.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2- изд-ние.
24. Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.
25. Bradley F.N. The Principles of Logic. 2- nd ed., vol. 1. London, 1922.
26. Диалектическая логика/ Под ред. З.М. Оруджева, А.П., Шептулина. М.,1986.
27. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К.Маркса. М., 1960.
28. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки теории и истории. 2-изд. М., 1984.
29. Кумпф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы. М., 1979.

30. Материалистическая диалектика. В 5-ти томах. М., 1981.
31. Солопов Е.Ф. Предмет и логика материалистической диалектики. Л., 1973.
32. Солопов Е.Ф. Введение в диалектическую логику. Л., 1979.
33. Теория материалистической диалектики. О единичном, особенном, всеобщем. М., 1978.
34. Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М., 1983.
35. Принципы диалектической логики. М., 1982.
36. Диалектика и логика научного познания. М., 1966.
37. Гегель Г.В.Ф. Сочинения М., 1929-1959.
38. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т.2. Пер. с нем. М., 1993.
39. Вольтер. Философские сочинения. Пер. с французского. М., 1989.
40. Оруджев З.М. Проблемы диалектической логики в экономических исследованиях К.Маркса. Баку. 1965.
41. Мшвидобадзе Т.А. Диалектическое целое. Тбилиси. 1987.
42. Stiehler G. Die Dialektik in Hegiles "Phanomenologie des Geistes" Berlin. 1964.
43. Шинкарук В.И. Единство диалектики, логики и теории познания. Введение в диалектическую логику. Киев. 1977.
44. Диалектическая логика: Категории сферы сущности и целостности. Алма-Ата. 1987.
45. Лосский Н. Мир как органическое целое. М., 1917.
46. Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилисси, 1973.
47. Диалектическая логика в экономической науке. Ученые записки. 179. Московский гос. пед. институт им. В.И. Ленина. М., 1962.
48. Йово Элиз. Проблема бытия и мышления в философии Людвига Фейербаха. М., 1971.
49. Магомедов А.И. Причинность и функциональная связь. Махачкала. 1969.
50. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. Т.2.М., 1971.
51. Лосский Н. Материя и жизнь. Берлин, 1923.
52. Stiehler G. Dialektik und Gessellschaft. Zur Anwendug der Dialektik im historischen Mateialismus. Berlin.,1976.
53. Марксистко-ленинская философия. Диалектический материализм. Ред. Коллегия: А.Д.Макаров и др., М., 1967.
54. Аристотель. Соч. в 4-х т. М., 1975.
55. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни/Сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. М., 1994.
56. Кант И. Критика чистого разума. Симферополь. 1998.
57. Большой толковый словарь русского языка./ Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
58. Васильева Т.Е., Панченко А.И., Степанов Н.И. К постановке проблемы понимания в физике// Вопросы философии. 1978.-№7.
59. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: Философско-гносел анализ.-М., 1985.
60. Ленин В.И. Полн. собр. соч.
61. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность/ Общ. Ред., вступ. Ст. А.А.Гусейнова и А.П.Скрипника. М., 1992.

62. Юм. Д. Трактат о человеческой природе/ Пер с англ. С.И. Церетели; Под общ. Ред. И.С. Нарского. Минск., 1998.
63. Блавадская Е.П. Тайная доктрина. Синтез науки, религии и философии. В 2-х т. Т.1. Космогенезис. Рига. 1937.
64. Блауберг И.В. Проблема целостности системный подход. М., 1977.
65. Югай Г.А. Диалектика целого и части. Алма-Ата.1965.
66. Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964.
67. Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие целостности и её роль в научном познании. М., 1972.
68. Овчинников Н.В. Карл Поппер - наш современник, философ XX века // Вопросы философии, 1972.- 8.
69. Поппер Карл. Нищета историцизма // Вопросы философии, 1972, - 8, 9, 10.
70. Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Философская онтология: Учебное пособие для вузов. М., СПб., 2000.
71. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции 1 – 15 .СПБ., 2000.
72. Луи-де Бройль. Революция в физике. М., 1963.
73. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. Пер с англ. М.: Прогресс, 1983.
74. Адорно Т.В. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003.-374с.
75. Останин В.А. Собственность: сущность, противоречия, формы разрешения. Монография. Изд-во Дальневосточ. ун-та, Владивосток, 1994.
76. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд.2-е, испр. и доп.-М.: Академический Проект, 2001.-990с.
77. Большая Советская энциклопедия. Гл. ред. А.М.Прохоров, 3 -издание. Т. 23. с.1871.
78. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374с.
79. Минакир П.А. Системные трансформации в экономике. Владивосток: Дальнаука, 2001.-536 с.